ВАЛЕНТИН ЛОГУНОВ
БЕСЫ
В КРАСНОЙ ГОСТИНОЙ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»
(1990–1993 ГОДЫ)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Опыт жизни первых трех лет «обновленной России» (1990–1993 гг.) нуждается в непредвзятом осмыслении в самом широком плане, ибо новое поколение уже заняло место продолжателей тех, кто явился творцами и участниками исторических событий, круто развернувших корабль под названием «Россия». Молодое поколение пришло на поле, вспахали и засеяли которое их отцы. Но что именно посеяли, попали ли в землю вместе со злаками сорняки, какой урожай можно ожидать? – Это крайне важно знать, а узнать можно только получив ответы на заданные вопросы. Автор Валентин Андреевич Логунов – известный журналист и политик начала 1990-х гг., избирался народным депутатом СССР, входил в Межрегиональную депутатскую группу, двинувшую в большую политику Бориса Ельцина, работал замминистра печати РСФСР; в 1990 г. возглавил «Российскую газету», а в октябре 1993-го был освобожден от должности председателем правительства В. Черномырдиным с формулировкой «за противодействие указу президента № 1400 (расстрел парламента)». О тех непростых временах начала демократических преобразований в России, на которых зиждется современное общество, эта книга.

- Валентин Логунов
  -
  - Часть первая
    - Так сложились карты
    - Безголосая Россия
    - Как «химичила» партия
    - Нулевой номер
    - Отступление. Как узнал, что я редактор
    - Эти славные дни
    - И не надо десять курьеров
    - Хроника. Первые авторы
    - Плюрализм в одной голове – шизофрения?
    - Мытарства газеты
    - Цитата. Меморандум хутора Репяховка
    - Тиражи уходят в… тираж
    - Хроника. Тиражи и имена
    - Дуэль газет
    - Цитата. О страданиях юной «Комсомолки»
    - Цитата. Как бы я ответил на иск «Известий»
    - Цитата. Кто и как украл «Известия»

- Цитата. «Заявление редакционной коллегии
- Цитата. В ситуации с «Известиями» пока возобладал

○ Часть вторая

-
- Время выбора и бремя испытаний
- Персона: Михаил Горбачев. Не только винить,
- Цитата. Иного пути нет, как поменять власть
- Можно ли было реформировать советскую систему?
- Цитата. Я увидел Россию исторического предательства»
- Между двух огней
- Цитата. А выход есть, и не один
- Цитата. Верю: Россия возродится
- Эдипов комплекс
- Литва как фактор раздора
- Цитата. Заявление Бориса Ельцина
- Хроника. Все против всех
- Рывок к вершине
- Цитата. Президент – для суверенной России
- Цитата. Почему Ельцин? Он побывал на том берегу
- Персона. Борис Ельцин: одна, но пламенная
- «Я к Горбачеву ходить не буду»
- Цитата. Союзный договор. Что несет он народам России?
- Путч и месть «сына»
- Тапочки для президента
- Цитата. В деле ГКЧП полно мифов
- Последняя попытка
- Цитата. Кажется, центр, оправившись от августовских
- Заявление главного редактора
- К читателям Марийской, Удмуртской,
- Пресса на коленях
- Битва за пост спикера
- Перетягивание каната
- Цитата. Верховному совету Украины
- Трагическая ошибка пятого съезда
- Весеннее обострение
- Шахрай подал в отставку
- Хроника. Свободные цены – цена свободы. Сообщают корреспонденты газеты и читатели

- Отступление. Откуда взялась «голубая кровь»
- У каждого есть своя правда
- Эксперименты правительства
- Цитата. Цены растут, зарплата отстает
- Федеративный договор и его противники
- Цитата. Как нам обустроить Сибирь
- Шестой съезд «прогнулся»
- Цитата. Корректировка реформ – процесс естественный
- Цитата. Заявление Правительства Российской Федерации
- Цитата. Выступление Б.Н.Ельцина
- Цитата. Мы проявили твердость, отстаивая
- Цитата. Как избежать «конфликта интересов»
- Хроника. Российские предприятия:
- И еще одна точка напряжения
- Цитата. Конституционный строй под угрозой
- Отступление. Раскол
- Цитата. Заявление участников Всероссийского совещания руководителей республик, краев, областей и национальных автономий в Краснодаре
- Цитата. Почему российские республики поддерживают
- Горячие точки в России и вокруг нее
- Хроника. О ситуации в Южной и Северной Осетии
- Цитата. Заявление Председателя Верховного совета
- Цитата. Человек с ружьем. Чеченский вариант
- Пять дней войны. 600 убитых. И 1000 раненых
- Цитата. Безопасность корреспондента «Российской
- Цитата. Хакасия: нет экстремизму
- Цитата. Против нас начинается настоящая война —
- Цитата. В городе стреляют. Непонятно, кто и откуда
- Цитата. Вывести грузинские войска из Абхазии
- Крым – невзорвавшаяся бомба
- Истерия – среда для выживания
- Цитата. По поводу пресс-конференции Г.Бурбулиса,
- Седьмой съезд: президент пытается спасти ферзя

- Хроника. За неделю до Съезда
- Цитата. Заявление Верховного совета Российской
- Цитата. Обращение Президента Б.Н.Ельцина
- Цитата. Выступление председателя Конституционного
- Персона. Михаил Полторанин – человек,
- Цитата. Михаил Полторанин дает интервью «Уните»
- Хроника. Институт сравнительных социальных
- Хроника. Раскол в руководстве «Останкино»

○ Часть третья

- Абсолютная власть съезда пошла от Бориса Ельцина
- Цитата. Обращение президента Российской Федерации
- Цитата. Экстренное заседание Верховного совета
- Персона. Сергей Шахрай – сочинитель
- Ричард Никсон: «Ребята, подождите
- Бесы в красной гостинной
- Хроника. Вепрь готовится к нападению
- Хроника. Госстат сообщает
- Референдум: иди и голосуй – «Да-да-нет-да»
- Цитата. Президент выиграл референдум в Москве,
- Цитата. Не забудьте психологически «обработаться»
- Цитата. Место на насесте – 1000 долларов
- Хроника. Преступность – мина под реформы
- Уходим из Германии, обворованные до нитки
- Руцкой прав. А ты, Борис, не прав
- Что такое «неконституционная Конституция»
- Цитата. Валерий Зорькин: мы все присягали
- Цитата. Два проекта – два взгляда
- Персона. Геннадий Бурбулис – несостоявшийся
- Только по его лекалам
- Цитата. Сергей Филатов
- Цитата. Что происходит вокруг проекта Конституции
- Цитата. Идеальное решение – совместить оба проекта
- Отступление. Вопросы психолога-любителя
- Переворот
- Указ президента Российской Федерации

- Персона. Александр Руцкой – случайный человек
- Репрессии узаконены указом
- Отступление. Социализм и либерализм: кто кого?

○ Эпилог

Валентин Логунов
Бесы в красной гостиной
Свидетельства главного редактора «Российской газеты» (1990–1993 годы)

© Логунов В.А., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Часть первая
Три первых года одной газеты

Так сложились карты

Какой же дивный день выдался пятого октября 1993 года! Словно запамятовало солнышко о поздней поре, о том, что накануне уже попрощалось со слезами на небесных глазах с Москвой, и теперь, в забывчивости своей, глянуло на улицы, на тополя, клены, березы, и, глянув, само удивилось осенней красоте. Золотые листья не торопились расстаться с кроной, молили хотя бы еще на денек-другой продлить им жизнь. Лишь отдельные разочаровавшиеся, то ли уставшие от дождей, то ли отравленные сгоревшим бензином и потому обреченные, медленно, словно парашюты, падали на землю, тротуары, украшая их и облагораживая.

Стояла тишина, неожиданная после вчерашней стрельбы российских танков по российскому парламенту – Верховному совету. Вчера из окон «Белого дома» валил черный дым, слышались женский крик и мат мужчин, а теперь – тишина; и веяло от нее теплом, благостью и умиротворением, будто не случилась великая русская трагедия, не пролилась кровь, не перевернулась жизнь миллионов и миллионов людей.

Мы с моим первым заместителем, ответственным секретарем редакции «Российской газеты» Александром Куприяновым, вышли на улицу и, кажется, не совсем понимали, что с нами только что случилось. А между тем нас полчаса назад выгнали из редакции газеты, которую создавали с первых колышек.

Нас выгнали, а нам было весело!

…Как-то уж очень театрально, стремительно, в длинном темном плаще с распахнутыми полами и в сопровождении двух молодых накачанных охранников, заимствованных у вице-премьера Полторанина, вошла в кабинет Наталья Полежаева и объявила, что она назначена главным редактором газеты, и мне отпущено двадцать минут на сборы. Через двадцать минут она займет кабинет главного редактора. Лицо ее было в красных пятнах. Волновалась, конечно. «Наташа, – сказал, – разумеется, я уйду, но скажите, зачем он взвалил на женские плечи такую ношу? Ведь вас тут никто не ждет». Она посмотрела на часы и повторила: «Двадцать минут».

С Наталией Полежаевой проработал года два в «Московской правде»: я заместитель редактора, она – редактор отдела строительства. По тогдашним правилам отделы курировали заместители редактора; мне достался как раз отдел строительства. Не помню ни взлетов, ни падений в ее журналистском творчестве. Да и своего кураторства не помню.

Скорее всего, была она просто «рабочей лошадкой», без которых, кстати, не может существовать любая газета, требующая ежедневно строчки, строчки, строчки…

Я и впрямь был удивлен, что вице-премьер, министр печати и средств массовой информации России Михаил Полторанин остановился на кандидатуре Полежаевой. Неожиданный выбор. И только позднее узнал: он перебрал десяток кандидатур на место главного редактора, но все отказались; кто-то не захотел связываться с «подстреленной» газетой, кто-то посчитал неприличным идти на «живое» место. Народный депутат СССР, журналистка из Украины Алла Ярошинская позднее расскажет, как сватал ее тогда Полторанин, и почему она отказалась. Во-первых, объясняла она министру свой отказ, это наш коллега, и я не хочу идти на «живое место», а, во-вторых, отстранение его от работы нарушает наш закон, соавторами которого мы с вами, Михаил Никифорович, являемся.

А ведь был нормальный вариант замены главного редактора. Накануне мои заместители побывали с визитом у Полторанина, которого проинформировали о моей добровольной отставке, но с условием, что они сами вместе с журналистским коллективом предложат (кстати, в полном соответствии с уставом редакции) кандидата на должность главного редактора. Тут же, впрочем, и предложили: Александр Куприянов. И Полторанин одобрил этот вариант. Одобрить-то одобрил, но на другой день заслал Полежаеву с вооруженной охраной. Куприянов и по сей день шутит: я целую ночь пробыл главным редактором «Российской газеты».

…Итак, мы вышли с Куприяновым из холла; навстречу по лестнице поднимался некий Лев Шемаев в окружении десятка мужчин, одетых в казачью форму. Они приехали на автобусе и прибыли, видно, наводить порядок.

Кому сейчас за пятьдесят, могут вспомнить этого красавца, энергичного организатора митингов и шествий. Он экзотически выглядел в первой шеренге митингующих: оливковое лицо обрамлено серебристой с синеватым отливом сединой; особенно выдавалась борода, весьма напоминавшая бороду Карла Маркса, о которой Герберт Уэллс заметил, что ее роскошное состояние свидетельствуют об одном: хозяин прилежно, часами, за ней ухаживает. Глаза Льва во время шествия по площадям сияли светом, который излучают страстные натуры в минуты восторга, высочайшего вдохновения и оргазма.

– Что, Лев, – спросил его, – прибыл арестовывать меня?

Шемаев не то чтобы растерялся, но, кажется, немного смутился:

– Что ж, так карты выпали.

Он в нерешительности остановился на лестнице. Похоже, и, правда, привел казаков гнать меня и журналистов в шею из редакции. Но опоздал. И теперь не знал, что делать. Деталь: Лев Шемаев весной 1989 года, во время выборов народных депутатов СССР, был моим доверенным лицом в Кунцевском избирательном округе Москвы. Этой же чести (язвлю, разумеется) был удостоен тогда и Михаил Полторанин.

Безголосая Россия

В пятидесятые-восьмидесятые годы советские люди любили разгадывать ребус: кто станет очередным генсеком, кого судьба вынесет наверх, кто займет место того-то, кого переведут туда-то. Ориентировались в основном на то, кто, где и с кем рядом стоит. («Отрыжка» того времени уже при Ельцине: при очередной смене председателя правительства, посмотрев на собравшихся членов правительства, Борис Николаевич сказал: «Не так сели!». То есть не по ранжиру.)

Влиять на выбор власти рядовой советский гражданин никак не мог, ибо вся власть была сосредоточена в коммунистической партии.

Впрочем, и партийцы были лишены права прямого выбора. Внутри партии действовал изощренный устав-регламент, который исключал участие рядовых членов партии в прямых выборах лидера. Генсека избирал съезд партии, делегатов же съезда избирали республиканские съезды, краевые и областные конференции, а делегатов этих съездов и конференций избирали делегаты городских, районных конференций, и только их, делегатов городских и районных конференций, избирали члены партии на собраниях первичных организаций. Да и на этом этапе, как правило, голосовали не за человека из своих рядов, а за рекомендованного райкомом партии.

В общем, «все было схвачено», никакие нынешние фильтры не сравнятся с прежним фильтром. Граждане игру понимали, приучились видеть мираж вместо реальности, и политическая их активность проявлялась лишь в угадывании «Кто? Кого? Куда?».

Но если представить, что члены партии имели бы возможность голосовать за генсека напрямую, а не опосредованно, все равно ни о какой демократии не могло идти речи. Ведь членов партии насчитывалось около двадцати миллионов, а граждан-избирателей – в полтора десятка раз больше. И они не участвовали в выборе руководителя страны: ни прямо, ни косвенно. Никак.

В связи с этим маленькое отступление. Летом 1971 года Чита, где я в то время жил и работал, наполнилась слухами: Воронова Геннадия Ивановича убрали с поста председателя Совета министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Забайкальцев эта новость заинтересовала потому, что Воронов с 1948 по 1955 год был первым секретарем Читинского обкома партии. Узнали, что смещению Воронова посодействовали первый секретарь

Центрального комитета партии Украины Петр Шелест и первый секретарь компартии Грузии Василий Мжаванадзе. На одном из совещаний у Брежнева, где речь шла об экономическом развитии страны и распределении финансовых и материальных ресурсов, и где каждая республика тянула одеяло на себя, Воронов, не согласившись с предложенным бюджетом, ущемляющим интересы РСФСР, едко заметил: «Пора Россию поднимать до уровня национальных окраин». Некоторые «окраины» поморщились, но промолчали, а Шелест и Мжаванадзе пошли на Воронова штурмом: ставится под угрозу национальное единство, братство, и вообще, произнесены неправильные, идеологически вредные слова…

Брежнев снял Воронова с поста председателя правительства РСФСР. Правда, тут же назначил его председателем Комитета народного контроля страны. После чего народный контроль проявил активность в расследовании обстановки в Грузии и на Украине, и через год Мжаванадзе потерял должность (правил Грузией с 1953 по 1972 год). Причина – покрывание «цеховиков» (позднее их назовут «новыми русскими»). Тогда же убрали и Шелеста.

Зачем я вспомнил события давно минувших лет, на первый взгляд не относящиеся к теме? А только затем, чтобы напомнить: и в большом, и в малом Россия была ущемлена, являлась для центра некоей «золушкой». Те же коммунисты России хотя и втихую, но все же нудили: на Украине свой, республиканский комитет партии, в Белоруссии, Казахстане, во всех союзных республиках – свой, а в России нет. Разумеется, они понимали, что создание российского комитета партии неизбежно привело бы к двоевластию, однако на всякий случай ворчали. Мы, российские журналисты, тоже были в обиде: есть «Украинская правда», есть у всех свои «правды», а «Российской правды» нет; и это несправедливо.

Ответом на тихое ворчание стало решение ЦК КПСС об издании с 1956 года газеты «Советская Россия», которая, тем не менее, стала органом все того же ЦК КПСС, а в придачу – президиума Верховного совета РСФСР и российского правительства. Два последних учредителя, разумеется, оказывали на газету минимальное влияние.

Отсутствие собственных средств массовой информации, конечно же, не устраивало новую центральную российскую власть. Сначала Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов предприняли попытку взять под свое крыло «Советскую Россию». Михаил Горбачев не сопротивлялся, однако коллектив редакции решительно отказался идти под руку российского парламента и

правительства. Дело там дошло до раскола, в результате которого группа журналистов ушла из редакции.

На съездах народных депутатов РСФСР с 1990 года вопрос о создании российских средств массовой информации возникал с частой периодичностью и настойчивостью. Ельцин был особенно озабочен этой проблемой. В те годы ему крепко доставалось от центральных газет и телевидения, попытки пообщаться с телезрителями решительно и грубо блокировались. Партийные газеты изобиловали критическими заметками в адрес российской власти, разного рода репликами, шпильками. Конечно, такое отношение к председателю Верховного совета, а затем и президенту России воспринималось болезненно. Ельцин просил Руслана Хасбулатова как можно скорее создать свою, республиканскую газету. Хасбулатов наседал на министра Полторанина и одновременно пытался решить проблему самостоятельно, каким-то кружным путем.

Вместе с Полтораниным, пользуясь «корочками» народных депутатов СССР, мы много раз обивали пороги в Центральном комитете КПСС, пока не было принято решение об издании двух газет – «Российская газета» и «Российские вести». Первая – издание Верховного совета РСФСР, вторая – издание правительства РСФСР. В эти же дни усилиями Хасбулатова зарегистрирована газета «Россия» как издание Президиума Верховного совета РСФСР (по аналогии с «Известиями», издателем которой был Президиум Верховного совета СССР).

Не стану преувеличивать наши с Полтораниным усилия в открытии российских газет. Времена, когда без решения Секретариата ЦК КПСС невозможно было начать издание даже заводской многотиражки, остались позади. Партия ослабла, приотпустила вожжи и уже не способна была противостоять напору гражданского общества. Но, что существенно, продолжала владеть – и владеть законно – типографиями, без допуска к которым выпуск российских газет был невозможен. Тогда все типографии и издательства (за исключением маломощных профсоюзных) являлись собственностью партии.

Еще одно короткое отступление… В советское время студенты факультетов журналистики чуть ли не наизусть знали работу В.И.Ленина «Партийная организация и партийная литература». Умная и логически безупречная статья. В ней автор обосновал зависимость партийной печати от партийной организации. Проще сказать: партийная газета печатает на своих страницах только то, что позволяет партийный комитет, органом которого она является. Обращу внимание: речь шла исключительно о партийной литературе. Но затем усилиями

партийных идеологов сталинско-сусловского призыва акценты были сознательно смещены, и в итоге вся литература вдруг стала партийной. Без партийной цензуры не могла выйти и кулинарная книга.

Одновременно в советские годы были вложены огромные средства в развитие издательского производства: строились типографии, комбинаты, способные ежедневно выпускать сотни миллионов экземпляров газет и журналов. И партия стала собственником чуть ли не всех новых типографий и комбинатов, где производилось более 90 процентов периодической печатной продукции. Огромные доходы потекли в партийную кассу, взносы коммунистов в сравнении с ними – крохи.

Как «химичила» партия

Что, однако, произошло с газетами, почему все так резко подорожало? Не знакомый с издательской сферой человек и представить себе не может, какие способы использовала партия, чтобы извлекать из отрасли огромные доходы. Что там взносы? Копейки! Все типографии, за исключением немногих профсоюзных и советских, принадлежали партии. Это была их собственность. Ни госплан, ни Минфин, ни правительство не имели к ним никакого отношения. И, надо сказать, партия успешно развивала эту отрасль: в республиках, краях, областях были построены десятки полиграфических комплексов, которые печатали не только партийные газеты, но и книги, журналы, формально не относящиеся к партийным изданиям. Однако все доходы и прибыль шли в партийную кассу.

Займемся арифметикой. «Известия» имели 12-миллионный тираж, «Правда» (как ни старался ЦК партии увеличить ее тираж) – 9 миллионов, «Труд» – 30 миллионов. Газеты стоили тогда две-три копейки. Себестоимость на самом деле раз в десять выше, но партия, озабоченная политическим и духовным воспитанием советских людей, конечно же, не могла допустить удорожания идеологической пищи. Выход отыскала простой, но эффективный: во-первых, все бумажные комбинаты перевели в разряд планово убыточных предприятий и заставили их поставлять издательствам тонну бумаги за …30 рублей (а стоила она все 150); во-вторых, приказали министерству связи брать за доставку экземпляра газеты полкопейки.

Колоссальные убытки почтовиков и бумажных комбинатов покрывались не из партийной, а из государственной казны. Так партия изящно залезала в государственный бюджет. И получала огромный барыш. Умножьте 10 рублей (столько стоила годовая подписка) на 12 миллионов тиража и получите 120 миллионов рублей дохода. Расходы же по изданию мизерные. А ведь общие тиражи газет, включая областные партийные газеты, исчислялись сотнями миллионов экземпляров. Доходами от издательской деятельности кормились частично и центральные органы профсоюзов (от «Труда»), некоторые творческие союзы (например, «Литературная газета»).

Не говорю, что это плохо. Идеологическая пища должна быть дешевой. Но в начале 90-х годов прежняя система идеологической подкормки рухнула. Почтовики не соглашались за полкопейки доставлять газету из Москвы на Чукотку, бумажные комбинаты отгружали бумагу тем, кто платил за нее в десять раз дороже, чем

прежде, типографиям прежних денег хватало на одну лишь краску. А читатель, еще вчера платя за годовую подписку десять рублей, не пожелал покупать газету за сто рублей. Впрочем, он, может быть, и купил бы, да не на что стало купить.

«Российская газета», как и другие, тоже дорожала – с двух до десяти копеек за экземпляр. И тем не менее, спрос на нее возрастал. В номере за 19 февраля опубликован опрос читателей и киоскеров нашими собкорами: есть ли интерес к газете? Ленинград: «Читатели города увидели "Российскую" впервые только 30 января 1991 года. Поступили сразу номера с 22 по 25 января. Раскупали последний номер; остальные возвращены на склад. Из 700 киосков «Российская» поступает в десяток, причем трехдневной давности». Новгород: «На сто союзпечатевских точек города и области поступает всего тысяча экземпляров. Во всех киосках, куда обращался наш собкор, он получал один и тот же ответ: «Российской» уже нет». Волгоград: «В субботу инженер Юрий Гаврилов купил газету за четверг. Объяснил: «Хочется знать о деятельности руководства России из первых рук». В киоске № 15 подтвердили, что газета разошлась мгновенно. «Место у меня бойкое, – сказала киоскер Л.Мельникова, – а привозят лишь 50 экземпляров. Целый день только и отвечаешь: "Российской" уже нет». Нижний Новгород: «Газета поступает с большим опозданием, поэтому на весь полуторамиллионный город заказывают всего пять тысяч экземпляров. Капля в море. Расходится без проблем».

Нулевой номер

Как сегодня готовят издание газеты? Учредитель (хозяин) подыскивает главного редактора, обозначает сроки готовности продукта, называет сумму расходов на содержание. Редактор формирует творческую группу. Группа разрабатывает тематику газеты, определяет ее направленность, придумывает рубрики, выбирает основные жанры. В соответствии с тематикой и направленностью (идеологией) создают отделы, идет подбор журналистов. На все это уходит минимум месяца три, а если хозяин газеты не сведущ в этом специфическом производстве, то можно потянуть и год.

«Российская газета» зарегистрирована в конце октября 1990 года, пробный (нулевой) номер вышел 1 ноября. Подготовила его группа журналистов под руководством помощника министра печати Бориса Миронова. Помимо него в подготовке четырехполосного номера участвовали Андрей Жданкин, Вячеслав Долганов, Ирина Веретенникова, Сергей Байгаров. Никаких дизайнеров, никаких трех месяцев и предварительно обдуманных рубрик, никаких зарплат и никаких кабинетов. Номер делали «на коленях», подобно тому, как прежде делали стенную газету. Напечатан он была ограниченным тиражом, исключительно для глаз власти.

Помнится, Полторанин попросил меня (я был тогда заместителем министра) посмотреть, «что они там сочиняют». Увидел я уже отпечатанную газету часов в двенадцать ночи. Раздобыл бутылку вермута, кусок колбасы. Ребята счастливые, и так и этак вертят свое создание, насмотреться не могут. Поздравил, выпили, зажевали.

…А через три дня меня разжаловали из заместителя министра и назначили главным редактором «Российской газеты».

Отступление. Как узнал, что я редактор

Министр печати и средств массовой информации России Михаил Полторанин в министерстве был редким гостем. А когда появлялся, то непременно в окружении дюжины телевизионных камер. Телевизионщики за ним гонялись. Во-первых, Михаил Никифорович прослыл чуть ли не первым другом Бориса Николаевича Ельцина, а стало быть, считали коллеги, человек он информированный, определяющий политику новых российских властей. Во-вторых, и говорил он в многочисленных интервью смачно, образно, «эксклюзивно», что любит наш брат-журналист.

В один из таких дней, в самом начале ноября 1990 года, я отловил-таки его на рабочем месте. Внутренних дел во вновь созданном министерстве – уйма. Оно было создано на базе республиканского Госкомиздата, функции которого ограничивались книгоизданием. Назначение же нового министерства было совершенно другим: организация условий для развития свободных средств массовой информации – газет, журналов, телеканалов, радио. То есть министерство, по сути дела, явочным порядком перехватило функции, которые много десятков лет выполняли партийные комитеты разного уровня. Мы активно, «пачками» регистрировали ежедневно различные газеты, не интересуясь тем, кто их учредители, на что они собираются существовать, где будут размещаться. Одновременно проходила перерегистрация старых изданий, пожелавших перейти под крыло российского (не союзного) законодательства. В общем, во всем царил хаос. По коридору министерства бегали неизвестные люди, в кабинетах рыдали увольняемые в связи с ликвидацией Госкомиздата женщины, на белую нитку формировались новые управления и отделы министерства.

Министра эти и подобные им проблемы и вопросы мало интересовали. Но меня, заместителя министра, оказавшегося «на хозяйстве», они не могли обойти стороной. Особенно тяжелыми были разговоры со специалистами (в основном женщинами), которые никак не вписывались в новую структуру министерства и подлежали сокращению.

Так вот, в тот день с какими-то вопросами я зашел в кабинет Полторанина. Кабинет огромный, метров семьдесят-восемьдесят, окон, наверное, пять. Около одного стоял министр, у другого – Борис Миронов, человек, знакомый мне еще с забайкальских времен. Стояли молча, глядя на прилегающий к зданию малюсенький скверик. Я попытался сострить:

– Такое впечатление, что у вас не удалась ночь.

Они не сразу ответили. Затем Полторанин со вздохом сказал:

– Бориса не утвердили главным редактором «Российской». – Помолчав, объявил. – Тебя утвердили.

А я и не знал, что он именно сегодня поведет кандидата на утверждение в президиум Верховного совета. Хотя накануне и советовал Борису: не торопись, выпусти номеров пять-десять, после и утверждайся. Там ведь бешеные депутаты, реагируют на все советское, как бык на красную тряпку (Миронов пришел в помощники министра из ненавидимого российскими депутатами «рыжковского» Совета министров, перед этим окончил «красную» Академию общественных наук). Вылезут, говорю ему, на трибуну с претензиями, а им в ответ: человек уже приступил к делу, у кого есть замечания по существу? Но Борис совета не принял.

Впрочем, до подобных разбирательств – кто есть кто – на этот раз дело, как оказалось, не дошло. Оказывается, его кандидатуру сходу отмел Хасбулатов. Причина? Она соответствовала тому растрепанному времени. Оказывается, ранее, при регистрации газеты вышел спор по поводу ее названия; Хасбулатов настаивал на логотипе «Республика», Миронов предлагал название «Российская газета». Скорее всего, спор был бы забыт, но Миронов написал Ельцину …жалобу на Хасбулатова. Начальство, дескать, покушается на свободу печати. Глупость, конечно. С какой стати учредитель не имеет права поучаствовать в выборе названия своего издания? Почему на это имеет право лишь предполагаемый редактор? Вот эта мелочь и сыграла свою роль. «Мы еще дня с ним не поработали, а он на меня уже жалуется», – сказал Хасбулатов. И к Полторанину: «Какие еще есть предложения?». Полторанин назвал: Логунов.

Меня это не то что обидело, скорее, удивило. Ни в какие времена (разве только в сталинские?) не назначали человека на новую работу, не спросив его мнения. А тут, как говорится, раз и на матрац. Мелькнула мысль: может, не устраиваю министра в качестве зама? Однако ответил: «Что ж, партия сказала "Надо", комсомол ответил "Есть!"».

Пикантность ситуации заключается и в том, что Миронов почему-то предположил, будто решение Хасбулатова инспирировал я. Ума не приложу, с чего это он взял. В то время я не был лично знаком с Хасбулатовым. На совещаниях, которые он устраивал, бывал в качестве заместителя министра, но лично представлен не был. Миронов, видимо, так был обескуражен случившимся, что уже не контролировал себя. Мне постоянно звонили газетчики, телевизионщики, просили дать объяснения по поводу «облома», намекали, очевидно, со слов Бориса Миронова, на мою роль в этом. Активно добивался встречи приятель

Миронова, сотрудник «Комсомольской правды»; я наконец согласился, но с условием, что на встречу придет и Миронов. Встреча состоялась. Я искренне хотел выяснить у Миронова его претензии ко мне; он краснел, терялся…

А ведь Бориса Миронова я знал с его семнадцати лет. В 1968 году мне довелось открывать новую газету – «Забайкальскую магистраль» для железнодорожников Забайкальской железной дороги. Позвонил редактор районной газеты из Могочи (станция на востоке Читинской области, родина Миронова) Анатолий Снегур и предложил кандидатуру на место собкора на Могочином отделении дороги. Спрашиваю: кто такой? Оказывается, парень, который только что окончил среднюю школу. «Ты что, не выспался? – спрашиваю. – Как школьник может стать собкором?» Аргумент Снегура развеселил: а у него отец машинист локомотива. И добавил: больно талантливый парень, я бы взял, но мест нет. Я предложил Миронову перебраться в Читу, выбили для него общежитие. Шефство над ним взял талантливый очеркист Игорь Красиков.

Так Борис вступил на журналистскую тропу. Поработал он в газете немного: призвали в армию, затем обком комсомола, учеба в Москве. Однажды на полгода вернулся в Читу, опять оказался рядом со мной в областной газете «Забайкальский рабочий», в отделе, где я был заведующим. Наконец окончательно перебрался в столицу. Работал в «Правде».

Талантливый, образованный человек, из тех, кого называют вечными оппозиционерами и революционерами, убежденный патриот с ярким националистическим окрасом, он в 90-е годы после разгрома российского парламента успел побывать министром печати и СМИ, но был отстранен Ельциным от должности министра за публичные предостережения о «засилии» евреев. С тех пор занимался политикой, писал и пишет книги, но, судя по его заявлениям, предисловиям к книгам и многочисленным интервью в интернете, вершиной карьеры считает то, что был «организатором и создателем» «Российской газеты».

Ельцин, еще тогда председатель Верховного совета России, при подписании распоряжения о назначении меня главным редактором (позже эта функция перейдет сначала президиуму, а затем самому Верховному совету России) подарил комплимент: приступайте, вы хороший организатор. Не знаю, откуда он почерпнул сведения о моих организаторских способностях. Скорее всего, что-то надо было сказать, приободрить, ну, и сказал то, что пришло на ум. В тот же раз, при мне, он позвонил Ивану Степановичу Силаеву, председателю правительства, и попросил оказать помощь в становлении газеты.

Если бы кому-то пришла мысль вывесить галерею портретов «отцов основателей» «Российской газеты», я в первую очередь предложил бы Ивана Степановича Силаева. Приведу аргументы, почему.

Силаев после звонка Ельцина пригласил меня и влет задал вопрос:

– Что надо?

Я ответил:

– Иван Степанович, все надо. Начиная с помещения и кончая организацией доставки газеты читателям. А в середке этого – журналисты, корректоры, бумага, типография, транспорт, печатные машинки, телефоны, ксероксы, мебель и, разумеется, деньги. С типографией вроде бы вопрос решен. Она нас не совсем устраивает, но на первых порах сойдет и такая. С бумагой вопрос решается, хотя могут возникнуть проблемы. Вы же знаете, на всю газетную бумагу наложена лапа ЦК. Однако кое-какие резервы есть в нашем министерстве печати.

– Ну, здесь Полторанин у нас. Он-то не подкачает.

– Уверен: не подкачает.

– Журналистов, корректоров, как вы догадываетесь, у меня нет. Это вам решать. Деньги найдем, выделим из резерва. Видимо, надо начать с помещения? Через два дня проведем совещание с министрами и аппаратом, вы тоже поучаствуйте.

Через два дня, в субботу или воскресенье, во всяком случае, помню, это был выходной день, совещание состоялось. Мы пришли на него с Полтораниным. Присутствовал урезанный состав министров, в частности, министр сельского хозяйств Геннадий Кулик (что меня поначалу удивило), министр связи Владимир Булгак, работники аппарата. Силаев коротко проинформировал о создании российской газеты, сказал, что министрам, аппарату правительства необходимо оказать

необходимую помощь в ее обеспечении всем необходимым. О ходе работы, обратился он ко мне, докладывайте мне лично. В том числе, и о тех, кто будет бездействовать. Не жалейте.

Среди присутствующих возник легкий шумок:

– Иван Степанович, какой разговор… Поможем.

– Когда, с какого месяца газета должна выходить? – вновь обратился он ко мне.

– Через месяц, с периодичностью шесть раз в неделю.

Силаев покачал головой:

– Прямо как во время войны, когда в степи заводы за месяц строили… Но коли надо – значит надо. С размещением редакции вопрос решен. Езжайте, – обратился он к Полторанину и ко мне, – на Волгоградский проспект, посмотрите, подойдет ли. Там сейчас располагается «Россельхозтехника». Башня, семнадцать этажей.

Кулика словно оса ужалила в то самое место. Он выскочил из кресла:

– Как «Россельхозтехника»? Почему «Россельхозтехника»? Перед нами стоят серьезные задачи…

Силаев оборвал его. Заглянув в бумаги, с усмешкой сказал:

– У вас в Москве на каждого работника двадцать два квадратных метра приходится. Мало? Занимайте любые магазины; все равно в них все полки пустые.

Мы с Полтораниным в тот же день поехали на Волгоградский проспект. Был, как я уже сказал, выходной день. Постучались в дверь отдыхавшей семнадцатиэтажной башни. Выяснив, что главный начальник «Россельхозтехники» на рабочем месте, и предъявив сторожихе депутатские удостоверения, поднялись в кабинет начальника. Представились. Начальник очень удивился:

– Как же так можно, мы же эту башню построили на свои деньги, – вздохнул. – А впрочем, чему удивляться; теперь всё можно.

Забегая вперед, замечу, что примерно через год, когда «Российская газета» перебралась в издательство «Пресса» (в прошлом – «Правда»), здание на Волгоградском путем различных ухищрений перешло в частные руки. Я попытался тогда предотвратить воровство, обращался в Верховный совет, но и это не помогло. Уже тогда вылезли вперед энергичные ухватистые люди. Они быстро примечали, что ближе и неприкаянно лежит. Кстати, к башне примыкал еще и приличный клуб с конференц-залом. С покойным теперь актером Роландом Быковым, которому я его показал, мы собирались открыть в нем киноклуб для детей. Не успели.

«Российская газета» заняла в башне сначала пять этажей, а с приростом сотрудников добавили еще два. Мне особенно

запомнились там жаркие летние дни 1991 года. Мало того, что солнце жгло незащищенные шторами кабинеты, так еще от соседа, микояновского завода, по субботам пёрло такое амбре, которое валило с ног. Говорили, что завод по выходным дням что-то делал с костями: то ли сжигал, то ли варил для удобрений. Как-то ко мне на встречу пришел пожилой человек, бывший узник фашистского концлагеря. Побыл недолго. Разволновался до слез, пришлось вызывать доктора и отправлять на редакционной машине домой. Оказалось, приторно-сладковатый запашок от завода очень напомнил ему концлагерь, где в печах жгли людей.

И не надо десять курьеров

Сегодня главный редактор, загорая на Канарах, балуя себя мороженым или холодным пивом, нажимает на соответствующие кнопки ноутбука, и перед ним на экране – полоса верстаемой любимой газеты. Что-то ему не понравилось, с чем-то он не согласен, что-то вызвало сомнение? Ничего страшного. Он нажимает на другую кнопку, делает поправки, и все они в один миг поступают на верстальный компьютер в Москве.

Так сейчас. А четверть века назад я вынужден был принять в штат десять курьеров, которые с девяти утра до десяти вечера сновали между метро «Волгоградский проспект» и «Баррикадной», рядом с которой находилась типография «Московской правды». Там набиралась и версталась газета. В процессе работы возникали сотни причин вмешаться в содержание и верстку: орфографические и прочие ошибки, сокращение текстов или замена их, досылы новой информации. Не там поставили запятую, приходится править текст, а это значит, что линотиписту нужно перелить металлическую строку, метранпажу вынуть шилом ту, в которой ошибка, и затолкать другую, с исправлением. При этом необходимо выдержать поэтапный график подготовки номера, начиная от объема и времени засыла материалов в набор и кончая подписанием газеты в свет. Подписывали газету в 23 часа. Шесть дней в неделю в течение всего года я приходил домой в полночь. В воскресные дни отсыпался до обеда.

Первый номер вышел 11 ноября. Тираж и по тем временам запредельный – 80 тысяч. Б***о***льшая часть тиража пошла под нож, поскольку фактически отсутствовала система доставки газеты в розницу (о подписчиках, разумеется, не было и речи). Назову первые материалы и первых авторов газеты. В 4-м номере опубликован проект Конституции РСФСР. Андрей Жданкин рассказывает о том, что Россия не имеет ни своего флага, ни герба, ни гимна. В 6-м – под шапкой «Сегодня начинает работу второй съезд народных депутатов РСФСР» печатается разнообразная информация. Валентина Пьянкова сообщает, что на границе Псковской области с Латвией установлен первый пункт таможни. Печатает свою первую карикатуру художник Д.Агаев. Из Перми, Челябинска, Свердловска под заголовком «Холодное дыхание топок» будущие наши собкоры Ю.Шаталов, Д.Усачев, А.Усольцев сообщают о том, как в регионах подготовились к зиме.

В конце ноября начинал работу II съезд народных депутатов

РСФСР. Силаев этим был озабочен: успеете, спрашивал, развернуться к началу съезда так, чтобы обеспечить ежедневный выпуск?

Меня и сейчас, спустя более четверти века, начинает трясти, когда вспоминаю зимние дни 1990 года. Многое, разумеется, забылось, но остался в памяти общий фон даже не тревоги, а особого напряжения, вызванного отнюдь не страхом не справиться с делом к нужному времени, а спортивным азартом, желанием поскорее подойти к стартовой линии, откуда отправим в жизнь новую, российскую газету.

Я сказал «мы», а кто эти «мы»? От группы Миронова остались трое: Андрей Жданкин, Вячеслав Долганов и Ольга Плахотникова. Ни того, ни другого, ни третью я до этого не знал. Ну, знал – не знал, а в такой обстановке не до изучения биографий; бери, что есть. Но вдруг звонок в министерство (я там еще работал, еще не освободили от должности замминистра. А к тому же как-то нелепо было одному перебраться в пустое семнадцатиэтажное здание). Звонил Владислав Александрович Иванов, заместитель главного редактора «Советской России», как раз тот человек, который возглавил группу журналистов этой газеты, пожелавших увести ее под новое руководство России. С собой он привел человек пять. Это уже что-то!

Забавная история произошла с заместителями главного редактора, точнее, с их числом. В практике советских газет существовало правило: главного назначает ЦК, обком, райком, в зависимости от статуса газеты, его заместителей – секретариаты. Следуя данному правилу, я обратился к первому заместителю председателя Верховного совета Руслану Хасбулатову с просьбой включать в повестку президиума Верховного совета вопросы о назначении заместителей. «Давайте так, – ответил он, подумав, – решайте пока сами, а через год возвратимся к вашему предложению». Одновременно мне было предоставлено право определять структуру редакции и ее штат. С заместителями же вышло так: пришел упомянутый Иванов, заместитель главного в «Советской России», естественно, и в «Российской» получает тот же статус. Приходит Виталий Коваленко, заместитель главного в «Социалистической индустрии», – и его в заместители. Приходит из «Комсомолки» Марина Чередниченко, известная очеркистка, – туда же. Приходит Ирина Ханхасаева, заместитель главного в «Учительской газете», – и ей кабинет заместителя. По протекции давнего друга и коллеги пришел в газету кандидат исторических наук, бывший секретарь посольства СССР в Югославии Владимир Кузнечевский, к журналистке, увы, не имевший отношения.

Правда, я поставил перед всеми заместителями условие:

приходишь сам – приведи с собой пяток сотрудников, с которыми сам и будешь работать. В связи с этим отделы назвали редакциями: политическая, экономическая, социальная, культуры и искусства, международная… Заместители и возглавили эти редакции. По сути дела – редактора отделов, а формально и по зарплате заместители главного.

И такой подход оправдал себя; вскоре – словно прорвало. Чуть ли не каждый день подписывал заявления о приеме на работу. К февралю 1991 года редакция была укомплектована более чем наполовину. «Безлошадными» заместителями, то есть, без редакций и сотрудников, оказались ранее назначенные заместители: Елизавета Леонтьева и Вячеслав Долганов, что отрицательно сказалось в последующем на их работе и авторитете в коллективе.

В парламенте надо мной посмеивались: у тебя больше заместителей, чем у Ельцина. Так получилось… Коллеги многое сделали для становления газеты и сплочения редакционного коллектива. Работали без конфликтов, дружно. Старались поскорее вывести газету на уровень «главных» изданий страны.

Большую роль в становлении газеты сыграли второй и третий съезды народных депутатов России. Казалось бы, причем тут съезды, но надо иметь в виду, что тогда не было более увлекательного чтения, чем чтение стенограмм съездов депутатов. Стремительно, резко росла конфронтация между союзным и российским руководством. Всего лишь год назад люди наслаждались телевизионными отчетами со съездов народных депутатов СССР, никакой Штирлиц не мог соперничать по увлекательности с выступлениями Попова, Афанасьева, Сахарова, Травкина. На Красной площади собирались толпы людей, чтобы поглазеть, обмолвиться, словом, пожать руку депутатам, выходящим из Большого Кремлевского дворца после заседательского дня. Запомнился один такой эпизод. На заседании съезда я занял место около микрофона, чтобы сделать какое-то заявление. Председательствующий на съезде Горбачев начал искать глазами микрофон, установленный в огромной зале, я подсказал ему: «Я слева». На что Михаил Сергеевич заметил, что по отношению к нему я справа. Моя реакция: «Михаил Сергеевич, невозможно оказаться правее вас». В зале – смех: уел генсека. И вот выходим на Красную площадь – толпа встречающих. Слышу голос, вроде бы обращенный ко мне: «Левий, левий!». Навстречу устремляется армянин, восхищенно жмет руку: «Левий, левий…».

Но к 1991 году народ резко отвернулся от союзного съезда. Что ж, от любви до ненависти один шаг. Появилась новая

развлекала – съезд народных депутатов РСФСР во главе с мучеником Борисом Николаевичем Ельциным. Читали стенограммы российского съезда взахлеб. На журналистском сленге подобные материалы называют «гвоздем номера».

Хроника. Первые авторы

Газета была замечена интеллигенцией и политиками. На ее страницах появились имена председателя правительства Ивана Силаева; заместителя председателя Верховного совета РСФСР Руслана Хасбулатова, академика Алексея Яблокова, известного эколога, Олега Богомолова, академика, экономиста; известного тогда коммуниста-диссидента, руководителя Московской партийной школы профессора Вячеслава Шостоковского, народных депутатов СССР и России Павла Медведева, Рамазана Абдулатипова, Сергея Шахрая, Николая Травкина, Юрия Афанасьева; кинорежиссеров Александра Сокурова, Никиты Михалкова, экономистов Михаила Задорнова, Михаила Делягина. Некоторые из них и теперь на слуху. Активно сотрудничал с газетой все три года большой умница Борис Пугачев, экономист, политолог. Появился на станицах газеты и необычный по тем временам автор – дьякон Андрей Кураев.

15 января 1991 года читателям поступил 8-й номер с начала года и 54-й с начала выхода газеты. Заголовки первой полосы отражали сложнейшее состояние страны и общества: «Литва: и здесь пролилась кровь», «Конец демократии», «Обращение Б.Н.Ельцина», «М.С.Горбачев оценил ситуацию в Литве: «Это – разнузданная реакция на обращение президента»»; «Д.Язов: «Я законов РСФСР не читал и им не подчиняюсь»»; «Раздавлены танком».

Плюрализм в одной голове – шизофрения?

Интерес читателя к «Российской» был вызван, по-моему, и тем, что она естественным путем стала в те годы, пожалуй, самой демократичной газетой. Предполагаю, что это вызовет у коллег недоумение, а то и удивление, усмешку, но давайте не будем торопиться с выводами. Порассуждаем вообще о таком феномене, каковым является газета, о ее назначении, внутреннем ее мире.

Сошлюсь еще раз на Ленина, его работу «Партийная организация и партийная литература». В ней он со свойственной ему четкостью и ясностью определил степень зависимости издания от … хозяина. Отстаивая свое право иметь зависимую от него (от его партии) газету, Ленин оперировал тем, что нет и не может быть свободной газеты по определению; она обречена на зависимость, и прежде всего, утверждал он, на зависимость от «денежного мешка».

И разве это не так? Разве вчерашние и нынешние словоблудия о свободной прессе не есть лукавство и несусветная чушь? Где, в каком уголке мира вы найдете свободную газету? Свободное ТВ? Свободную радиостанцию? Повсюду правит «денежный мешок»: кто платит, «тот и танцует девушку».

Однажды, в году 1989-м, я оказался гостем городской газеты в Сан-Франциско. Тираж – 700 тысяч, три выпуска в день, 64 и больше полос. Из 64 полос три четверти – реклама. И только 5 процентов доходов редакция извлекала от продажи в рознице, а 95 – давала реклама. Теперь представьте себе, что рекламодатель, недовольный тем, что публикует газета, отворачивается от нее? Полный крах! «Денежные мешки» бывают разные, но суть одна: везде правит капитал. И везде газета исполняет чей-то заказ.

А что в те годы произошло с «Российской газетой»? Она получала средства из бюджета, но оказалась изданием удивительного конгломерата: разношерстного, неустойчивого, сомневающегося в себе и в окружавшем мире парламента. Парламент был разнолик, в нем бродили разные, нередко противоположные течения мысли и представления о том, что надо делать в стране, куда идти дальше. Ни в чем он не был уверен абсолютно, он кипел, страдал и гневался, совершал безумные поступки, принимал стратегические и глупые решения. Таков он был.

И в этих условиях развивалась газета. Ею никто не руководил со стороны, она оказалась частью общего процесса, и ничто не могло ее сделать тогда другой. С момента ее издания ни Борис Ельцин, будучи председателем Верховного совета России, ни

Руслан Хасбулатов, через полтора года занявший его место, ни разу (ни разу!) не вмешались в деятельность редакции. Ни прямо, ни косвенно. Решительные действия Ельцин предпринял в сентябре-октябре 1993 года, но это особый случай. И об этом будет еще сказано.

Особенностью «Российской газеты», в отличие от других (независимо от того, «демократические» они были или «коммунистические»), явилось как раз то, что парламент состоял из многих различных по убеждениям депутатов. И мы вынуждены были считаться с многоликим, многоголовым существом. Газета предоставляла слово демократам, коммунистам, радикалам, националистам. Это могло оцениваться как беспринципность, как метание из стороны в сторону, как отсутствие маломальского профессионализма, но именно присутствие разных мнений, на мой взгляд, привело к беспрецедентному росту тиража. Не стану сравнивать «Российскую газету» с «Правдой», которая после ГКЧП подвергалась обструкции и давлению. Любимые и уважаемые властью и читателями «Известия», имевшие еще недавно 12-миллионный тираж, опустились до 700 тысяч. А «Российская газета» стала миллионщиком. Среди ежедневных газет она оказалась на третьем месте после «Труда» (в былые времена его тираж достигал 30 миллионов), и «Комсомольской правды» (с прежним тиражом 18 миллионов).

На мой взгляд, еще три обстоятельства сыграли роль в стремительном росте авторитета «Российской газеты». Первое: интерес россиян к новой власти, вступившей в клинч с центральной, и желание российских граждан поддержать «свою» власть. Второе: возможность узнать без купюр мнение оппозиции и действующей власти из уст их представителей. Третье: политическая позиция редколлегии, сутью которой стала защита интересов (как мы их тогда понимали) Российской республики. Не буду утверждать, что эти позиции были тогда осознаны в полной мере. Скорее всего, они ощущались, угадывались.

Мытарства газеты

В декабре 1990 года «Российская газета» выходила тиражом 75 тысяч экземпляров. Весь тираж распространялся исключительно в розничной торговле; ни о какой подписке, которая прошла накануне, осенью 1989 года, не могло быть и речи. Помимо объективных причин, осложнявших доставку новой газеты читателям, были и причины, которые можно объяснить нежеланием центральных властей способствовать ее распространению. В регионах России у власти в основном оставались люди, с опаской и тревогой наблюдавшие за столкновением Горбачева и Ельцина, и последний воспринимался ими как политик, сеющий в стране раздор и смуту. Отсюда и отношение к газете. Были случаи, когда поступившие в регион пачки с «Российской» (например, в Татарстане) вывозили на свалку и сжигали. Вот что пишет в редакцию из Уфы Каримова: «Как большевики распространяли тайно «Искру», так теперь «Российскую газету» приходится распространять тайно от большевиков, особенно у нас, в Башкирии. Я уверена, придет время, и Башкирии придется краснеть перед Россией». С.П. Жиров, москвич: «Крайне возмущен закрытием второго канала Российского радио. Где наши депутаты? Почему они не принимают меры, почему идут на поводу у союзного правительства? Надо больше решительности!» («Российская газета», 21 февраля, 1991 год).

Возмущение действиями центральных властей особенно возросло, когда Центральное телевидение в течение месяца не допускало в эфир председателя Верховного совета России Бориса Ельцина. Понятно, что это не было решением руководства ЦТ, оно было, скажем мягко, подсказано из ЦК КПСС. В обстановке провозглашенной гласности недопущение пусть мятежного, но руководителя России выглядело как отказ от гласности, как профанация провозглашенных свобод. Видимо, это понял Горбачев, и в конце концов эфир Ельцину дали. «Российская газета» с небольшими сокращениями (чисто редакторского толка) напечатала стенограмму беседы журналиста с Ельциным, предварив её собственным анонсом. В нашу редакцию, пишет газета, поступают просьбы опубликовать выступление Бориса Николаевича Ельцина по Центральному телевидению. Это сделать довольно легко: мы располагаем стенограммой. Но, читая стенограмму, мы особенно отчетливо видим, как ведущий эту беседу С. Ломакин пытается помешать председателю Верховного совета России сказать то, ради чего руководитель Российской

Федерации добивался эфира. Этот прием – попытаться направить разговор в другую сторону, сбить с темы, побольше поговорить самому, дабы поменьше времени оставить собеседнику, – настолько очевиден, настолько прямолинеен, что становится стыдно за коллегу. Надеемся, однако, что когда С. Ломакину поручат провести беседу с Михаилом Сергеевичем Горбачевым (Верховный совет СССР обратился к Горбачеву с просьбой выступить на ЦТ с ответом), он не будет таким же бесцеремонным.

Что ж, свобода приятна, когда она принадлежит тебе, и ты пользуешься ею. Когда же ее берет на вооружение и противник, соперник, инакомыслящий, она превращается в тягостную муку.

Не скажу, что «Российская газета» к тому времени стала большой проблемой для центральной власти, однако не назовешь ее и приятной во всех отношениях «дамой». Она уже не просто кусалась; на ее страницах все чаще стали публиковаться аналитические материалы. Обильной стала почта. 21 февраля 1991 года газета печатает подборку писем «От народа, а не от имени народа». В анонсе написано: «В редакцию «РГ» приходят тысячи писем с поддержкой руководства ВС РСФСР и проводимой им политической линии. Мы намеренно не публиковали их, чтобы не обострять отношений с союзным центром, не разжигать конфронтацию между союзным центром и Российской Федерацией. Оставалась надежда, что союзное руководство найдет в себе силы и достаточно разума, чтобы пойти навстречу объективным потребностям республик. События последних недель показали, однако, что центр усугубляет конфронтацию с Российской Федерацией» (С.А. Петров, Ленинград). В опубликованных письмах из Москвы, Ленинграда, Якутии, Ивановской области красной линией проходит мысль: союзному правительству нельзя доверять суверенитет России, оно не считается с Россией, обещания свои не выполняет

И письма такой направленности шли валом. Газета не могла и не имела права их игнорировать, скрывать.

Однако явно ощущалась и непримиримость российского руководства, в том числе и там, где требовалось спокойное обсуждение. Чаще и задиристей оказывался Ельцин. Вот как он объяснил телезрителям в упомянутой беседе с тележурналистом причину «войны законов». Цитата: «Говорят, «войну законов» затеял Ельцин. Я не могу согласиться. Откуда взялась «война законов»? Все дело в том, что российский парламент более радикален, чем Верховный совет Союза, чем президент, издающий указы. И когда мы видим, что центр не дотягивает до уровня необходимого радикализма, мы вынуждены

пересматривать союзные законы и указы президента».

Присущее Борису Николаевичу отсутствие логики. Мы, говорит он, «войну законов» не начинаем, мы просто выбрасываем союзные законы в корзину и пишем свои.

Ельцина обвиняли в том, что он собирается создать свою, российскую армию. Ельцин протестует. Цитата: «Я за то, чтобы армия была единой, в масштабе государства, чтобы она защищала Союз. Но реформа в армии необходима, и тут может быть несколько подходов. В том числе возможен и вариант российской национальной гвардии». Что желает и что предлагает Борис Ельцин: завести в каждой республике свою национальную гвардию по примеру Литвы? А затем в каждой области и в каждом районе?

Да так оно и есть! Дело дошло и до этого анекдотичного случая…

Цитата. Меморандум хутора Репяховка

«Российская газета», 23 марта 1992 года.

«На сессии Ростовского облсовета депутаты выслушали «Меморандум хутора Репяховка». Сообщаем, говорится в меморандуме, что решением Большого круга казаков в хуторе Репяховка избрано атаманское правление, являющееся единственной законной формой власти. Отныне все граждане, организации и прочие юридические лица, и представители вышестоящих властей… обязаны согласовывать свою деятельность с атаманским правлением хутора… В связи с тем, что указанная территория свободна от советской власти, и реализация Указа Президента РФ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» будет проводиться под юрисдикцией Черкасского округа Области Войска Донского.

Подпись: атаман хутора Ряпяховка Н. И. Болдырев. Для солидности подпись атамана заверил вышестоящий атаман – Черкасского округа области войска Донского – В. Лагутов».

Тиражи уходят в… тираж

К концу 1991 года тираж «Российской газеты» вырос в десять раз – до 750 тысяч экземпляров. Как и чем объяснить стремительный рост тиража «Российской», причем на фоне резкого его падения у других изданий? Коллеги тогда пожимали плечами: тебе же деньги везут составами. Но это не так. Запомнилось одно из совещаний у президента Ельцина, которое подготовил Полторанин. Присутствовали редакторы всех центральных московских газет. Речь шла о том, что бумага, типографские затраты, доставка газет почтой подорожали настолько, что приходится повышать подписную цену, а это, понятно, сказывается на тираже. Газеты катастрофически теряют читателей. Ельцин смотрит на Полторанина: что скажет министр? Министр, естественно, ссылается на министерство финансов. Тогда Ельцин нашел простое решение: повысил статус Полторанина до заместителя премьера. С расчетом на то, что Минфину отказывать вице-премьеру будет сложнее, чем обыкновенному министру. Но было принято и полезное для газет решение. Ельцин распорядился обеспечить финансовую помощь из казны, а чтобы никому не было обидно, посчитали ее так: на каждый экземпляр дадут один рубль. Мелочь, но все же…

Дня через три перелистываю одну из газет, любуюсь изящной карикатурой: аквариум, в аквариуме плавает рыбка с именем «Российская газета», над аквариумом склонился Хасбулатов и с любовью, пожалуй, даже с обожанием кормит рыбку. Звоню редактору этой газеты, говорю: «Послушай, мы же три дня назад рядом с тобой сидели у Ельцина, который обещал нам по рублю на экземпляр. У тебя тираж два миллиона – тебе два миллиона рублей, у меня один миллион – мне один миллион рублей. Почему ты рядом с моим аквариумом не нарисовал свой, в два раза больше?». Главный редактор нехорошим словом обругал дежурного редактора. Кстати, сегодня работающую в «Российской газете».

Это почти анекдот, но в целом многие коллеги объясняли рост тиража «Российской» именно попечительством власти. Между тем, мы и поссорились-то с министром как раз по той причине, что он постоянно задерживал поступление средств «Российской газете». Доходило до того, что типографии в регионах грозили прекратить с нами отношения из-за задержек оплаты произведенной ими работы.

Хроника. Тиражи и имена

75.000 экземпляров – декабрь 1990 года.

300.000 – январь 1991 года.

335.000 – февраль 1991 года.

405.000 – март 1991 года. Впервые газета выходит на 8 полосах. Газета печатается в Москве, Краснодаре, Казани, Волгограде, Уфе, Свердловске, Новосибирске, Минеральных Водах.

510.000 – июль 1991 года. Добавляются пункты печати: Нижний Новгород, Иркутск, Ленинград, Омск, Саратов. Редакцию «осаждают» рекламодатели. 25 июля газета отдает под рекламу 4 полосы.

598.000 – сентябрь 1991 года. С 11 сентября, в соответствии с новым уставом редакции, газету подписывает редколлегия: Логунов, Иванов, Коваленко, Корольков, Леонтьева, Токарева, Тарасов, Ханхасаева, Чередниченко. Добавляются пункты печати: Челябинск, Оренбург, Чебоксары, Воронеж, Ульяновск.

600.000 – октябрь 1991 года. Газета печатается в 24 городах России.

750.000 – декабрь 1991 года. Тираж за год вырос в 10 раз.

Вот имена журналистов, которые начинали «Российскую газету». Они приходили в разное время, теперь я уже не смогу назвать точные даты их прихода, да это и не так важно. Главное, они все стояли у ее истоков: Лев Макаревич, Юрий Кашин, Валентина Чернега, Павел Анохин, Наталья Гетьман, Сергей Нагаев, Сергей Панасенко, Рафаиль Рамазанов, Александр Капков, Андрей Абросимов, Александр Козлов, Виталий Бузуев, Игорь Сергутин, Сергей Оганесян, Алексей Раков, Владимир Быкадоров, Виталий Новиков, Екатерина Васильченко, Лена Пищикова, Евгений Панов, Борис Киселев, Владимир Служаков, Виктор Романчин, Ольга Бургалева, Юрий Петровский, Елена Токарева, Игорь Корольков, Галина Мыльникова, Юрий Буйда, Сергей Самохвалов, Александр Мозговой, Александр Алешкин, Александр Шарапов, Александр Гольц, Михаил Тарасов, Александр Линьков, Евгений Скукин, Ирина Муравьева, Лев Корнешов, Владимир Сорокин. Не могу не упомянуть Вольдемара Корешкова, моего помощника, пришедшего из аппарата президиума Верховного совета СССР. «Помогать» мне в чем-то нужды особой не было, поэтому опытный аппаратчик больше занимался журналисткой.

Уже в первой половине 1991 года сформировался и собкоровский корпус, в основном, из сотрудников «Правды»,

«Известий», «Советской России», других центральных газет. Ю.Шаталов (Пермь), Н.Белый (Благовещенск), В.Огурцов (Ростов-на-Дону), Д.Усачев (Свердловск), И.Пырх (Орел), В.Гулий (Сахалин и Приморский край), В. Черкасов (Волгоград), Ю.Вахрин (Красноярск, а затем Ярославль), Ю.Куканов (Ленинград), М.Гусев (Астрахань), О.Злобин (Саратов), А.Ермаков (Кемерово), Ю.Миролюбова (Московская область), Валентина Пьянкова (Псков), Николай Дудников (Ханты-Мансийск), Евгений Писарев (Тамбов). Были открыты собкоровские пункты в Молдавии (Людмила Феликсова), на Украине (Борис Свердлов), в Белоруссии (Алексей Ерошенко). Газета, помимо российских регионов, начала печататься в Симферополе, Донецке, Харькове, Одессе, Кишиневе, Алма-Ате, Тбилиси, Ереване.

Подозреваю, что кого-то не назвал. Прошу прощения. Четверть века!..

Нашей газете – год! 15 ноября 1991 года наконец состоялась презентация «Российской газеты». Не те времена были, поэтому было не до праздников. Ко дню рождения газета печатается уже в 32 городах России и ближнего зарубежья… Презентация состоялась в 17 часов в большом конференц-зале московской мэрии на Новом Арбате. Помимо приглашенных авторов и читателей газету поздравили народные депутаты СССР и РСФСР, союзные и республиканские министры, ученые, артисты, писатели, представители православной церкви.

Дуэль газет

Сегодня не принято газетам вступать в полемику между собой. Может быть, и правильно. «Российская газета» и в те годы соблюдала это негласное правило. Но до поры до времени. С первых номеров она подвергалась атаке со стороны «Советской России». Редкий номер этой газеты обходился без того, чтобы нас не пнули. Мы раза два тявкнули в ответ, но затем я запретил отвечать. И сделали вид, что критика их никак нас не задевает. Хотя, конечно, руки чесались. Видимо, и в «Советской России» поняли нашу тактику и умерили пыл. Да, в общем-то, и наскоки не были принципиальными; так, по пустякам.

Неожиданный для нас выстрел прозвучал из «Комсомольской правды». Суть ее претензий будет ясна из нашего ответа коллегам. Привожу его еще и потому, что в корреспонденции содержатся факты, свидетельствующие о реальном положении газет, и в частности, «Российской».

Цитата. О страданиях юной «Комсомолки»

«Российская газета», 25 февраля 1992 года.
Печатается с сокращениями.

«Мы выписываем и читаем «Комсомольскую правду» со школьной скамьи. Многие из нас начинали в этой газете, получив там главные уроки журналистского мастерства и даже заработав там имя. И потому рыночная трагедия «Комсомолки» для нас, журналистов «Российской газеты», – это трагедия не конкурента, а близкого родственника. Однако юношеские рыдания, напечатанные в «КП» 20 февраля, полные упреков и подозрений в адрес новой российской прессы, мы воспринимаем как проявление слабости характера.

Наши коллеги позволили себе упрекнуть «РГ» за то, что ее якобы опекает правительство Гайдара, и золотой дождь то и дело льется на наши головы. Однако, обозвав нашу газету «новым российским официозом», они, пожалуй, не обидели нас, а поставили все на свои места. Мы и не отказываемся от этого ранга. Только правительство тут ни при чем. И скажем даже более откровенно: как раз нас-то правительство обвиняет в нелояльности. И, может, поэтому правительство отважилось в такие тяжелые для прессы времена на создание своей, правительственной газеты (которая заведомо будет бюджетной), слив еженедельник «Российские вести» с рыжковско-павловским «Правительственным вестником».

Стоит остановиться на материальном положении, которым нас попрекают. Не хотелось жаловаться. Но прямо-таки вынуждают: заработная плата в нашей газете составляет лишь пятую часть средней зарплаты «Комсомольской правды». Например, ставка редактора отдела, члена редколлегии составляет на сегодняшний день менее 1000 рублей. И даже обещанная прибавка 0,9 ставки не внесет существенные коррективы в толщину свиной отбивной, которую не каждый день и не каждый из нас может себе позволить на обед в бывшей «правдинской» столовой. Тогда как от сотрудников «Комсомолки» мы знаем, что зарплата члена редколлегии составляла еще до нового года около семи тысяч, притом что все социальные нужды сотрудников оплачивались за счет редакции. К этому нужно добавить, что у молодежки имеется и сегодня более двух десятков валютных корпунктов за рубежом, куда практически каждый месяц вояжируют и сотрудники из аппарата «КП» – проветриться и помочь собкорам в написании заметок о жизни процветающего

(несколько лет назад – «загнивающего») Запада. Эта шикарная жизнь и стоит вместе с бумагой 1 миллиард 200 миллионов рублей – именно такая дотация нужна сегодня «Комсомолке». Мы, кстати, пишем это не в упрек нашим коллегам. Просто хотим напомнить, что «Комсомолка» заложила основы своего благоденствия в те известные времена, когда она была хорошо оплачиваемым официозом ЦК ВЛКСМ и, соответственно, ЦК КПСС. Это была молодежная партийная газета, служившая в системе партийной печати неким клапаном для выпускания критически накопившего пара. И садком для выращивания кадров, которые успешно перетекали в «Правду».

«Российская газета» началась год с небольшим назад и делалась буквально «на коленках». У нас до сих пор на отдел – по пишущей машинке, а о компьютерах, которыми забиты все кабинеты «Комсомолки», мы пока и не мечтаем. Недавно перебрались в здание с типографией и начали технологически нормальный процесс. До этого ежедневно путешествовали за тридевять земель в чужие типографии, где были пасынками. Что касается наших дотаций, то надобно разобраться и с этим. «Комсомолке», как известно, требуется полтора миллиарда. Наши запросы много скромнее: 276 миллионов. Сегодня нам выделено 117,7 миллиона. Из них на счет редакции к концу февраля собираются перевести 7,3 миллиона. Таким образом, мы можем себя поздравить с дефицитом в 159 миллионов. Наши рекламные деньги уходят на покрытие расходов, а не в карман сотрудников, как это делается во многих плачущих редакциях.

P.S. 21 февраля, в день выдачи зарплаты, сотрудники «РГ» ушли от кассы с пустыми карманами. На счете «РГ» нет ни одного рубля. Можешь проверить, уважаемая «Комсомолка». Да и вообще не мешало бы проверять все, прежде чем подписывать газету в печать. Гонорар просим перечислить в фонд помощи «Комсомольской правде».

Журналисты «РГ»

Однако на фоне бедствия, постигшего печатные СМИ, одно издание если и не процветало, то жило не впроголодь. Речь идет об «Известиях», с которыми «Российская газета» вынужденно вступила в длительный диалог.

«Известия Советов народных депутатов СССР» (таково ее полное название) во времена Алексея Аджубея, зятя Никиты Хрущева, многое позволяли себе, считались газетой, наравне с «Литературной газетой», вольнолюбивой и смелой. Некоторые традиции газета сохранила и при других редакторах. Газетчики считали «Известия Советов народных депутатов СССР» самой

лучшей газетой и поголовно мечтали работать в ней.

Драма газеты началась с поспешного и немотивированного отказа от учредителя – Президиума Верховного совета СССР в августе 1991 года (на следующий день после путча). Учредитель, по-моему, мало вмешивался в редакционную политику. Мне вспоминается визит членов межрегиональной депутатской группы к председателю Верховного совета СССР Анатолию Лукьянову. Среди главных визитеров – Андрея Сахарова, Юрия Афанасьева, Гавриила Попова – оказался и я. Мы требовали для группы своей газеты. Анатолий Иванович парировал: а зачем вам газета, и без нее только о вас все газеты и пишут? И это правда. А особенно много и доброжелательно писали «Известия». Думаю, у редколлегии и коллектива газеты, в общем-то, не было веских оснований рвать с учредителем, причем так грубо и поспешно. Видимо, сильно захотелось полной независимости. И попали впросак.

Мне кажется, роковую роль сыграл главный редактор газеты Игорь Голебиевский, человек высокомерный и спесивый. «Известия Совета народных депутатов СССР» при его предшественнике Иване Лаптеве активно поддерживали Горбачева и его детище – Съезд народных депутатов СССР. Но в начале 1991 года газета при новом редакторе явно стала симпатизировать российскому парламенту, председателем которого стал Борис Ельцин. После путча симпатии переросли в любовь. А когда наметился конфликт между российским парламентом и президентом, «Известия» обрушились на некогда любимый ими парламент. Что ж, это их право – кого поддерживать, а кого нет. Но ведь нужна объективность и хотя бы грамм лояльности. «Известия» же часто опускались до брани и оскорблений. Особенно по адресу Руслана Хасбулатова. Дело дошло до того, что газета подала иск к председателю Верховного совета.

Цитата. Как бы я ответил на иск «Известий» к Председателю Верховного Совета

«Российская газета», 29 мая 1992 года.
Народный депутат России, известный журналист
В. Шинкарецкий. Печатается с сокращениями.

«В иске сказано: «Сведения о наличии более чем миллиардной задолженности «Известий» (речь идет о неоплате налогов и незаконном владении имуществом. – *Авт.)* являются ложными».

– Нет, не являются, ибо, объявив о своей независимости, газета не обрела право собственности на все издания и имущество, обретенное в основном на средства государства. Достаточно поднять соответствующее постановление ЦК КПСС, Президиума ВС СССР, в частности, «О строительстве комплекса «Известий», чтобы убедиться, на какие деньги все это создано. Следовательно, ни права собственности, ни права владения, ни даже права пользования всем этим редакционно-издательским комплексом и имуществом газета не имеет, поэтому должна оплачивать их использование в полной мере и по установленным ныне расценкам правопреемнику означенной собственности, т. е., ВС РФ. К моменту объявления «Известиями» независимости эта сумма составляет не менее миллиарда (аренда помещения, пользование средствами связи, транспортом, типографией и другим оборудованием, созданным за счет бюджетных ассигнований, по современным коммерческим ценам).

– К слову сказать, среди множества прежде маститых газет и журналов, созданных трудом целого ряда поколений и на народные деньги, объявивших о своей независимости и под шумок политической борьбы обретших вместе с нею автоматически остаточные капиталы и тысячные фонды бумаги на уровне подписки, «Известия» умудрились обскакать всех. Даже такой монстр, каким была «Правда», не сумел стать собственником всех зданий и имущества и вынужден платить буквально за все (как, впрочем, и другие газеты) – аренду помещений, мебели, транспорта, типографские услуги и прочее. Исключением стала лишь одна газета – «Известия». Кроме того, после объявления независимости газета автоматически становится коммерческой и, следовательно, лишается права закупок бумаги по фиксированным государством ценам. А это еще многие миллиарды, присвоенные газетой».

P.S. В октябре 1992 года Краснопресненский районный суд Москвы отказал редакции «Известий» в иске к Хасбулатову.

Вслед за атаками «Известий» на парламент и его председателя последовало, как и следовало ожидать, парламентское расследование. Нет возможности полностью воспроизвести этот основательный анализ – он занимает целую газетную полосу, приведу некоторые пункты.

Цитата. Кто и как украл «Известия»

«Российская газета», 15 июля 1991 года.

«Газета под названием «Известия Совета народных депутатов СССР» издавалась до 23 августа 1991 года (путч потерпел поражение 22 августа 1991 года. – *Авт.)*. Как было сообщено в номере от 23 августа 1991 года, редакционная коллегия и коллектив газеты «Известия» приняли решение «о приостановлении учредительства Президиума Верховного Совета СССР» и о выпуске газеты с новыми выходными данными. В тот же день, 23 августа 1991 года, Министерством печати и информации РСФСР было зарегистрировано средство массовой информации с другим наименованием – газета «Известия» (заметим, что в августе-октябре еще действуют учредитель газеты «Известия Совета народных депутатов СССР» – Президиум Верховного совета СССР, как, впрочем, еще живы и сам Верховный совет СССР, и Съезд народных депутатов СССР. – *Авт*).

Приостановление учредительства Президиума Верховного Совета СССР, а фактически прекращение выпуска газеты «Известия Совета народных депутатов СССР» и учреждение нового средства массовой информации – газеты «Известия» – произведено с нарушением Закона СССР "О печати и других средствах массовой информации", который действовал в то время и не был отменен российскими властями. В соответствии со ст. 13 названного закона решение о прекращении выпуска средства массовой информации вправе принять лишь учредитель, орган, зарегистрировавший средство массовой информации, или суд (как видим, редколлегия "Известий" не посчиталась с действующим законом, равно как и российский министр печати Михаил Полторанин, кстати, один из разработчиков данного закона, гордящийся своим участием в его создании. – *Авт.*).

Незаконно и учреждение концерна «Известия». Президиум Верховного совета СССР принял постановление от 17 октября 1991 года № 2412-1 о преобразовании газетно-издательского комплекса «Известия» в хозяйственное объединение – концерн «Известия». Между тем законом право объединяться в союзы, ассоциации, концерны и другие объединения предоставлено самим предприятиям на договорной основе. Такого решения не принималось. Таким образом, Президиум Верховного совета СССР вышел за рамки своих правомочий.

Цитата. «Заявление редакционной коллегии «Российской газеты»

«Российская газета», 17 июля 1992 года (печатается с сокращениями).

«Об «Известиях» коротко… Было бы безумием попытаться «закрыть» эту газету. «Известия Советов народных депутатов СССР» имеют богатое и славное прошлое, будут иметь, надеемся, и столь же значительное будущее. На наш взгляд, вопрос заключается лишь в том, что «Известия» поставили себя в особые, привилегированные условия. Газета фактически владеет государственным предприятием (типографией, огромным гаражом, помещениями, домами отдыха и т. п), что обеспечивает ей финансовое состояние, которое радикально отличается от других изданий. Все остальные газеты выступают перед издательствами в качестве заказчиков, платят за аренду помещений, полиграфические услуги, транспорт, связь, экспедирование. Вот эта-то связка «Известия» – издательство и позволила частной газете, каковой стали "Известия" после перерегистрации, бесплатно пользоваться государственным имуществом и извлекать прибыль в интересах частных лиц.

Узнав о проблеме "Известий", президент Ельцин издает распоряжение о …безвозмездной передаче комплекса "Известий", многочисленных санаториев и домов отдыха, жилых домов частной газете. Ну, а почему нет?! Он уже передал в ведение некоего полковника Ближнюю дачу Сталина якобы для организации переучивания покинувших армию офицеров, другому пообещал Сандуновские бани, министру печати отписал здание бывшего Госстроя и культурный центр в Берлине… Мама родная, хватай, гуляй, веселись!.. Щедрого царя-батюшку, наконец, дождались.

Цитата. В ситуации с «Известиями» пока возобладал не закон, а телефонное право

«Российская газета», 3 сентября 1992 года.
Беседа корреспондента «РГ» Василия Устюжанина
с членом Верховного Совета России Владимиром Лесиным.
Печатается с сокращениями.

«РГ: В прессе уже достаточно полно излагались аргументы, которыми мотивировало свои действия руководство редакции «Известия». Российский парламент, приняв в июле под занавес сессии постановление по газете, сделал длительную, почти на месяц, паузу. Ее прервал недавно Руслан Хасбулатов, обронив: «Ждите развития ситуации». И оно последовало. Сначала Верховный Совет подает в Министерство печати и информации заявку на регистрацию новой газеты «Известия Советов народных депутатов Российской Федерации», а буквально через несколько дней президент Борис Ельцин издает распоряжение, которым поручает правительству передать полиграфическую базу издательства «Известия» в собственность газетно-издательскому концерну «Известия». Что стоит за этим противостоянием?

В. Лесин: …Только слепой не увидит те очевидные нарушения, с которыми были проведены и регистрация газеты, и создание концерна «Известия». Ни одна российская газета не выиграла так от провала августовского путча, как «Известия». Например, «Независимая газета», которая печатается в издательстве «Известия», покупает здесь бумагу по цене почти в …двадцать раз дороже, чем их известинские коллеги. Сложилась ситуация, при которой частная компания, не стесняясь, использует государственную собственность для выкачивания прибыли. На каком основании такие привилегии? Мы имеем дело с прецедентом хозяйственно-юридического мошенничества, которое освещено теперь и распоряжением президента. При этом допускают мелкое шулерство. 17 июля парламент принимает постановлении по газете «Известия», а 21 июля главный редактор И.Голембиовский и директор издательства Ю.Ефимов втайне даже от своих сотрудников подписывают договор о передаче исключительного права пользования товарным знаком «Известия» товариществу с ограниченной ответственностью «Редакция газеты «Известия». Если бы патентное ведомство зарегистрировало этот договор, то полные права на владение фирменным знаком

перешли к частной компании – товариществу, потому что такого юридического лица как редакционно-издательский комплекс «Известия» еще нет в природе. Он нигде не зарегистрирован. Подсовывая проект распоряжения о передаче собственности на подпись президенту, его самым прямым образом подставляли. Столкнуть президента с представительной властью – вот задача, которую ставят перед собой те, кто хочет политического, а не правового решения.

Конфликт между парламентом и «Известиями», в который была втянута и «Российская газета» как издание Верховного совета, разумеется, не красит ни «РГ», ни «Известия». Но с другой стороны, претензии «Известий» на исключительность раздражали не только нас.

После августовского путча трудовые коллективы многих газет и журналов, потеряв прежних учредителей в лице союзных органов, тоже перерегистрировались и стали хозяевами своих изданий. Например, «Правда», «Советская Россия», «Сельская жизнь», журнал «Диалог», «Комсомольская правда»». Но они поступили в соответствии с буквой и духом закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». Они в свое распоряжение взяли ту часть собственности, на которую имели юридические основания претендовать: оборудование, оргтехнику. И печатались на договорных началах в не принадлежащем им издательстве «Пресса» (прежде – «Правда»). И платили за это немалые деньги. Почему «Известия» поставили себя на место «избранного» средства массовой информации, известно лишь инициаторам скандала.

Парламент тоже закусил удила. Он принимает решение зарегистрировать еще одну газету – «Известия Советов народных депутатов Российской Федерации». При очередной встрече Хасбулатов огорошил меня: «Принимайтесь за организацию выпуска «Известий». Я энергично запротестовал: мне и без того хватает забот и хлопот. «Не торопитесь с ответом. Подумайте», – сказано было мне. На другой день в редакции встретил Леонида Кравченко. Знал его еще в бытность, когда он редактировал «Строительную газету», а затем «Труд». Поздоровались, спросил, чем занимается. Оказалось, безработный. После знаменитого танца белых лебедей, переданного по Центральному телевидению, где он председательствовал, Леонида Петровича все обходили словно чуму. Предложил заглянуть дня через два-три. Он, видимо, предположил, что я ему хочу предложить работу в «Российской газете». Но я имел в виду совсем другое.

В перерыве между заседаниями сессии выложил Хасбулатову свое предложение: назначить редактором новых, российских

«Известий» Кравченко. Хасбулатов удивился: «Это тот, кто во время путча показывал лебедей? Вы шутите?». Хорошо, что при разговоре присутствовал его первый заместитель – Воронин Юрий Михайлович. Он активно поддержал мое предложение. Я добавил аргументы: во-первых, Кравченко хороший организатор; при нем вырос тираж «Строительной газеты», а тираж «Труда», который он тоже возглавлял, приблизился к тридцати миллионам. Во-вторых, чтобы возвратиться к работе и доказать свои возможности, он будет рыть землю копытом.

В начале лета 1993 года состоялся Совет руководителей региональных парламентов, на котором и было принято решение об издании «Известий Совета народных депутатов Российской Федерации», ее редактором утвердили Кравченко. Я предложил назначить его временно своим первым заместителем, и он занялся организацией выпуска российских «Известий». К сожалению или добру – как знать? – ее выпуск так и не состоялся. Случился октябрь 1993 года, парламент был расстрелян, Совет руководителей региональных парламентов распушен. Временно закрыли и «Российскую газету», поменяли ее главного редактора. А Леонид Петрович Кравченко …остался первым заместителем нового редактора «Российской газеты», и многие годы, до организации «Парламентской газеты», редактором которой был назначен Государственной Думой и Советом Федерации, работал в «Российской газете». Признаться, я ждал от него приглашения вернуться к любимой газетной работе, но не дождался. Такие вот зигзаги устраивает судьба.

Судьбе старых «Известий» не позавидуешь. Их распад начался в августе 1991 год, и все 90-е их штормило: менялись редактора, собственники, журналисты. Еще при Голембиовском фактически была утрачена собкоровская сеть (сотрудников буквально как балласт сбрасывали за борт). На пиршественном столе некогда могучего издания все меньше оставалось деликатесов, пока они не исчезли совсем. Жаль умную и интересную газету. И работали в ней корифеи, цвет советской журналистики».

Часть вторая
Большое видится на расстоянии

Историю первых трех лет «Российской газеты» невозможно отделить от истории новой России. Родившись в час великой смуты, газета пережила бескомпромиссную борьбу властей СССР и РСФСР, путч, распад большого государства, конфликт Верховного совета России и президента Бориса Ельцина, завершившийся расстрелом российского парламента.

Могут сказать: что с того, ведь то же самое пережили и другие газеты, телевидение. Но особенностью «Российской газеты» являлось и является то, что она, будучи первые три года своего существования изданием Верховного совета, а затем – правительства России, встроена во власть и поэтому вынуждена быть близкой к ней. Потрясения 90-х годов, наложившие глубокие шрамы на страну, не только не обошли стороной «Российскую газету», но и привели к изменению ее статуса. За три первых года ее дважды закрывали, а в сентябре-октябре 1993 года она оказалась единственной среди печатных изданий России, выход которой был прекращен на две недели. Распоряжением председателя правительства был освобожден от должности главный редактор с формулировкой «за противодействие выполнению указа президента России № 1400». В тот день редакцию по собственной инициативе покинули более 40 журналистов и сотрудников издательства. А через полгода-год от прежнего состава остались единицы.

Неразрывность историй страны и газеты и обусловила содержание и композицию повести. Все главные события в России в полной мере находили отражение на полосах «Российской газеты», и сегодня, на взгляд автора, нет более полного, правдивого и убедительного документа о том времени, чем страницы газеты. Окунемся же в них…

Время выбора и бремя испытаний

Из всех периодов развития Большой страны – СССР, исключая войну и годы восстановления, самый несчастный выпал на долю Михаила Горбачева. Позже поясню, почему так считаю. А сейчас о его предшественниках.

Человеку свойственно крепче помнить неудачи, обиды, поражения. Мы с усмешкой вспоминаем времена Никиты Хрущева: кукурузник, не успел соединить пол с потолком, кузькина мать… И забыли, не ценим того, что именно при нем началось массовое жилищное строительство, в итоге десятки миллионов семей покинули полуподвальные помещения, коммунальные квартиры и справили новоселье пусть по нынешним меркам в убогих, крошечных квартирах, но в своих, изолированных, с коммунальным обогревом, с водой горячей и холодной, туалетом. Я помню, как с женой и сыном заселялись в двухкомнатную квартиру, помню, какое испытали счастье. Да, квартирки были не ахти, но не потому, что подкачали архитекторы, а потому что дешевы, и вместо одного дворца, например, на Рублевке, удавалось строить десятки «хрущевок». При «кукурузнике» были выстроены все нынешние академгородки, наука получила, пожалуй, самые мощные вливания, что позволило стране отправить в космос первый спутник, а вскоре и Юрия Гагарина. При Хрущеве началось освоение Западной Сибири, за первые годы 60-х были разведаны десяток месторождений, некоторые из них и по сей день держат на плаву Россию.

Никита Хрущев судорожно искал пути и методы управления экономикой: то совнархозы противопоставил министерствам, то разделил партию на промышленную и сельскую. Многое не получалось, были допущены чудовищные ошибки, особенно в сельском хозяйстве. Но было и поступательное развитие.

Большой стратегической ошибкой Хрущева стала чрезмерная ориентация на партию и фактическое отстранение Советов от власти. Никогда, ни при Ленине, ни при Сталине, до такой степени не скукоживалась власть Советов. Правда, во время войны Сталин временно сосредоточил все властные полномочия в Комитете государственной обороны (ГКО), аппарат которого был заимствован в основном из состава аппарата Центрального комитета партии. Однако сразу же после победы партийные комитеты подвинулись в сторону пропаганды и агитации за социализм и коммунизм, а Советы занялись рутинным делом – хозяйством. Хрущев все перевернул с ног на голову.

Хозяйственные дела стали вершить партийные комитеты, впрочем, ответственность за неудачи и провалы осталась за Советами. Круг возможностей и полномочий Советов сократился до минимума. Облисполком мог, например, иметь под своим управлением рудный карьер, прачечную, мастерскую по ремонту обуви. Всем, что было покрупнее, распоряжались отраслевые министерства, которые, в свою очередь, выполняли постановления партии, согласовывали свои планы и действия с региональными комитетами партии. Перекачка функций из Советов в партийные комитеты в конце концов сыграла злую шутку с партией.

Эту практику продолжил и Леонид Брежнев. Правда, ему повезло больше, чем предшественнику: мощным потоком на Запад пошли нефть и газ, а оттуда доллары. Я не экономист, не могу копать глубоко, но ведь у всех у нас есть здравый смысл, есть бытовая память. И мы не должны не замечать, что и в годы добродушного, незлобивого генсека было построено много заводов, фабрик, комбинатов. В заброшенном, всеми забытом Забайкалье возведены Краснокаменский урановый комбинат (более известный теперь как место отбывания тюремного срока Михаилом Ходорковским), крупнейший в стране камвольно-суконный комбинат (обеспечивал чуть не всех ребятишек Сибири школьной формой), автозавод по сборке грузовых автомобилей в северном исполнении, ГРЭС, Харанорский угольный разрез мощностью до 15 миллионов тонн бурого угля, овчинно-меховая фабрика. Многое оборудование приобретали на иностранную валюту, а валюта шла, как и теперь, за нефть и газ. Вся в казну шла, по 100–150 миллиардов долларов в год, не утекала в иностранные банки. Вот и было на что строить заводы, фабрики, пароходы.

Что же случилось в конце 80-х-начале – 90-х годов? Если прислушаться к Марксу (а к нему, кажется, интерес возрастает, и прежде всего на Западе), то производительные силы вступили в противоречие с производственными отношениями. Академик Глушков, один из первых наших кибернетиков, специалист по управлению, еще в 60-е годы предупреждал о том, что эти противоречия начали нарастать уже в конце 50-х годов, когда в основном было восстановлено народное хозяйство. Представьте себе, писал он (а писал он образно, метафорично), что вы оказались в джунглях, на утренней «раскомандировке», на которой вождь племени распределяет соплеменников по рабочим местам: вам на охоту, тебе за водой, вам коренья копать, той-то и той-то за детьми наблюдать. Вечером племя собирается, у каждого «результаты трудового дня» в руках. Простое,

эффективное управление.

Но с развитием производительных сил управление усложняется. Академик признавал, что до войны и во время войны наиболее эффективной была система командно-административного управления. Она позволяла быстро и без лишних разговоров и споров сосредоточивать ресурсы в нужном месте и в нужное время. Однако эта система не может существовать долго; она изнуряет человека, подавляет его волю, превращает в простого исполнителя, не способного к творчеству. Командно-административная система, искусственно задерживая свое существование, глушила инициативу, уничтожала посевы и ростки всходов, и политическое, гражданское поле становилось бесплодным.

Такими или примерно такими словами сформулировал академик свое представление о состоянии управления в стране, и пришел к выводу, что систему управления необходимо менять. Как? Он не произносит слова «рынок», но это понятие вытекает из всего им сказанного. Невозможно управлять многосложным механизмом по-старому, никакие госпланы и госснабы с этим не справятся, если бы даже в их распоряжении оказалась электронно-вычислительная машина размером с …Московский государственный университет. Да, академик не понимал рынок, как его поймет Гайдар, но, безусловно, он не просто допускал, но и настаивал на внедрении рыночных элементов в социалистическую экономику. Позднее эту мысль выскажет истинный демократ академик Сахаров, назвав частичное и мягкое проникновение рыночных элементов в социалистическую экономику конвергенцией.

И теперь о несчастном времени Горбачева… Противоречие между производительными силами и производственными отношениями к этой поре достигли предела. Косыгинская реформа (разрешили предприятиям создавать фонды материального поощрения, развития) быстро исчерпала себя. Требовалась бо́льшая свобода, разгосударствление (в первую очередь в сферах торговли, бытового обслуживания), разрешение частной собственности. Требовалась замена игрушечного соревнования настоящей конкуренцией, а она невозможна в экономике, где действуют директивные, назначенные сверху цены и административное распределение произведенного продукта. И при Брежневе необходимость реформ осознавали, но испугались, свернули косыгинские преобразования.

Горбачев решился. И какую же смелость, мужество (а может, безрассудство?) надо было иметь, чтобы попытаться поставить экономику на новые рельсы! Да еще решиться на преобразования

в момент, когда на страну упала страшная тень: резко вниз пошли цены на нефть и газ. Они упали до 12–14 долларов за баррель. Валютные поступления в 1985 году уменьшились в три раза, в 1986–1988 годах бюджет недополучил 40 миллиардов долларов. А ведь те доллары – не нынешние… Снизился экспорт оружия на два миллиарда долларов. В 1988 году бюджет был сверстан с дефицитом в 60 миллиардов рублей, к 1990 году государственный долг составил 400 миллиардов рублей (почти 50 процентов ВВП).

Западные банки всполошились, стали вносить СССР в список ненадежных должников. Условием кредитования выдвинули требование перехода к рыночной экономике. При росте денежной массы были опустошены прилавки магазинов; из учитываемой тысячи видов товаров в свободной торговле осталась десятая часть.

Сегодня мы, наученные долгим горьким опытом, понимаем, что все это означало, во что вляпалась страна, сегодня мы, наконец, способны оценить огромные риски предпринятых Горбачевым реформ. Мы также понимаем, что положение страны в середине 80-х-начале 90-х годов – не следствие этих реформ, а, напротив, реформы есть следствие всего послевоенного развития государства. Но… невозможно было выбрать для серьезных реформ время более неудачное, чем то, которое выбрали Горбачев и его сторонники. Реформатор оказался заложником своих благих намерений, чем и воспользовались сначала ГКЧП, а затем и Ельцин. Хотя и смертельно опасно было откладывать реформы.

Персона: Михаил Горбачев. Не только винить, но и понять

Призывая именно так относиться к Горбачеву, я рискую: многие ненавидят этого человека. За излишнее многословье, за то, что везде возил с собой супругу, а главное, разумеется, за то, что произошло с СССР. Вторую причину, кажется, унесла с собою незабвенная Раиса Максимовна в могилу, и люди вроде бы поняли, что она с Михаилом Сергеевичем и он с Раисой Максимовной старались всегда быть вместе не потому, что она «выскочка», а он «подкаблучник», а потому, что просто любили друг друга.

Я это разглядел в августе 1993 года. Позвонил академик Георгий Шахназаров, давний и верный помощник Горбачева, и с восточной деликатностью подвел к тому, что Михаила Сергеевича, дескать, стали забывать, и неплохо было бы дать ему возможность опубликоваться в «Российской газете». Условились, что я приеду в Фонд Горбачева и там побеседуем.

Встретил Горбачев так: вышел из-за стола, на ходу с улыбкой представил меня двум помощникам: «Вот главный мой критик!». Я действительно, будучи народным депутатом СССР, несколько раз «прокатывался» на съездах по Горбачеву. На реплику его отреагировал и для самого себя неожиданно: «Михаил Сергеевич, ну, какую голову надо иметь, чтобы помнить все».

Горбачев, как показалось, был со мной настороже, но только до того момента, пока я не поинтересовался здоровьем Раисы Максимовны (после Фороса у нее случился инсульт). Горбачев преобразился. Стал рассказывать, что говорят врачи, какие результаты лечения в Германии. И так он рассказывал, с волнением и одновременно по-домашнему, что и человеку бесчувственному стало бы видно, как он переживает, а мысли его постоянно заняты супругой. И я тогда подумал: что же мы за люди такие, почему не видим простых и понятных вещей, а непременно стремимся объяснить все шиворот-навыворот?

Полагаю, и всем действиям, решениям президента Горбачева следует искать объяснения не в заумных политологических лабораториях, а в обыкновениях наших, в повседневной нашей жизни. Ведь Горбачев не предложил ничего нового и ничего особенного, что не было бы востребовано обществом. Все, может, лишь за исключением крайних консерваторов и людей сверхосторожных, требовали перемен. Причем, преобладало

требование именно радикальных преобразований, как в экономике, так и политическом устройстве страны.

Нынешние коммунисты обвиняют Горбачева в предательстве партии. Сомнительное обвинение. Конечно, если исходить из того, что не следовало бы вообще ничего начинать, то с натяжками можно признать такие обвинения. Но неизвестно, чем бы закончился так называемый застой в общественной жизни и общественной мысли. Ведь партия к тому времени не просто превратилась в тормоз развития общества, над нею стали насмехаться. Возможно, прошло бы еще несколько лет и членство в ней стало бы расцениваться как дурной вкус.

В этих условиях Горбачев чуть ли не в ногах валялся у партии, упрашивая ее модернизироваться. Мы, убеждал он своих мастодонтов, отстаем от развития общества, а это смертельно для правящей партии. И как отвечала ему верхушка КПСС и ее аппарат? Создали параллельную организацию в РСФСР. Устроили в августе 1991 года политический дебош – глупый и трусливый.

В беседе я высказался в том роде, что основную вину за развал СССР должна взять на себя КПСС. Горбачев тогда не согласился с этим, сказал, что такая постановка вопроса для него неожиданная. Однако все последующие его рассуждения свелись, помимо его воли, к тому, что так оно и есть. И впрямь: всевластная политическая организация, обладавшая всеми политическими, экономическими, силовыми ресурсами, разрушилась буквально за два года. Что, ее мог разрушить один человек, пусть даже генеральный секретарь? Двести членов межрегиональной депутатской группы? А если разрушить 19-миллионную партию удалось такими малыми силами, туда ей и дорога.

Причины разложения партии на самом деле другие. Партия возомнила себя «умом, честью и совестью» эпохи», поверила в это свое предназначение сама. Если проще сказать, понятнее, то она превратилась в нечто такое, о ком говорят: в каждой бочке затычка. Куда только ни совалась одряхлевшая старушенция, куда ни заглядывала, чем только ни интересовалась! И при этом не допускала ни одного слова против, даже намека на существование оппозиции. А между тем и самые верные друзья не способны дать правящей партии более умные советы, чем оппозиция. Она, конечно, остро, зло критикует, нередко незаслуженно, что крайне раздражает, но умная правящая партия, публично защищаясь, должна принимать критику оппозиции как совет. И – всегда учиться отвечать требованиям времени. На то в реке и щука, чтобы карась не дремал.

Горбачев и многие рядовые партийцы готовы были принять

такой порядок в отношениях общества и правящей партии, верхушка партии и ее аппарат – нет. И вскоре Центральный комитет с аппаратом, обкомы оказались в изоляции. Не только народ их не поддержал, но и миллионы коммунистов (к 1990 году партию покинули 4 миллиона человек. – *Авт.*).

В целом в ожесточенной критике Горбачева прослеживается стремление свалить вину за все, что случилось с нами, с больной головы на здоровую. Не Горбачев явился автором такой организации власти, которая пришла к самоуничтожению. Если даже допустить, что во времена Ленина и Сталина требовалось единовластие, сосредоточение власти в одних руках в интересах державы, для ее выживания и выживания народа, и поэтому в жертву были принесены интересы личности, то и в этом случае возникает вопрос: почему не остановились в 60-е-70-е годы? Почему продолжили с еще бо́льшим рвением укреплять диктатуру партии? Почему окончательно загнали в угол Советы и советскую власть? Почему превратили в фарс выборы? Почему так гонялись за бабушкой, которая торговала пучком укропа, почему заставляли спиливать «лишние» пять сантиметров у садового домика (6х6 метров – и не сантиметром больше!)? Почему вместо законов действовал устав партии и ее постановления? Вся народная жизнь была тщательно упакована, перетянута веревками и помещена на видном месте под наблюдение партии.

А между тем общество уже во времена Хрущева, а тем паче Брежнева, созрело для восприятия демократических идей. Молодежь где-то шуткой, а где-то и всерьез обращалась к отцам: «Партия, дай порулить!». И путь медленного, но настойчивого переустройства государственного управления был известен. Это путь разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. При условии свободы слова и печати. Испытанный веками способ управления государством. Только в этих условиях можно было строить правовое государство, искать и находить ответы на вопросы экономического развития, решать вопросы отношений собственности

Горбачев это понимал. Доказательством может служить последовательность его решений и преобразований. Выборы народных депутатов страны (тот же всероссийский Собор), изменения в Конституции, в соответствии с которыми значительная часть власти перетекала из ЦК КПСС и политбюро к Съезду и в Верховный совет (на местах – от обкома партии в областные Советы), укрепление позиций «четвертой» власти (СМИ) свидетельствует только об одном: генсек и его ближнее окружение взяли курс на умаление роли партии, на перевод ее на подобающее ей место. А главное, на формирование благодаря

свободным всеобщим выборам представительной власти, которая в свою очередь на законных основаниях сформирует власть исполнительную. При этом Горбачев опасался действовать решительно и бескомпромиссно. Ибо понимал, что партия, находящаяся у власти в течение многих десятилетий, превратилась в некий «позвоночный хребет» государства. Убрать в одночасье этот «хребет», вынуть его из тела государства, куда он врос, опасно и может оказаться смертельным для страны. Поэтому медлил, сомневался, колебался.

На Съезде, на котором выбирали президента СССР, я, сославшись на избирателей, спросил Горбачева: готов ли он, если его изберут, отказаться от поста генерального секретаря коммунистической партии? Что тут началось! Десятка полтора депутатов убеждали коллег и прежде всего самих себя в том, что совмещение постов в данный момент необходимо, что именно сосредоточение власти в одних руках является гарантом успеха реформ. Но что-то подсказывало: уход Горбачева с поста генсека в тот момент помог бы избежать катастрофических событий в 1991 году. Во-первых, авторитет Горбачева в 1989 году был еще велик, а его отказ от поста генсека в глазах граждан только прибавил бы ему веса. Во-вторых, сама партия получила бы шанс на развитие, поскольку она неизбежно разделилась бы минимум на два самостоятельных течения: коммунистическое и социал-демократическое, что предохранило бы ее от развала. В-третьих, непременно появился бы новый важнейший институт власти – Совет республик, который (и только он!) способен был удержать каркас единого государства. В-четвертых, страна получила бы совершенный механизм истинного народовластия, когда граждане избирают Собор (Съезд), который формирует постоянно действующий парламент и избирает президента. Президент формирует правительство, которое подотчетно ему, а в чем-то и парламенту. Таким образом, президент остается подконтрольным Съезду, поскольку может быть им переизбран в соответствии с законодательством.

Конечно, переформатирование властных институтов не протекало бы спокойно и мягко, но оставалась бы надежда уйти от жесткой конфронтации, в первую очередь от конфронтации с Россией. Обсуждался тогда и другой вариант, более приемлемый: выборы президента СССР и Верховного совета всеми гражданами страны (Съезд при этом исключался). К концу 80-х годов большинство партийных функционеров (около 1800 в Москве и несколько сотен тысяч в регионах) были лишены прав и привилегий; выведен за скобки главный штаб аппарата – секретариат, фактически распущены партийные комитеты в

министерствах, а на местах власть передана избранным Советам.

Теперь мало кто помнит, но первую попытку разделить партию сделал Никита Хрущев. При нем были образованы сельская и промышленная компартии с единым Центральным комитетом КПСС в Москве, но с двумя областными (республиканскими) комитетами в регионах. Был, скажем, в области один обком КПСС, а стало два – сельский и промышленный. Был один первый секретарь, а стало два. Хрущев, озабоченный положением в стране, судорожно искал возможности повысить эффективность управления, но искал их не в том месте. Партии создаются не по отраслевому признаку, а исключительно на идеологической основе. Попытка Хрущева изначально была обречена на неудачу, с чем он и сам согласился, возвратившись к прежнему строительству партии.

В конце 80-х годов настало другое время. «Перестройка» Горбачева подняла дремлющие пласты общества такого объема и размаха, такого энтузиазма и такого разнообразия мнений, что их было уже не остановить. Требовалась лишь организация и крепкая опора на нее. Такой организацией и опорой тогда могла стать лишь партия, освобожденная от догм и идеологических шор, наученная 70-летним опытом строительства социалистического государства, опытом неудач, успехов, побед и поражений.

Такую партию можно было создать чуть ли не в считанные дни. Сам Горбачев считал, что из 412 членов Центрального комитета КПСС было «две, три, а то и четыре» партии. Но только две из них имели значение: максимально приблизившееся к социал-демократии крыло КПСС во главе с Горбачевым и консервативная, отстаивающая традиционные коммунистические убеждения. Раскол партии стал бы самым быстрым способом создания в СССР многопартийной системы. Важно и то, что им удалось бы развестись, поделив между собой имущество КПСС, органы печати, местные организации, а самое главное, организационный опыт, кадры, поддержку избирателей. Опираясь на закрытые исследования, Горбачев считал, что в результате развода за ним последовало бы 5–7 миллионов членов КПСС. До четырех миллионов членов КПСС могли бы последовать за консерваторами – «вчерашними». И это были бы не «кухонные» партии. Это – реальная сила, оснащенная мировоззрением, идеологией.

Так бы и произошло: к середине 1991 года, когда обе стороны созрели для расставания; в ноябре-декабре этого года на внеочередном съезде партии развод состоялся бы. Но в августе случился путч, который нарушил естественный ход истории,

удалил президента СССР Горбачева из политики, открыл дорогу для радикальных сил, прежде всего в России.

Но послушаем самого Горбачева, то, что он говорил ровно 25 лет назад. Это тем больший интерес представляет с учетом пройденного пути, приобретенного опыта и полученных результатов. Мы имеем теперь возможность сравнить два проекта реформирования государства, которые условно назовем «проектом Горбачева» и «проектом Ельцина».

Цитата. Иного пути нет, как поменять власть

С Михаилом Горбачевым беседует главный редактор «Российской газеты». Опубликовано 19 августа 1993 года. Печатаются фрагменты.

– Михаил Сергеевич, события последних двух лет побуждают переосмыслить начальный путь реформ. То, что казалось ясным и верным в 1987-1989-1991 годах, сегодня кажется загадочным и ошибочным. Размышляя над результатами реформ, я прихожу к выводу, что КПСС сыграла решающую роль в развале СССР. Такой вывод может показаться неожиданным. Но посмотрите: именно ее отставание от общественного развития, неспособность адекватно реагировать на объективно нарастающие проблемы, ее вялость, ее беспечная уверенность в том, что она незыблема и вечна, привели к тому, что нам, демократам образца 1989 года, сравнительно легко удалось развеять миф о ее монолитности и всевластии. Впрочем, не мы ее разрушили, а она сама себя. В слабости, неспособности принять вызовы времени и заключается ее вина в развале государства. Сосредоточив в своих руках всю власть, КПСС не справилась с управлением, не заметила, что в обществе созрели предпосылки для серьезных преобразований, и тем самым погубила и саму себя, и великое государство.

– Это действительно неожиданный вывод. Давайте вспомним, как и кто начинал реформы. Тогда мы получим полную картину перестроечных процессов и точно определим роль КПСС в них. Именно в политбюро и секретариате ЦК КПСС сформировалось ядро политиков, способных принять вызовы и импульсы времени. Мы видели, как замирала в предконвульсионном состоянии экономика; стоял вопрос, как быть с дефицитом бюджета. Рост национального дохода оказался нулевым. Мы пришли к выводу, что ставка на ресурсы, на нефтедоллары, на водку, на жесткое распределение полностью себя дискредитировала. Было признано: надо идти на реформы.

И реформы в стране начались. А в нашей стране они и могли развернуться только по инициативе центра, а точнее – руководства КПСС. Значит, должен был измениться прежде всего сам центр. К средине 1985 года в нем нашлись силы, которые взяли на себя инициативу проведения реформ.

Следующий этап: мы увидели, что экономические реформы не идут. Возник вопрос: что дальше? Много было дискуссий в

политбюро, секретариате, на пленумах ЦК, наконец, на XIX партийной конференции. Была острая борьба, выяснились разные оттенки, даже позиции и в составе руководства. Вспомните, таких открытых и серьезных баталий, какие состоялись на партийной конференции, до этого не было. Именно на XIX партийной конференции было получено новое знание: если хотим реформировать политическую систему – надо идти на свободные выборы; если хотим преобразовать экономику – надо реформировать отношения собственности, то есть дать самостоятельность предприятиям, республикам, регионам, утвердить экономическую свободу. Это означало и коренное изменение роли КПСС, потому что на смену одной концепции власти должна прийти другая. С этого и началось противостояние.

Я вам скажу: провести реформаторский поезд в этой ситуации было нелегко – столько завалов! А тут еще и палки в колеса. Например, национальный вопрос. Мы явно недооценили эту проблему. Даже такой проницательный и хорошо осведомленный политик как Андропов, выступая на праздновании 60-летия Союза ССР, сказал, что национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от царской России, у нас решен. Действительно, было чем гордиться. Сформировалась государственность многих народов. Стало доступным образование для всех, возникли национальные университеты, театры, кино, литература.

Но одновременно саднила рана, нанесенная репрессиями против целых наций. И не только это. В конституции СССР было записано, что республики в составе СССР – суверенные государства. Но это же абсолютная политическая демагогия! Скажем, перевели Узбекистан с 20-миллионным населением на монокультуру – производство хлопка. Но эквивалентного обмена не получилось, и Узбекистан вынужден был просить то, что ему обязаны были поставлять. Или Россия, огромная республика… Стоял вопрос, как ею управлять, но на него так и не был получен ответ. А это сказывалось на решении практических вопросов развития России. В результате идею национального возрождения, в принципе здоровую идею, оседлали сепаратисты, националисты, политиканы. И они занялись тем, чтобы раскачать Россию, идя двумя путями: первый – «защитить» Россию, утверждая, что она тоже должна пользоваться всеми правами; второй – обвинить Россию во всех грехах и бедах, имевших место в нашей драматической истории. Помните, Валентин Распутин на Съезде народных депутатов СССР сказал: если все дело в России, и все беды от нее, то, может быть, ей выйти из Союза?..

Завели Россию… А что значит завести Россию? Это значит погубить Союз. Из научных российских центров вышел документ, в котором доказывалось, что через 3–4 года отделившаяся от всех Россия войдет в ряд процветающих государств мира. И российские политики, которые хотели набрать себе очки, сыграли на этой карте, в том числе и те, кто занялся оформлением российской компартии. На апрельском пленуме, зная позицию 32 секретарей обкомов партии в России, я заявил, что ухожу в отставку. К тому времени я мог так поставить вопрос, потому что раскол стал неизбежен, пусть не раскол – размежевание. До этого я не хотел раскола.

Мои действия на последнем этапе в 1991 году сводились к тому, чтобы дать антикризисную программу. И мы ее дали. И с ней согласились республики. Подготовили проект нового союзного договора. Назначили дату его подписания. В решительных схватках вышли и на проект новой программы партии. А это означало, что на внеочередном Съезде КПСС, в ноябре 1991 года, произойдет размежевание на базе этой платформы. К тому времени в партии существовало пять течений. Это была уже не партия, а политический блок. И вот вам ГКЧП!

А теперь некоторые детали. Накануне подписания договора, где-то 14 августа, позвонил мне в Крым Ельцин и сказал: вы видите, как жестко критикуют меня за то, что Россия идет на подписание договора. И впрямь критиковали – Афанасьев, Боннэр и другие радикалы. И обратите внимание: меня критиковали справа за то, что, дескать, намеченное на 20 августа подписание приведет к развалу Союза, к конфедерации, а слева критикуют Ельцина: мол, подписание договора – это сохранение империи, унитарного государства.

Удар по договору нанесло реакционное крыло КПСС. Ведь это из ЦК КПСС пошла телеграмма, требующая поддержать ГКЧП на местах. И за малым исключением партийная номенклатура регионов поддержала августовский путч. Почему одни пошли на переворот, а другие их поддержали? Да потому, что и те, и другие понимали, что вслед за новым договором идет перераспределение полномочий, последует формирование новых органов власти. У многих из номенклатуры центра и регионов закончилась бы карьера. Я-то думаю: ну и что с того, что тут страшного? Я вот не президент, сложил полномочия в известной ситуации, и что из этого?

– Ну как что? У нас так заведено: добрался до поста, так и держись на нем до полной инвалидности ума.

– А я искренне недоумеваю, особенно по поводу некоторых организаторов переворота. Вот Язов – фронтовик, человек

пожилой… Крючков – то же самое. Что надо было этим людям? А самое главное, они же все одобряли: на политбюро, на пленумах. В том числе и союзный договор, и проект программы партии. Думаю, это элементарное предательство. Высшим интересам страны противопоставили свои шкурные интересы.

– Наверное, так оно и есть. И если судить этих людей, так за то, что они своими действиями в августе объективно способствовали развалу Союза. Новый союзный договор как-никак, а все-таки явился бы преградой на пути обвальной лавины. ГКЧП – это огромный валун, пущенный с вершины горы. Он вызвал сход лавины. ГКЧП – большой подарок тем, кто стремился к разрушению государства. Однако если и дальше продолжать нашу беседу в этом направлении, возникает ряд вопросов. Например, как вы считаете, три руководителя республик собрались в Беловежской пуще, чтобы отстранить вас от власти или, как они утверждают, сохранить Союз?

– Для начала напомню о моей реакции на то, что произошло в Беловежской пуще. В сущности, вслед за путчистами появились «пущисты». Я заявил тогда, что не могут три или шесть человек объявить о конце государства, у них на это нет полномочий Верховных советов республик. Более того, в Верховном совете Российской Федерации критиковали проект союзного договора – тот самый, который уже после путча находился на согласовании, и критиковали за то, что в нем было заложено конфедеративное государство. Многие российские депутаты стояли за федерацию. И я Ельцину говорил об этом перед его поездкой в Минск. Говорил, что надо отстаивать вариант, который мы согласовали в Ново-Огарево, и который сейчас находится в Верховных советах республик. Затем уже в Москве вести разговор с Украиной, Кравчуком (Украина решительно заявила о том, что ни в какой союз не вступит. – *Авт.*).

Больше всего меня поражает не столько позиция этих политиков, сколько то, что беловежское соглашение одобрили их Верховные советы. Ведь и в Верховном совете России всего семь человек воздержались при голосовании, и один проголосовал против. Руководство парламента обращалось к Зюганову с просьбой, чтобы депутаты-коммунисты поддержали беловежское соглашение. Вот это для меня потрясающая новость! В августе 1991 года партийная номенклатура поддержала путчистов, а в декабре того же года – «пущистов». Мой вывод: известная группа политиков в декабре 1991 года совершила величайшую ошибку, пойдя на развал страны.

– Согласен: удивительная непоследовательность в действиях, решениях, поступках. Но не свидетельствует ли это о том, что они

не осознавали того, что творили? Или это политический примитивизм? Или, как говорят, вожжа под хвост попала?

– Что тут наводить тень на плетень: в Беловежской пуще были реализованы личные амбиции. Скажу откровенно, меня тяготили своим провинциализмом эти политики. Это не в обиду тем, кто работает в провинции. Я веду речь о личных качествах людей. Недавно во время встречи с российскими депутатами из фракции «Смена. Новая политика» узнаю: Ельцин, возвратившись из Беловежской пущи, с восторгом рассказывал о том, как он и его коллеги, «обвели Горбачева». Вот, оказывается, о чем речь идет, и какие цели преследовали – обвести Горбачева, а о государстве, о судьбе народа напрочь забыли. Я, рассказывал Ельцин депутатам, убедил Горбачева, что едем в Минск для подписания двусторонних соглашений и приглашаем туда для беседы Кравчука. А оказалось, ехал, чтобы подписать разрушающее страну беловежское соглашение. Примечательно признание Бурбулиса в том, что, оказывается, вопрос о Союзе славянских республик обсуждался еще в начале 1991 года. То есть до ГКЧП. О чем это говорит? Да только о том, что намерения обособиться возникли раньше, чем был дан повод для этого. Говорит о том, что сепаратизм родился в головах российского президента и его команды. И после путча руководство России вело двойную игру: за одним столом президент России участвовал в разработке нового союзного договора, заявляя о том, что у него нет сомнений в том, что Союз будет, а за другим готовил беловежское соглашение.

– Но есть ли, на ваш взгляд, такие политические силы, которым можно передать власть в России, и которые справились бы с нынешними задачами?

– Есть. Во-первых, хуже уже не будет. Хуже – некуда. Ведь ничего не делается, разложение наверху деморализует общество. Россия дрейфует без руля. Во-вторых, давайте все же вспомним, что нынешние российские власти формировались в условиях слабой конкуренции, когда россияне уже направили свои основные интеллектуальные и политические силы в союзные органы власти. На новых выборах они придут в российский парламент и усилят его интеллектуальную мощь. И в регионах появилось много новых людей, которые через выборы будут востребованы на федеральном уровне. «Вчерашние» не получат доверия у народа. Нужен центр без «вчерашних» и радикалов. Новые выборы и президента, и Верховного совета – в интересах России.

– Но Ельцин, насколько я знаю, не пойдет сегодня на выборы президента. Слишком велик риск для него.

– Чего бояться свободных демократических выборов?! Бояться надо того, чтобы не оказаться в ситуации, когда столкнем друг с другом россиян. Так что если нынешние политики хотят добра России, они просто обязаны уже этой осенью провести выборы.

Осенью, через месяц после беседы с Михаилом Горбачевым, Ельцин разогнал Съезд народных депутатов России, расстрелял парламент и полностью узурпировал власть. Перестали действовать Конституция и законы, фактически прекратили работу Конституционный суд и органы советской власти в регионах. Мало кто тогда предвидел такой конец, думаю, не ожидал этого и Михаил Сергеевич Горбачев.

Можно ли было реформировать советскую систему?

О возможностях реформирования правящей партии сказано, и теперь попытаемся ответить на вопрос, можно ли было реформировать советскую систему. Это центральный вопрос, от ответа на который зависит не только наше понимание пережитого нами исторического эпизода, но также будущее России. Никто не может гарантировать возвращение советской системы, как никто не может гарантировать и ее окончательный закат.

В советах как в системе управления нет ничего плохого. Это выбранная народом власть, и не советская система виновата в том, что ее смысл и содержание были искажены диктаторскими методами, а органы советской власти, в том числе и стараниями Хрущева, были загнаны на периферию и попали под полный партийный контроль. Это проблема коммунистической партии, а не советов. На заре зарождения советов выборы были исключительно демократическими. В советы входили не только большевики, но и значительное, а нередко и преобладающее число представителей других партий. Так что противники советской системы, скорее всего, сознательно выплескивают воду вместе с ребенком.

В том, что советы оказались такими, какими оказались, утверждают критики, виновата система. Она, мол, порочна, и не поддается реформированию; в ней изначально содержится «первородный грех». То, что «первородный грех» советской системы, скорее всего, относится к сфере теологии и никак не может быть аргументом, показывает яркий сравнительный пример, приведенный одним из западных советологов. Рабовладельческая Америка, пишет он, превратилась в совершенную демократию (насчет «совершенной» можно и поспорить. – *Авт.*), а между тем, в США 200 лет назад из 12 миллионов душ 8 пребывали в рабстве, а еще 12 миллионов погибли по пути из Африки и сброшены за борт в пищу рыбам. И несмотря на это, США оказались «светочем» всего цивилизованного мира! Логики, пишет американский политолог, профессор Коэн Стивен, нет никакой. Почему вдруг рабовладельческая система США, являвшаяся по заявлению президента тех времен Джона Адамса «злом колоссальной величины», способна была реформироваться, а советская нет?

Вторым аргументом нереформируемости советской системы является сам факт смерти СССР. Какой смысл вкладывают в это

утверждение? Коли не стало Советского Союза, следовательно, нет и нужды доказывать нереформируемость системы, ибо если бы была возможность ее модернизировать, Советский Союз продолжал бы существование. Выходит, трагическая кончина мировой державы была предопределена роком? Не имеем ли мы тут дело с мироощущением Софокла?

2 сентября 1992 года «Российская газета» опубликовала занятную статью профессора Стэнфордского университета Григория Фрейдина под интригующим названием «Сохраним пережитки социализма». Автор – наш соотечественник, перебравшийся в США в начале 70-х годов. В ней он ехидно-благодушно посмеивается над социалистической идеей. Все, кто ищет справедливости, – цинично заявляет профессор, – завистливые или глупые люди. Установка коммунистов и социалистов – «стряхнуть с себя ветхого Адама, зависть и алчность» – неразрешима в принципе, ибо справедливости не может быть, и ее не должно быть, потому что человек от природы порочен, и он непременно восстанет против тех, кто ищет справедливость. Что же предлагает автор? Цитата: «…имеются иные варианты, и среди них наиболее яркий – политическая система, выработанная два века назад составителями американской конституции. По словам одного из них, Александра Гамильтона, авторы этого документа не тешили себя мечтой «о совершенном обществе, созданном несовершенным человеком». Выдающиеся знатоки политических теорий своего времени, а вместе с тем толковые предприниматели и люди, успевшие отличиться на военном и общественном поприще, эти американцы XVIII века опирались на богатейший жизненный опыт и умели смотреть правде в глаза. …Они понимали, что не только благодетели, но и порочные страсти являются составной частью человека».

Кто бы возражал! Но за констатацией истины, известной с библейских времен, должны стоять направление, вешка, куда человек должен двигаться. Он стремится к благодетелям или пороку? Автор дает простой, но многозначащий для понимания западного мира ответ: необходимо создать такие «правила игры, в порядке которой люди, кто движимый добродетелью, а кто пороком, вступят друг с другом в соревнование».

Это не просто теория и не просто философия. Это – мировоззренческая установка и всего нынешнего англосаксонского мира. Трассирован путь, по которому должны двигаться страна, общество, человек. На этом пути нет места Нагорной проповеди, есть только рынок и конкуренция людей, которые когда-нибудь выявят победу одного из двух конкурентов.

И для апологетов социального дарвинизма не важно, кто победит – порок или добродетель. Будет так, как предначертано. Так что тот, кто мечтает о справедливости, кто что-то делает, чтобы приблизить ее век – или завистливый шарлатан, или плут и обманщик. В лучшем случае – бесплодный мечтатель. Отсюда следует вывод: социалистическая идея есть изобретение мечтателей, шарлатанов, плутов, и поэтому у нее нет права на существование. Тем более смешно говорить о каком-то реформировании.

28 июня 1993 года в Москве состоялся «круглый стол» «Возрождение России: концепции и реальность». Он был организован Российской академией наук и Американским университетом в Москве. Среди участников оказались, в частности, известные диссиденты Василий Аксенов, Владимир Буковский, Александр Зиновьев. Самым эпатажным, в какой-то мере неожиданным и одновременно «очень русским по форме и сути» оказалось выступление Александра Зиновьева, которого нынешние отечественные либералы, не говоря уже о русофобах, считают предателем. Приведу несколько выдержек из выступления Зиновьева.

Цитата. Я увидел Россию исторического предательства»

«Российская газета», 3 июля 1993 года.

«…Оказавшись на западе 15 лет назад, за эти годы я не изменился. Но произошла парадоксальная вещь. Из страны меня изгоняли с клеймом диссидента, антисоветчика, антикоммуниста. Сейчас, ни на йоту, не изменив собственных убеждений, я заполучил ярлык «красно-коричневого» ярого коммуниста.

…Социалистическое оболванивание – игрушки по сравнению с оболванивающей машиной Запада. На Западе оно изощреннее; попробуйте, посмейтесь над строем и идеологией! Я на демократическом Западе не имею возможности развивать свои идеи, так как они не соответствуют принятым там политическим и идеологическим установкам.

…То, что случилось с Россией, – результат ее разгрома в войне превосходящими силами противника. Речь идет о планетарном господстве, кто будет властелином мира.

…Отношения Россия – Запад я определил одной фразой: западнизация России, переходящей в режим колониальной демократии. То, что происходит с Россией, ничего общего не имеет ни с рынком, ни с демократией. Рыночная экономика Запада сегодня плановая и регулируемая. Нам усердно внушают: больше товаров – ниже цены. Этот закон действует только на блошином рынке. Я 15 лет живу на Западе и вижу: товаров все больше, а цены, тем не менее, растут.

…Россия никогда не станет страной западного типа. И дело не в исключительности России, как любят говорить, а в исключительности Запада.

…Хочу подчеркнуть: советская система была не хуже и не лучше западной, та и другая имели свои достоинства и недостатки. Разгромив советский строй, Запад пошел по раскритикованному им пути: усиления планирования, идеологической обработки, увеличения числа госслужащих. … Советский период был самым блистательным в российской истории. Одно из главных достоинств советской системы – ее огромные мобилизационные возможности, в обычной войне ее победить было невозможно. Поэтому и была развязана «холодная война»».

Годы «исторического предательства» Зиновьев напрямую связывает с Горбачевым и его реформами, как бы не замечая их,

не придавая им значения. Это распространенное свойство мыслителей – увлеченно распутывать парадоксальные явления, «играть» ими, сопоставлять варианты и в какой-то момент верить в то, что истина «в кармане». Невозможно поверить в то, что такая личность не заметила и не проанализировала процесс реформирования советской системы и на основе анализа не сделала выводы. Ведь реформирование советской системы шло на ее глазах и на глазах западных советологов и наших отечественных либералов, и шло такими темпами, которые поражали объективных исследователей.

Именно при Горбачеве было положено начало свободным демократическим выборам. Напомню, Съезд народных депутатов Союза ССР формировался двумя способами: одна половина депутатов избиралась (назначалась) по «сословному» признаку (200 депутатов от компартии, по сотне от комсомола и профсоюзов, по десять от творческих союзов). Например, Сахаров был избран академией наук, Полторанин – на съезде журналистов.

Но другая половина прошла через горнила выборов в одномандатных округах и завоевала мандаты в яростной и бескомпромиссной борьбе, и нередко их соперниками были секретари обкомов партии или их кандидаты.

Съезд отменил статью Конституции о руководящей роли компартии, что также свидетельствовало о готовности общества возвратиться к первоначальному устройству власти – советской. Конечно, требовалось время на совершенствование системы, чтобы наполнять ее новыми смыслами и содержанием, демократизировать настолько, насколько это соответствовало бы идеалам социал-демократии. К этому все и шло. Перспектива была ясна: многопартийная демократия, рыночная экономика со смешанной формой собственности (государственная и частная), подлинная федерация республик. Никто не был против регулируемой экономики, и даже такой противник Горбачева как Андрей Дмитриевич Сахаров призывал к конвергенции, то есть к вкраплению элементов капиталистической экономики в социалистическую. Он предлагал это делать, не поспешая, всякий раз учитывая конкретную ситуацию, отнюдь не революционными методами, не ломая экономику через колено.

За что Запад всегда критиковал СССР? Пороками системы считали официальную идеологию, авторитарную коммунистическую партию, партийную диктатуру во всем, что относится к политике, политическую полицию, псевдодемократические Советы, контроль партии над экономикой, унитаризм в управлении республиками из Москвы.

Но многое из того, что осуждалось Западом, было или уже исправлено, или активно реформировалось. И процесс перераспределения власти зашел уже так далеко, что об этом в 1990 году на Съезде партии заявил сам генсек: «Пришел конец монополии КПСС на власть и управление».

Дело дошло до признания возможного выхода из СССР стран Прибалтики. Поначалу они требовали полного хозрасчета, что, по их мнению, было бы шагом для будущего разрыва с большой страной. Мне запомнился эпизод на съезде, когда один из лидеров Литвы выступал с очередным требованием дать им свободу. Я написал записку Горбачеву и проследил, донесут ли ее адресату. Донесли. Горбачев трижды перечитывал записку, видимо, обдумывая предложение. А предложение было таким: давайте дадим им полный хозрасчет, но при этом и Госплан, и Госснаб в отношении с ними тоже перейдут на хозрасчет. Хотят металл, нефть, трактора – денежки на стол и непременно с предоплатой.

Горбачев миндальничал с этими людьми, остерегался там, где нужно было принимать резкие меры. Убежден: Прибалтика скоро бы утонула в этой свободе или испытала кессонную болезнь, которая, кстати, стала бы серьезным предупреждением и для других республик.

Успешный ход реформирования советской системы подтверждается и большими изменениями в других сферах. Теперь коммерциализацию и приватизацию советской экономики почти всегда связывают с именем Ельцина. Так и есть, если иметь в виду дикую приватизацию. Но на самом деле процесс разгосударствления начался во времена Горбачева. К 1990 году число частных предприятий (кооперативов) превышало 200 тысяч, в них было занято 5 миллионов человек, и они давали до 6 процентов валового национального дохода. Минуло почти три десятилетия, и какое состояние малого и среднего бизнеса в России сегодня?

Преобразования прерваны были российской властью и путчем (ГКЧП). Причем пальма первенства в этом принадлежит Ельцину. Вопрос о сохранении или замене советской системы в России возник месяца через два-три после выборов российского президента. На выборы в Верховный совет Ельцин шел с призывом «Вся власть – на места, в советы!» Правда, и тут он не вник в «мелочи»: «власть – на места» и «власть – советам» – не одно и то же. Первая часть призыва означала передачу значительной доли власти (полномочий, функций, финансовых ресурсов и т. д.) из центра в регионы. Учитывая специфику своих территорий и народов, проживающих на ней, власть на местах

могла бы выбрать и другую форму правления, не советскую. Вторая часть лозунга означала власть именно советскую и никакую другую, то есть выборность снизу доверху, устранение партийного диктата.

К средине 1992 года Ельцин не только забыл о своем лозунге и о том, что его самого люди избрали именно в советский орган власти, но и со свойственной ему решительностью перешел к наступлению на советы. Почему? Ответ однозначен: органы советской власти на местах не поддерживали то, как президент и его команда осуществляли экономическую реформу. Со стороны Ельцина это был исключительно унитарный подход: если не поддерживаете, значит, должны быть устранены. Последующие обоснования нереформируемости советской системы потребовались лишь для того, чтобы оправдать «слоновьи» действия российского президента, связать «реальный социализм» с советской системой власти, выставить их в виде нерасторжимых сиамских близнецов, якобы не способных существовать друг без друга. Между тем, требовалось лишь одно: освободить советы от диктата партии. Что, повторюсь, и делалось уже при Горбачеве. Освобожденные от гнета партийного контроля, советы превращались в самые демократичные в мире органы власти. Выборные снизу доверху, от сельсовета до Верховного совета. Разгон советов в регионах – еще одно, недооцененное, преступление президента Бориса Ельцина.

Между двух огней

Фактом является то, что президент большой страны Михаил Горбачев, начав коренную перестройку страны, оказался под перекрестным огнем. Давление на Горбачева со стороны партийной номенклатуры перемежалось с давлением на него радикальной части союзного парламента и, что особенно было болезненным, со стороны российского парламента, во главе которого стал Борис Ельцин. При этом суть расхождений Горбачева и Ельцина нередко искажалась то ли сознательно, то ли по неведению. В этом плане характерна статья в «Российской газете» от 23 марта 1991 года. Это – знаковая статья, в которой ее авторы доктор экономических наук Игорь Нит и член группы экспертов председателя Верховного совета России Михаил Делягин сделали попытку ответить на вопрос, что стоит за их противостоянием. В своих рассуждениях они оттолкнулись от заявления Горбачева, сделанного им на встрече с работниками тракторного завода в Минске: «Было бы все очень просто, – сказал он, отвечая на вопрос об отношениях с Ельциным, – если все сводилось бы к личным отношениям. Речь идет о двух политических линиях, о различных целях».

Каковы же эти, по мнению авторов, «политические линии» и «различные цели»?

Цитата. А выход есть, и не один

«Российская газета», 23 марта 1991 года.

«Ни Горбачев, ни Ельцин диктаторами не являются, и у них нет сегодня возможности стать таковыми – слишком обширны и независимы силы, стоящие за каждым из них. Что это за силы? Если говорить коротко, то за Горбачевым – старые союзные структуры. За Ельциным стоит широкое и многообразное демократическое движение, движение *всех*, кто не согласен больше на административную кабалу, кого десятилетиями … обирали распределяющие структуры. Эти *«все»* хотят сегодня распоряжаться плодами своего труда и полностью получать за свой труд.

Неизбежно ли столкновение двух противостоящих сил? Лобовое столкновение сил, стоящих за Горбачевым и Ельциным, означает не только гибель того самого Союза, за который так ратуют все, но и гибель страны, опасность для всего человечества. Поэтому каждый из нас, кто хочет выжить, вне зависимости от того, к «левым» или «правым» он себя причисляет, должен понять, что у нас нет иного выхода, кроме *сосуществования* противостоящих структур. К чему может привести такое сосуществование? Истрией этот вопрос решен однозначно: к неизбежной победе рынка.

Можно сказать только одно: старые союзные структуры, может быть, имеют еще силы, чтобы захватить власть, но их явно недостанет, чтобы ее удержать. Их власть основывалась на централизованном материально-техническом снабжении и полном контроле денежной системы страны. Сегодня этих составляющих, можно сказать, не существует. Денежная система разрушена усилиями самого центрального правительства. Централизованного материально-технического снабжения тоже практически нет. Доля ресурсов, распределяемых союзным правительством, мизерна и с каждым днем неумолимо убывает, ибо никто не хочет отдавать ему продукцию по ценам, которые назначает кто-то в административных дебрях, и за деньги, на которые ни предприятию, ни его работникам нельзя ничего купить. Полторы тысячи директоров крупнейших предприятий, бывшие опорой центра, приветствовавшие прожекты реанимации административной системы, отказались возвращаться в «патрулируемую» экономику.

Господствующей формой хозяйственных отношений в стране стал бартер – игнорирующий центр, идущий помимо него

натуральный обмен между производителями. В последнее время он все активнее поддерживается местными властями, спасающими с его помощью свое население от голода, заводы и фабрики от остановки, а себя – от социального взрыва».

Возможен ли компромисс между лидерами и между их силами? Да, возможен, ибо новая политическая сила рекрутируется как из «правых», так и из «левых» производителей. Центру не остается ничего другого, как попытаться привлечь на свою сторону хозяйственников и трудящихся. Но в таком случае Горбачеву и вообще всей старой системе придется принять реальность, а значит, принять рынок. Ельцин сделал решительные шаги навстречу производителям. Всем, находящимся под юрисдикцией России, дана хозяйственная свобода. Можешь работать сам по себе – скатертью дорога, с властями отношения простые: плати налоги и хозяйствуй на здоровье. Власть хозяйственнику отныне не помеха. А что же Горбачев? Либо он, делают вывод авторы, совершит второй в своей жизни подвиг переоценки ценностей и вторично уйдет от обреченных старых структур, либо упустит свой шанс удержаться на политической сцене.

Итак, авторы приведенной статьи пришли к выводу, что лидеры стоят на противоположных берегах, каждый со своей командой: у Ельцина демократы и рыночники, у Горбачева – старые структуры. Шанс удержаться на политической сцене у Горбачева один: покинуть обреченные структуры. Но он ведь давно их покинул! И дело вовсе не в якобы разных подходах к реформам. На этом этапе они у того и другого мало чем отличаются. Прячась за пустой, не заполненный содержанием «союз суверенных республик», Ельцин преследует иную цель. Послушаем его.

Цитата. Верю: Россия возродится

«Российская газета», 4 июня 1991 года.
Печатаются фрагменты.

«Важнейшим фактором сегодняшнего дня является утверждающееся в политическом сознании новое видение Союза. Союз суверенных государств – теперь уже не абстрактная цель. Мы движемся к нему, это уже реальный процесс. Его долгое время не хотели замечать, пытались затормозить, не останавливаясь даже перед угрозой распада страны. И немало преуспели в этом. Как же можно было не уважать волю республик, их народов, если 11 месяцев не могли даже произнести это словосочетание – «суверенитет республик»? …Единственно жизнеспособная форма совместного существования республик начинает признаваться. Правительство (российское. – *Авт.*) получает многочисленные просьбы о переходе под юрисдикцию России от предприятий союзного подчинения. Мы им говорим «Добро пожаловать», обеспечим свободу.

Не получается пока стабильного и плодотворного сотрудничества государственных структур России и Союза, России и других республик.

Мы своим решением будем 75 процентов валюты оставлять предприятиям.

Мы намерены в сжатые сроки, опираясь на поддержку республик, установить контроль за эмиссией денег.

Отстоять одноканальную систему налогов. Центр в этом оказывает сопротивление, сам хочет собирать налоги. Мы говорим: нет, все поступит в республику, а уж республика – расчётную! – передаст какую-то долю в союзную казну. Россия должна решать, куда и сколько отчислять из собственного бюджета. А то президент СССР хочет распоряжаться нефтью и газом. Он хочет, чтобы оборонные предприятия были подчинены союзному правительству. Мы против.

Закон о КГБ – реакционный. Мы будем готовить свой закон – о российской госбезопасности. Руководство РСФСР намерено подписать с министром обороны СССР Язёвым документ о функциях армии на территории России».

В этом выступлении даны все ответы на вопрос, чего на самом деле добивался президент России. Лишая государство права на сбор налогов, выводя из его юрисдикции предприятия, беря контроль над военно-промышленным комплексом, создавая свои органы безопасности, разрешая или не разрешая

министерству обороны размещать войска на территории России, распоряжаясь иностранной валютой, Россия действительно получала реальный суверенитет. Но при этом исчезало, испарялось другое, «чужое», фактически «вражеское» государство – СССР.

Эдипов комплекс

Михаил Сергеевич, утверждая, что его конфликт с Борисом Николаевичем не носит личного характера, по-моему, был не прав. Ельцин никогда не был демократом, и его поддержка реформ Горбачева носила чисто утилитарный характер. Он поддержал бы любые начинания и идеи генерального секретаря партии взамен на близость к нему. И хотя они одногодки, Ельцин относился к Горбачеву как к отцу. И страшно обиделся на Горбачева, когда тот удалил его из политики, как обижается сын на отвергнувшего его отца.

Отторжение случилось в бытность Ельцина на посту первого секретаря Московского горкома партии. Ельцина не успели еще сделать членом политбюро, но Лигачев и другие члены политбюро, собравшись обсудить обстановку в стране в отсутствие Горбачева (он был в отпуске), пригласили и Ельцина.

Разговор состоялся принципиальный. Нарастала тревога по поводу положения в государстве. Зашла речь и о судьбе Горбачева. И тогда Ельцин со свойственной ему категоричностью заявил, что не только не желает участвовать в закулисных разговорах, но и сообщит о них генсеку. Один из его помощников (фамилию по известным причинам не назову) направился на Черное море с запиской, написанной Ельциным от руки, в которой он информирует Горбачева о «тайной сходке».

Горбачев прилетел в Москву. Но соратники недоуменно пожимают плечами: да, собирались, да, обсуждали ход реформ, что же касается «заговора», то это выдумка психически неуравновешенного Бориса Николаевича. И вообще, назначение его на такой ответственный пост, каким является пост первого секретаря Московского горкома партии, видимо, ошибка. Он жестоко расправляется с кадрами, одного из секретарей райкомов Москвы довел до того, что тот покончил с собой. Принимает необдуманные решения. Навязчиво и нескромно афиширует себя. И так далее, и тому подобное.

Что делать Горбачеву? Поверить Ельцину – значит разогнать б***о***льшую часть политбюро. Сделать вид, что соратники тайных вечерей не устраивали, и понаблюдать за ними? Но в таком случае придется освободиться от информатора. Горбачев принимает второе решение.

Мне довелось быть на пленуме горкома партии, куда доставили Ельцина из больницы. Ходили слухи, будто врачи накачали его разными лекарствами. Он действительно чувствовал себя плохо, и выступление его оставило тягостное впечатление.

Да и кто чувствовал бы себя «в своей тарелке», когда с трибуны несся поток обвинений и несдерживаемой злобы, в том числе, и от тех, кто еще вчера славил своего шефа? Такая деталь: один из секретарей горкома после пленума сказал мне, что накануне подготовил два выступления на тот случай, если получит слово. В одном – поддержка Ельцина, в другом – осуждение. И, оказавшись на трибуне, вспотел: забыл, в каком кармане какое выступление. Из меня, рассказывал, ручьем потек пот. Однако посчастливилось: вынул «правильную» речь, с осуждением. Он, рассказывая об этом, не понимал, какую мерзость только что совершил, не отдавал отчета, какая это стыдоба.

Выходя из зала, участники пленума злорадствовали, смеялись, поздравляли друг друга. И только Горбачев участливо поддерживал за локоть Ельцина, который, пошатываясь, уходил со сцены. Со сцены, как тогда казалось, и в буквальном, и в переносном смысле.

Вскоре Ельцин получил назначение в Госстрой в качестве заместителя председателя комитета, но в ранге министра. Лев Суханов, его бессменный и верный помощник, как-то рассказал о первом рабочем дне Ельцина в новой должности: зайдя в кабинет, Ельцин в ярости начал колотить кулачищами о стены. Жизнь, казалось ему, закончилась, ничего невозможно возвратить, он выброшен, подобно рыбе на берег, и отныне обречен на вторые-третьи роли. Роли не для него, не для человека, познавшего, что значит быть первым. Он ведь не только в жизни, но и на волейбольной площадке любил играть у сетки, требовал, чтобы ему давали подачу, и с выдохом, с победным криком резал, резал, пробивая блок… И зрители ахали: так их, Борис!..

И вдруг эта знаменитая, ставшая афоризмом, фраза: «Ты не прав, Борис». Да, все кончилось. В перспективе только скамья для запасников, откуда никогда не удастся выйти на игровое поле. И можно предположить, что творилось в это время в сердце крайне самолюбивого человека, какие бури страсти бушевали в нем, и какие представления о мести бродили в воспаленном мозгу.

Мне теперь кажется, что Горбачев недооценил энергию и мощь личной неприязни к себе со стороны обиженного «сына». Обратись в свое время к помощи и советам психологов, Горбачев, возможно, принял бы более решительные меры к устранению Ельцина с политического небосклона. И мы имели бы другую историю.

Литва как фактор раздора

Поводов для углубления конфликта центральной власти с властями республик хватало, и большинство их провоцировали власти республиканские. Прежде всего республики Прибалтики и Россия. О первых говорить – бумагу переводить. Они решительно были настроены воспользоваться обстановкой в стране под именем СССР и выйти из ее состава. Это их стремление стало восприниматься логичным и если и не оправданным, то объяснимым. Прибалтика, считали в Москве, – отрезанный ломоть.

Шли прибалтийские республики к цели шажками, выдвигая все новые и новые требования на съездах народных депутатов СССР. Часто обращались за поддержкой к Межрегиональной депутатской группе, прежде всего к активному их стороннику Юрию Афанасьеву. Но когда с аналогичной просьбой поддержки к ним обращалась МДГ, отвечали: это ваше внутреннее дело, то есть дело страны, к которой (подчеркивали) они не имеют никакого отношения. Всегда выбирали укромные уголки для внутренних совещаний, а если вдруг кто-нибудь из посторонних оказывался в радиусе возможностей человеческого уха, умолкали и ждали, когда тот удалится на безопасное расстояние.

Их поведение и отношение свысока к коллегам из других республик (особенным высокомерием отличался Ландсбергис из Литвы) вызывали ответную реакцию со стороны депутатов из российских регионов. И тем неожиданнее оказалась активность Бориса Ельцина, проявленная им (уже в качестве председателя Верховного совета России) во время январских (1991 г.) событий в Литве.

7 января 1991 года правительство Литвы, объявившее союзную республику суверенным государством, в 3,2 раза повысило цены на продукты питания. Кремль к этому никакого отношения, во всяком случае прямого, не имел. На предприятиях Вильнюса прошли краткосрочные забастовки. 8 января состоялся митинг трудящихся, на котором его участники потребовали отмены повышения цен, отставки литовского правительства и выразили недоверие парламенту республики. Некоторые участники митинга попытались ворваться в здание парламента. Охрана использовала пожарные брандспойты. Правительство Казимиры Прунскене ушло в отставку, ЦК компартии республики объявил о создании комитета национального спасения. Горбачев предложил властям республики (предложил!) отменить ранее принятые в Литве антиконституционные акты, восстановить в

полном объеме действия Конституции СССР и Конституции Литвы. На что председатель парламента Ландсбергис высокомерно заявил, что Горбачев вмешивается в дела суверенного государства.

И тут в Таллинн прибывает …Борис Ельцин. Казалось бы, чего председателю Верховного совета России делать в суверенной Литве? Пусть разбирается руководство Союза с бывшей своей республикой. Повод придумали такой: в Литве служат ребята из России, их надо защитить, предупредить, чтобы они вели себя разумно и не исполняли «преступных» приказов советских командиров.

А на самом деле вмешательство Ельцина не в свои дела вызвано желанием уесть Горбачева, воспользоваться случаем и ускорить центробежные силы для развала страны. Ибо только таким образом можно освободиться от Горбачева. Вместе с председателями парламентов прибалтийских республик Ельцин подписывает совместное заявление о дружбе, взаимной поддержке, они обращаются к … генеральному секретарю ООН (ну, можно что-то провокационнее придумать?!) с просьбой созвать международную конференцию по урегулированию «балтийского вопроса».

Действия Ельцина получают широкую поддержку в российской демократической среде. 18 января 1991 года «Российская газета» публикует «Обращение ста шестнадцати», в котором авторы в истеричном запале пишут: «Сограждане! Мы, люди науки и культуры, обращаемся ко всем, кто нас знает, читает, слушает, смотрит. Все мы хотели дожить до нормальной человеческой жизни. Уверенности не было ни у кого, но, по крайней мере, были надежды. Они рухнули. Перестройка, начатая в Москве в апреле 1985 года, расстреляна в Вильнюсе в ночь на 23 января. …Преступление не получило осуждения со стороны Президента и Верховного совета СССР. Переворот уже начался, … нас ждут лагеря, репрессии, страх, голод, разруха».

Люди, в стране действительно известные и почитаемые, взывают к согражданам: «Поддержите законные парламенты и правительства республик, избранные народом. Они беззащитны. У них нет ни армии, ни КГБ».

Но как же нет ни армии, ни КГБ? Есть все, только с другими названиями. Создан департамент по охране края. Есть департамент государственной безопасности. Есть их структурные подразделения в районах республики. И все это создано с нарушениями действующих конституций СССР и Литовской республики. Среди авторов обращения: Ю.Афанасьев, А.Битов, А.Вакберг, А. Гельман, З. Гердт, А. Герман, С. Говорухин, Г.

Данелия, А.Емельянов, В. Ерофеев, Ф. Искандер, Г. Каспаров, К. Лавров, В. Лукин, Ю. Никулин, О. Попцов, Ю. Рост, Ю. Рыжов, Э.Рязанов, А. Сокуров, М. Ульянов, Л. Федосеева-Шукшина, К. Церетели, Р. Щедрин, Г. Чухрай. В другом обращении, уже непосредственно к Ельцину, не менее известные люди взывают: надежда лишь на вас, Борис Николаевич, спасите народы Прибалтики от армии и Горбачева. Понимали ли тогда эти известные люди, на какую мельницу льют воду?

Истерия продолжалась ровно столько, сколько потребовалось на то, чтобы собрать и бросить в огонь очередную охапку хвороста. Комиссию Совета Федерации и сотрудников союзной прокуратуры в Литве не допустили к «жертвам ВДВ». Врач вильнюсской городской больницы Гуобужас, отказав во встрече с ранеными, сослался на запрет литовского прокурора. Прокуратура Литвы засекретила пули, извлеченные из тел жертв. Кто стрелял: ВДВ, литовский департамент? В Литве не стали разбираться с этим. В общем, случилось то же самое, что случилось позднее на украинском майдане… Схемы провокаций примерно одинаковы.

В середине января 1991 года начала работу досрочно созванная III сессия Верховного совета России. Ее созыв вызван все теми же событиями в Литве. Дав сокрушительную оценку «действиям армии и бездействию президента Михаила Горбачева», председатель Верховного совета России Борис Ельцин приступил к обоснованию причин устранения центральной власти.

Цитата. Заявление Бориса Ельцина

«Российская газета», 22 января, 1991 г.
Печатаются фрагменты.

«Резко обострилась ситуация в прибалтийских республиках, особенно в Литве. Под видом исправления некоторых ошибок молодых демократий (речь идет об особом, мягко скажем, отношении в республике к русским. – *Авт.),* и вообще в отношении к некоренному населению, началось фактическое свержение конституционных органов, заменить которые стремятся так называемые комитеты спасения. …Считаю, что ошибкой была медлительность заключения договоров с республиками Прибалтики.

Развитие событий показывает, что происходит поворот в политическом курсе союзного руководства. До последнего времени вели одновременно как бы два параллельных политических курса. С одной стороны, пытались осуществить реформы …со скрипом, но выходили на диалог с суверенными республиками. Но наряду с этим существовала совершенно другая линия – линия на защиту старой политической системы, сохранения ее решающей роли в сохранении унитарного Союза. Оба эти курса одновременно проводились одним руководством, одним лидером.

Практика уже показала, что центру удается достичь успеха только в том случае, если республики будут разобщены. Если же республики сумеют найти общую согласованную линию политического поведения, такие попытки будут сорваны.

Что для этого требуется? Первое. Максимально усилить работу по укреплению и развитию межреспубликанских отношений, по координации нашей политики во всех областях. Второе. Стабилизироватья внутреннее положение в республике, и прежде всего ее экономическое положение (кто бы с этим спорил! – *Авт.)*. Предстоит найти механизм привлечения на свою сторону трудовых коллективов предприятий, расположенных на территории России. …Нужен особый нормативный акт, регулирующий порядок перехода союзных предприятий в подчинение РСФСР. Третье. Нашей важнейшей задачей является укрепление системы власти в России. Мы должны уделить особое внимание оживлению связей с местными советами.

Недопустимо, чтобы Россия и другие республики были полностью отстранены от контроля деятельности армии. Следует активизировать начатую работу по разделению союзной и

республиканской собственности».

Здесь что ни совет, что ни предложение, как именно следует действовать в условиях ослабевавшего на глазах государства, то провокационный призыв ослаблять центральную власть, окончательно вывести ее из числа участников преобразований и реформ. Некоторые аналитики в свое время объясняли такие действия влиянием зарубежных сил. Обсуждались теории заговора, намекали на происки «мирового правительства». Но может быть, не стоит искать крокодила в лесах Подмосковья? Куда как вернее представить себе человека, волею случая оказавшегося на властном Олимпе, и при этом озабоченного одной идеей – идеей власти!

Хроника. Все против всех

«Российская газета», ноябрь 1990 – апрель 1991 года.

Печатается открытое письмо Горбачеву о нецелесообразности проведения парада на Красной площади. Среди подписантов – народные депутаты России С.Шеболдаев, В. Травников, Е.Лахова, С.Друганов, В. Шинкарецкий, Г. Якунин, В.Новиков, Ю. Лучинский.

2 декабря состоялся съезд Демократической партии России. В нем участвовали 699 делегатов из двенадцати республиканских, шести краевых и сорока областных организаций партии. ДПР, сказано в докладе ее лидера Николая Травкина, – организация антикоммунистической направленности, выступает «против античеловечности КПСС». Одна из целей партии – борьба за конституционное «свержение власти партийного аппарата КПСС», за восстановление российского самостоятельного демократического государства, «деидеологизацию науки и культуры».

3 декабря, в шестой день работы внеочередного Съезда народных депутатов России, принято постановление Съезда о программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса. Съезд провозгласил многообразие и равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной и коллективно-долевой форм собственности.

Полет двуглавого орла Российской империи, прерванный 73 года назад, вполне может продолжиться, сообщает наш корреспондент. «Птица» станет одним из вариантов, который может сменить привычные глазу серп и молот.

9 января 1991 года в Москве прошел митинг, на котором учителя призвали своих коллег к однодневной предупредительной забастовке. Если решение о забастовке поддержат не менее 60 процентов школ города, то она состоится 25 февраля. Председатель стачечного комитета, учитель географии московской 546-й школы Л. Перлова: «Все учителя придут в школу. Закроют двери изнутри. Естественно, учеников и родителей предупредим об этом заранее». Требования: повышение максимальной ставки до среднемесячной зарплаты служащих в материальной сфере, снижение учебной нагрузки до 12 часов, увеличение вдвое зарплаты директорам школ и их заместителям, снижение пенсионного возраста до 50 лет (женщины) и 55 лет (мужчины).

Союз кинематографистов выступил против Центрального телевидения в связи с тем, что ЦТ не допустил председателя Верховного совета РСФСР Бориса Ельцина в эфир. К ним прильнул новый союз писателей («Апрель») – Е. Евтушенко, В.Коротич, А. Приставкин, Ю.Черниченко.

Создан российский корпус спасателей, прообраз нынешнего МЧС.

7 марта «Российская газета» публикует закон «О референдуме в РСФСР». 17 марта проведен референдум о сохранении СССР. Большинство избирателей страны проголосовало «за».

23 марта Борис Ельцин на встрече с рабочими Кировского завода призвал «жить по российским законам».

26 марта: Кузбасс продолжает бастовать. 5 апреля: с прилавков исчезла обувь, одежда, фарфор, меха.

7 апреля: опубликован закон о Президенте РСФСР.

17 апреля: «За чертой бедности – половина страны».

Рывок к вершине

В феврале 1991 года Борис Ельцин получил от собственного Верховного совета первый удар, который должен был его по крайней мере насторожить. Как известно, он не без осложнений прошел этап выборов на пост председателя Верховного совета и, конечно, понимал, что российский парламент неоднороден, и на единодушную поддержку не мог рассчитывать.

Как обычно ведут себя в таких случаях зрелые политики? Они стараются не делать опрометчивых шагов, не отходя при этом от основополагающих собственных принципов. Ельцин – не из той породы. Многие депутаты критически относились прежде всего к его постоянным придиркам к центру, вражде с Горбачевым. Они обоснованно считали, что такое поведение российского лидера не просто вредит делу, но и опасно для государства.

Ельцин находился, кажется, в Калининграде, когда шестеро руководителей Верховного совета (два заместителя, два председателя палат и их заместители) потребовали на заседании президиума Верховного совета срочно созвать Съезд с одной-единственной повесткой: «О председателе Верховного совета и необходимости его переизбрания». Помимо беспокойства по поводу сложившихся отношений с центром ему вменялись в вину бездумные вмешательства в международные отношения (имелось в виду прежде всего его поведение во время событий в Литве), неприемлемые предложения в области обороны и строения вооруженных сил, хаотичная экономическая политика.

Тогда его спас Хасбулатов, который разными способами и приемами затянул принятие решение о сроке созыва Съезда. Дискуссия о Ельцине продолжалась в течение шести часов, выступили десятки народных депутатов, и девять из каждого десятка выступивших требовали отставки председателя. Ельцин, находясь далеко от схватки, постоянно звонил Хасбулатову, интересуясь ходом обсуждения его судьбы. Наверное, он сообразил, что его присутствие на президиуме еще более ожесточило бы народных депутатов. И задерживался в Калининграде.

«Российская газета» в то время активно поддерживала Бориса Ельцина, подвергала осмеянию «шестерку» (так в некоторых СМИ обозвали группу депутатов, выступивших за отстранение Ельцина с поста председателя Верховного совета). Осуждала не суть их требований и обвинений, а то, каким образом они были обставлены. Все, впрочем, обошлось. Звезда, выведшая Ельцина на орбиту, не оставила его и на этот раз.

Между тем не утихала дискуссия и об институте президентства в России. За два дня до референдума о сохранении СССР «Российская газета» публикует статью Валерия Зорькина, тогда руководителя экспертной группы Конституционной комиссии РСФСР, доктора юридических наук.

Цитата. Президент – для суверенной России

«Российская газета», 15 марта, 1991 год.
Автор – Валерий Зорькин. Печатаются фрагменты.

«События последних месяцев подтверждают настоятельную необходимость введения должности президента РСФСР. С президентством народ связывает надежду создать сильную исполнительную власть и с ее помощью мирным путем выйти из кризиса, осуществить наконец-то экономические преобразования, обеспечить правопорядок и законность, дисциплину и ответственность».

«Президент необходим в условиях, когда перед Россией встала задача сохранить свое единство и в то же время преодолеть диктатуру имперско-тоталитарного центра, погрузившего страну в нищету, хаос и развал. *Иначе невозможно заложить основы нового, действительно равноправного Содружества суверенных государств* во имя прав человека, гражданского мира и всеобщего благополучия».

«В своем нынешнем виде структуры российской власти не способны выполнять …задачи. Налицо кризис прежде всего исполнительной власти. Без дееспособного исполнителя будут мертвы и законы, какими бы хорошими они ни были».

«Высшая исполнительная власть РСФСР блокирована со всех сторон: «сверху» – со стороны Президента СССР; по горизонтали – со стороны деструктивной позиции тех депутатов, которые являются противниками освободительных реформ; снизу – со стороны антинародных партократических диктатур на местах. Поскольку ощутимого изменения в расстановке парламентских сил в России в ближайшее время не предвидится, постольку остается единственный шанс преодолеть кризис власти и выйти на реальные реформы, а именно: учредить должность Президента РСФСР».

Валерий Зорькин приводит и оспаривает мнение своих коллег, высказанное ими в «Советской России» 13 марта 1991 года:

«Учреждение в системе государственных органов РСФСР поста президента, – пишет "Советская Россия", – создает реальные условия для сосредоточения огромной власти в руках одного человека. В результате политику самой крупной по территории и населению республики, входящей в Союз ССР, будет определять

не ее высший представительный орган, а один человек. Таким образом, предполагаемое учреждение поста президента в РСФСР будет способствовать не укреплению Союза ССР, а его разрушению».

Полемизируя с коллегами, Зорькин возражает:

«Рассуждениями о грядущей диктатуре президента РСФСР авторы статьи …пытаются ввести в заблуждение рядовых граждан, чтобы помешать им сделать правильный вывод. Под их бойким пером президент, строго подчиненный законам правого государства и ограниченный в своих полномочиях исполнением воли законодателя, превращается в олицетворение диктатуры. … Должность президента РСФСР должна органически войти в систему разделения властей – законодательной, исполнительной, судебной. Без разделения властей наступает деспотизм».

«России нужна президентская власть – сильная, эффективная, но, в то же время, строго подчиненная праву и закону. … Президент должен не только быть символом единства государства, но и осуществлять общее руководство правительством, исполнительной властью в целом. Избираемый непосредственно народом, президент в таком случае относительно, в определенной степени, независим от парламента и имеет достаточно полномочий, необходимых для жизнеспособности правительства. В то же время Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР будут иметь действенные рычаги контроля над президентом и правительством. Во-первых, президент ни при каких обстоятельствах не может осуществлять законодательную власть, его действия должны иметь строго подзаконный характер. Во-вторых, Верховному совету принадлежит исключительное право принятие бюджета. Парламент непосредственно и через комитеты осуществляет контроль исполнения законов и бюджета. В-третьих, правительство формируется президентом при условии одобрения и согласия Верховного совета. Наконец, в исключительных случаях (при нарушении Конституции и законов РСФСР) президент может быть смещен законодателем в результате импичмента».

Все логично, но гладко было на бумаге…

За день до выборов президента России «Российская газета» публикует статью писателя Даниила Гранина. Статья поступила к нам «из вторых рук». Писатель прислал ее в «Известия». Кто-то из «Известий» позвонил мне, сказал, что они публиковать эссе писателя не решились. Я поинтересовался, знает ли об этой ситуации автор. Знает, был ответ.

Перечитываешь статью сегодня, и воскресают в памяти

сомнения и колебания, которые испытывали не только думающие люди, по роду своих занятий обязанные анализировать события и поступки, но и все остальные, которых называют «простыми».

Цитата. Почему Ельцин? Он побывал на том берегу

«Российская газета», 11 июня 1991 года.
Автор – Даниил Гранин. Печатаются фрагменты.

Ельцин «действительно воспитан коммунистической партией, он входил в номенклатурную систему, его можно, если угодно, называть продуктом этой системы. Он проделал типичный путь партийного функционера, такой же, как проделали Горбачев и Лигачев, а до них предыдущие наши вожди. И когда их всех, нынешних, упрекают в одном происхождении от одной правящей нашей партии, то это справедливо. Но из всех наших партийных олигархов только несколько решились выйти на Сенатскую площадь, подобно декабристам, восставшим против своего класса. …Критика Ельцина затрагивала личность генсека, что было в ту пору святотатством. И тогда его, Ельцина, выдворили. Началась самая пошлая, постыдная расправа за критику, а так как объект не желал смириться, то меры все ожесточались. И в итоге Ельцин оказался на том берегу. …Вот с чего началось отличие Ельцина от Горбачева и других – он побывал на том берегу».

«Что привлекает людей к Ельцину? Прежде всего ощущение того, что вот, наконец, появился человек, который говорит правду, который знает, чего он хочет, знает, что ему надо делать. Он вышел из партии. Он выступил против увядших, опустевших понятий социализма, социалистического выбора. Он выступал за частную собственность. Он последовательно, решительно проводил свою линию за возвращение земли крестьянам в их полную собственность».

«Разумеется, в нем хватает губернаторских привычек. Есть и обкомовское самовластие, излишняя поспешность. Он, может, и проигрывает в культуре, но выигрывает в надежности и решительности».

«Политика всегда дело нечистое. Она марает любого. И Ельцину тоже приходится маневрировать, чем-то поступаться. Однако при этом он не боится света. Недостатки Ельцина отличаются тем, что они известны. В этом тоже, если угодно, его преимущество. …Конечно, мы травмированы разочарованиями. Слишком часто они настигали нас. Печальный опыт удручает: а вдруг и тут мы ошибаемся, кто знает…Никто не знает, никто не может поручиться».

Выборы состоялись 12 июня 1991 года. За Бориса Ельцина

проголосовали 45 552 041 избиратель, против – 32 229 442. У Николая Рыжкова – 16,35 процента; у Владимира Жириновского – 7,81; у Амангельды Тулеева – 6,81;.у Альберта Макашова – 3,74; у Вадима Бакатина – 3,42 процента.

В чем дело, почему у многих людей, которые искренне, с болью выстрадали взгляды на страну и советское общество, пришли в результате глубоких раздумий к выводу, что и в стране, и в обществе требуются значительные перемены, что замысел Горбачева и его команды натыкается на непредвиденные преграды и буксует, что, скорее всего, требуются более решительные, радикальные меры, которые предлагает Ельцин, почему в нем, Ельцине, тем не менее, сомневаются, почему многие к нему настороже? Партийная номенклатура, «красные» директора – понятно почему. Но ведь с опаской поглядывают и демократы, интеллигенция, ученые, экономисты. Ответ очевиден: основная причина – личные качества Ельцина.

Персона. Борис Ельцин: одна, но пламенная страсть – власть!

Как-то я наткнулся на глубокую характеристику одной личности, имя которой назову позднее. Итак, «…из всех усилий ума и воображения (он) вынес только простую, голую идею власти без практических выводов, каких требует всякая идея. Теория осталась не разработанной в государственный порядок, в политическую программу. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, он упустил из виду практические задачи и потребности государственной жизни… Без этой практической разработки его возвышенная теория верховной власти превратилась в орудие личной злости, безотчетного произвола».

Конечно, каждое сравнение хромает, однако многое становится и понятным, когда прибегаешь к историческим параллелям. Ведь именно Грозный, пишет историк Василий Ключевский (а речь идет о нем), впервые в России (1550 год) созывает Земский собор (аналог съезда народных депутатов. – А*авт.)*. Ключевский: «Он (Собор) задумывался как орган в составе управления землей русской, царь же в системе нового управления из удельного вотчинника вырастал в царя земского. Величайшая государственная идея, воплощение которой сократило бы путь России к демократии на сотни лет, попорчена была только потому, что Грозный не ужился со своими советниками. Последовало преследование боярства, а конец царствования завершился тем, что были поколеблены все основания государственного порядка. А ведь и талантлив был, и начитан, и богобоязнен. Но и порочен был в самом общественно опасном для правителя направлении: в чрезмерной страсти к власти».

Ельцин образца 1987 и поздний Ельцин мало что имеют общего. Кажется, это два разных человека. Помню, на встрече с московскими пропагандистами, которая продолжалась более четырех часов без перерыва, Борис Николаевич буквально обворожил публику. Он раскованно и рискованно отвечал на десятки столь же рискованных вопросов, сыпал на память десятками цифр (в газетных отчетах мы проверяли их, и не было случая, чтобы он ошибся), шутил. В отличие от застегнутых на все пуговицы партийных бонз, Ельцин оставлял впечатление доступного человека, этакого рубахи-парня, которому все нипочем.

Мне кажется, психологическую сущность Ельцина резко поменяли события, связанные с его скандальной отставкой. Да и здоровье его пошатнулось именно тогда. События эти хорошо известны, и я их не стану касаться.

Лично я начал пересматривать свое отношение к Ельцину в начале 1992 года. Хотя некоторые его поступки и действия настораживали и раньше. Один из моментов особенно запомнился. Ельцин, будучи еще первым секретарем МГК, любил выходить «в народ». Это многим нравилось. И вот однажды он поехал со свитой в Севастопольский район Москвы, чтобы посмотреть «хрущобы». Ельцин не ограничился внешним осмотром. Собравшиеся жители этих домов жаловались на то, что подвалы затоплены, на вонь, комарье и грязь. И строитель Ельцин решил убедиться в справедливости жалоб. Решительно шагнул в подтопленный подвал и по воде зашагал вглубь. Свита растерялась: кто штаны начал закатывать, кто туфли снимать. По ржавым трубам кинулись прочь испуганные визитом знатного визиря крысы.

Редактор «Московской правды» Михаил Полторанин, рассказавший мне об этом, морщил лоб: это надо «прописать», терзался он, тщательно «прописать». «Прописать» в данном случае означало следующее: так написать, чтобы все москвичи ахнули от простоты и народности секретаря горкома. А я наивно спросил: «А зачем он в грязь эту полез, он же строитель, прораб. Он, что, ржавые трубы не видел, не мог догадаться, почему подвал залило водой?».

По-моему, сюжет этот так и остался не освещенным. Видно, не нашлось таких трепетных слов, которые способны были бы передать весь пафос нерасторжимой связи партийного секретаря с народом.

Ельцин лепил из себя образ народного защитника, простого мужика, который ничем не отличается от тебя, меня. Лепил ли сознательно, с умыслом, не знаю. Но ему это нравилось, что было заметно.

Ныне среднее и старшее поколение не может не помнить ту поддержку, которое люди оказывали ему. Царила эйфория, женщины бальзаковского возраста на Васильевском спуске, где Ельцин окончательно противопоставил себя парламенту, губами припадали к полам его плаща. Восторг, ликование, умиление экзальтированной толпы питали героя, поднимали его дух.

Вообще, Борис Николаевич имел такое свойство характера, которое присуще человеку, легко впадающему в уныние и тревогу, как и неожиданно приобретающему уверенность и внутреннюю силу. После отставки, когда был повержен и

находился в унынии и хандре, он буквально восстал из пепла в момент выборов народных депутатов СССР. Болезнь и пессимизм отступили, он вновь обрел энергию, силу. Москвичи увидели прежнего Ельцина – улыбчивого, сильного, готового низвергнуть нерешительного и сомневающегося Горбачева. Но после выборов он вновь затосковал: роль рядового депутата его не устраивала, а никакой должности власть не предлагала. Хорошо еще, что омский депутат Казанник «подарил» свое членство в Совете национальностей, и Борис Николаевич получил возможность не ходить на унизительную работу в Госстрой. Тогда все его соратники подыскивали ему должность. Пошел разговор и о том, что «светит» пост председателя народного контроля. Я как-то спросил его, правда ли это? Он захохотал: «Ну, я из них тогда все кишки вытащу!».

Было еще несколько эпизодов, свидетелем которых я был, и в которых Ельцин проявил себя человеком, чрезвычайно зависимым от настроения и обстоятельств. Вот один из них…

Осенью 1989 года ему организовали поездку в США. Там он встречался с разными аудиториями, в том числе со студентами. За день до возвращения на родину «Правда» перепечатала статью из итальянской газеты «Республика», в которой описывалось состояние Ельцина на встрече со студентами: невнятная речь, странные заявления, глупые шутки-прибаутки. Из содержания статьи стало видно, что Борис Николаевич пребывал в большом подпитии…

Разразился скандал. В обществе возникло подозрение, что публикация – не что иное, как «подстава», злой умысел, стремление партноменклатуры опорочить народного депутата и борца за справедливость. Тогда Центральное телевидение воспроизвело «картинки» его выступления перед студентами, в которых отчетливо слышался голос изрядно выпившего человека. Но и после этого нашлась защита: все, дескать, придумали враги, все показанное – монтаж.

В Россию Ельцин возвратился в подавленном настроении. Он не знал, как выпутаться из этой истории. Зато соратники и сторонники не унывали, потому что искренне верили: все сказанное и показанное – провокация.

После его возвращения в клубе «Высотник» в Раменском была организована встреча избирателей с Ельциным. На нее помимо Бориса Николаевича пригласили Михаила Полторанина, главного редактора «Правды» Виктора Афанасьева и меня. Афанасьев не пришел (и правильно сделал – разорвали бы на месте). Ельцин не комментировал обвинения газеты и ТВ, лишь ссылался на то, что поездка была насыщенной, график встреч чрезвычайно

напряженным, спать удавалось по три-четыре часа в сутки, сказывались и ранние утренние перелеты из города в город…

Позднее помощник Ельцина Лев Суханов, сопровождавший его в поездке, рассказал мне, что предшествовало той злополучной встрече. Накануне они были заняты до позднего вечера, а возвратившись в гостиницу, «отметили» удачную беседу то ли с бизнесменами, то ли профессурой. А в пять утра нужно было быть в аэропорту и лететь в студенческий городок. Конечно, вечером выпили. Конечно, Борис Николаевич, находясь в приподнятом настроении, не ограничивал себя. А утром, рассказывал Лев Суханов, Бориса Николаевича невозможно было разбудить. И только после дюжины чашек крепкого кофе он, наконец, стал транспортабелен. За трибуной в университете Ельцин находился в состоянии человека, который так и не проснулся. Вот его и повело…

Горячая, восторженная встреча Ельцина в «Высотнике» подняла ему настроение. Он словно принял из матери-земли живительные соки. В глазах загорелся огонь, скулы порозовели. Мы с Полтораниным постарались уехать из клуба, окруженного тысячами людей, пораньше, ибо опасались, что на выходе из здания Ельцин будет атакован поклонниками и поклонницами, и нам просто не удастся выйти из толпы. Это было в пятницу 29 сентября часов в восемь вечера. Весь салон и багажник нашей машины был завален цветами, в основном гладиолусами. Можно себе представить, сколько их было в машине Ельцина.

А в понедельник, 2 октября, на Съезде народных депутатов СССР около микрофонов выстроилась очередь: выступавшие требовали от властей и МВД объяснений по поводу …покушения на жизнь Бориса Ельцина. Сам он отмалчивался, ограничивался лишь намеком, что его, дескать, сбросили с моста в реку. Кто, как? Он этого не знает, потому что злодеи надели на его голову мешок. Министр внутренних дел Вадим Бакатин, краснея и бледнея, что-то мямлил депутатам о невыясненных пока обстоятельствах, о букете цветов, обнаруженном на пороге одной из дач. Министру явно неловко было выступать в качестве сплетника, не мужское это дело, однако деваться, видимо, было некуда – заставили.

Но не мог же он сказать о том, что крепко выпивший Борис Николаевич приехал поздравить с днем рождения известного земляка. И букет, оказавшийся при входе на дачу, был предназначен отнюдь не женщине, а имениннику. Однако именинник его не ждал. Тем более в таком непотребном виде. И охрана вынуждена была «охладить» неожиданного гостя, после чего доставить в дежурную комнату, откуда его вывезла на

частной машине супруга. Министр не мог всего этого сказать и потому, что не хотел втягивать в скандал премьер-министра страны Николая Ивановича Рыжкова (родился 28 сентября).

По поводу этого приключения написаны горы заметок, а объяснение простое: после встречи в «Высотнике» Ельцин в сопровождении всего того же Льва Суханова поехал поздравить земляка, а заодно и поинтересоваться планами и настроением Горбачева в связи с его чудесами в Америке. На полдороге, съехав на обочину, в лесок, приказал остановиться: душа горит, ликует! Выставили на капот одну, другую… Закусывать он не любил… Машину на охраняемый объект не пропустили, пошел пешком. В списке приглашенных не значился. Премьер-министру принимать незваного гостя, учитывая его отношения с Горбачевым и физическое состояние, было не с руки. А может быть, именинника о визите Ельцина просто не проинформировали.

Эти взлеты и падения душевного состояния Ельцина имели бы малое значения, если бы они касались бытового поведения простого гражданина. Кому-то они могли показаться даже привлекательными: такой разухабистый мужик! Беда в нашем случае в том, что стиль поведения лидера, его неустойчивый и взбалмошный характер распространился, в силу его общественного положения, на государственную сферу, где допустимые в быту поступки трансформировались в государственные решения, вылились в грубые наскоки на политических противников: сначала в метафорической форме («артподготовка»), а затем и в реальный расстрел избранной народом власти. Мы, в общем-то, стали свидетелями (а иные и участниками) того, как в случаях экзальтации масса людей может вести себя безответственно и неразумно, избирая себе соответствующего ей кумира.

В последующих главах много будет сказано о противостоянии Ельцина и российского парламента, его причинах, приведены факты, свидетельствующие о неуемной страсти Бориса Ельцина к власти. Теперь же, предваряя их, задаю себе вопрос: а может, всеми действиями и поступками Бориса Николаевича руководила не голая страсть к власти, а искреннее желание (как он и утверждал) сделать Россию процветающей и счастливой страной? Почему этого не допустить? Да, в процессе реформ допущены чудовищные ошибки, многое пошло не так (что он перед отставкой признал), но у кого не бывает ошибок в таком деле?

Для характеристики личности важно знать, что ею двигало, какая окончательная цель, какие желания превалировали. Увы, подавляющее число поступков, решений, действий, вообще вся деятельность Бориса Ельцина свидетельствует о том, что

приобретение власти значилось у него на первом месте. Вот довод: всей полноты власти он достиг после обманных выборов в 1996 году. И тут же выронил ее без особого сожаления. Не только потому, как считают многие, что ослаб физически, а и потому, что достиг того, к чему стремился – вершины. На ней он, нет, не осознал, а интуитивно догадался, что дело его жизни завершено. Забыты уверения в том, что власть нужна для того, чтобы сделать Россию процветающей. Получив ее в полном объеме, получив все возможности для достижения продекларированной цели, он тут же забыл о ней. Впрочем, не забыл – он никогда не ставил эту цель перед собой.

Говорят, в политике много грязи. Это правда. В туфлях в ней не ходят, требуются калоши, а если следовать советам Макиавелли, – болотные сапоги. Тем не менее, мы способны различать политиков, наблюдая за их деятельностью. В частности, имеем возможность определить степень их искренности.

Михаила Горбачева в чем только не винят, и винят часто заслуженно (в нерешительности, мягкотелости и т. д.), но в чем его не обвинишь, так это в отсутствии искренности. Затевая перестройку, он был глубоко убежден, что «так дальше жить нельзя», искренне верил, что перестройка приведет к очищению коммунистических заносов.

Вот простейшая схема сравнений поступков и действий двух возглавивших реформы политиков – Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. В отличие от Ельцина, Горбачев, начав перестройку, обладал всей полнотой власти, равной объему власти Съезда народных депутатов РСФСР. Но что делал Горбачев, приступив к реформам? Он делился властью со Съездом народных депутатов СССР. Оставим в стороне вопрос, разумно ли это было или нет, есть налицо факт: он делился властью. А что делал Ельцин? Он два года потратил на то, чтобы отнять власть у Съезда народных депутатов РСФСР. Под лозунгами и декларативными заявлениями о демократии.

Горбачев, оценивая обстановку в Большой стране и надеясь на то, что союзный договор поможет сохранить хотя бы конфедерацию (пусть на уровне Европейского союза), готов был передать большие полномочия центра союзным республикам и таким образом значительно ограничить свои. Ельцин прилагал все усилия, чтобы приумножить свои полномочия. И вновь был неискренен, обосновывая это свое стремление задачей принести России демократию и благополучие.

Горбачев имел абсолютную возможность ввести на неделю-другую чрезвычайное положение и пресечь действия

сепаратистов, в том числе и российского президента, и парламента, но он не решился на крутые меры, понимая, что может пролиться кровь. Ельцина кровь не остановила. И это также свидетельствует о его истинном выборе цели. Так что нам, рядовым гражданам, следует пристально всматриваться в политиков и с опаской относиться к тем, кто рьяно рвется к власти. И понимать: таких людей ничто не остановит; власть для них – абсолютная ценность.

«Я к Горбачеву ходить не буду»

К лету 1991 года ситуация в стране – пока еще в большой стране – сложилась такая, которую можно охарактеризовать как последняя стадия ракового больного. И как онкологический больной всячески уклоняется от мыслей о близком конце, так и власть, общество не хотели знать правду. И ничего не делали, чтобы предотвратить распад СССР. Кажется, и Михаил Горбачев устал от слов и предупреждений. А может, и смирился с неминуемым. Вспоминается его реплика в кулуарах съезда: «Мы как-то рассуждали с Раисой Максимовной о происходящем в стране, и подумали: а может, и впрямь из хаоса и возникнет порядок?». Навеяна мысль, скорее всего, греческой мифологией…

Между тем, шанс сохранить Союз все же оставался. Его давал союзный договор, на заключении которого настаивал президент большой страны. Сегодня вину за срыв подписания договора перекладывают одни на гэкачепистов, другие – на беловежскую тройку. Но только ли они виноваты? На этот и другие вопросы прямо, а где и косвенно отвечает публикация в «Российской газете».

Цитата. Союзный договор. Что несет он народам России?

«Российская газета», 2 июля 1991 года.

На вопросы обозревателя «РГ» Ольги Буркалевой отвечает председатель Комитета Верховного совета РСФСР по законодательству Сергей Шахрай

«Корр.: Многие россияне считают, что теперь (после выборов президента России. – *Авт.*) перед Россией, как, впрочем, и перед другими республиками, открываются светлые безоблачные перспективы. Новый союзный договор ускорит процесс преобразований?

С. Шахрай: Союзный договор в том виде, в котором он опубликован и передан в верховные советы республик для одобрения и подписания, означает для России прекращение политических преобразований, замедление или отказ от радикальной экономической реформы и, соответственно, отказ от надежд на скорое улучшение жизни.

Корр: Вы хотите сказать, что подписание союзного договора в таком виде может свести на нет все демократические преобразования, вплоть до президентской власти в России?

С.Ш.: Да, поскольку такой договор уничтожает российскую государственность, ликвидируя тем самым основы для демократических преобразований. Вместе с упразднением Российского государства перестают действовать все законы РСФСР, а на них базируются политические и экономические реформы.

Корр.: Что за двигатель, который привел в движение гигантскую систему – СССР, сообщив ей центробежные силы, за счет действия которых может распасться великое государство на осколки мелких, «удельных» образований?

С.Ш.: На мой взгляд, это административно-командная система, которая терпит сегодня крушение и использует любые средства в борьбе за свое политическое выживание. Ядро этой системы – центр. Это не то же самое, что Союз. Ржавеющие вертикальные структуры власти центра пронизывают все республики и территории, центр вненационален, он имеет ярко выраженную партийную окраску. Центр может усилиться, а Союз при этом развалиться. Сейчас все политические процессы, происходящие в стране, стоит рассматривать с точки зрения борьбы за власть двух основных политических сил. Одна из них

состоит из представителей старой гвардии административно-командной системы, номенклатуры КПСС, которую возглавляет центр. Другая представлена демократами, которые стремятся построить власть на новых принципах народовластья.

Корр.: Похоже, мы находимся в огромном политическом театре перед очередным актом пьесы, в котором по сценарию Старой площади (здесь размещался ЦК КПСС. – *Авт.*) консерваторы вновь готовы скрестить шпаги с демократами за разделение сфер влияния.

С.Ш.: В этом, наверное, и заключается глубинный смысл этой затеи центра: растворить и выдавить тонкий слой демократической власти, сосредоточившийся в Верховном совете России (через два года «демократический» Верховный совет России объявят «красно-коричневым», и он будет расстрелян из танков. – *Авт.*). Если это произойдет, и союзный договор будет подписан в том виде, в котором мы его сегодня имеем, то вся работа по преодолению безвластья в России окажется проделанной впустую. Российский президент будет первым президентом без государства и не сможет реализовать ничего из того, что ему поручил совершить народ.

Многое, если не все, будет зависеть от того, как будет формироваться союзный бюджет. На данном этапе для защиты жизненных интересов республик следовало бы избрать так называемую одноканальную систему, когда республики делают установленные их соглашением взносы в союзный бюджет. Параллельных союзных «сборщиков налогов» не должно быть».

Из приведенной части интервью несложно заметить истинный настрой российской власти. Он заключается в том, что центр (СССР) должен быть отстранен от политической и экономической жизни большой страны, и, следовательно, разрушен окончательно и навсегда. Доказательств необходимости и обоснованности его разрушения можно привести великое множество, и некоторые из них приводятся. Но не в них суть. А суть в том, что власть поровну не делится; у кого-то ее должно быть больше, а у кого-то меньше. А еще правильнее, если она сосредоточена в одном месте. Республики, убеждает Сергей Шахрай, добиваются права быть на своих территориях единственными мытарями, по своему усмотрению «отстегивать» центральной власти крохи со своих отнюдь не пиршественных столов.

А откуда брать средства на оборону, науку, космос, поддержку слаборазвитых регионов (а их больше половины)? Ответ: республики рассмотрят, оценят и при необходимости скинутся. Что ж, можно и так. Давайте договариваться. Горбачев,

кажется, уже на все согласен. Но кое-кому Горбачев ни в каком качестве не нужен.

А тут еще кому-то в Верховном совете СССР пришла дьявольская идея науськать находящиеся в составе России автономные республики на Москву: им посоветовали потребовать для себя право входить в состав СССР на равных с союзными республиками условиях. Татарстан, Башкирия, Якутия, Карелия, на первый взгляд, логично приводят аргументы вроде этого: а чем мы хуже Киргизии, Армении, Молдавии?.. Мы тоже хотим войти в обновленный состав Союза суверенных государств с теми же правами, что и союзные республики. Но в таком случае, задают справедливый вопрос, что останется у Российской Федерации? Ответ автономий: а мы останемся и в составе Российской Федерации! Но в союзном договоре есть норма выхода союзной республики из состава Союза, значит, и вы, Татарстан, Башкирия, Якутия, получите такое же право? Выйдя из Союза, ваше «государство» автоматически выходит и из состава России? Но это будет означать развал уже России.

Сегодня эти и другие потуги национальных республик и некоторых русских регионов (например, Урала) выглядят смешно, а тогда было не до смеха. Угроза распада России существовала реальная. И, увы, она была заложена в том числе и в подготовленном проекте Союзного договора. Центр действительно одно время проводил провокационную политику, подговаривая российские автономии на антироссийские действия. Тем самым центр как бы говорил российской власти: вот вы настаиваете на абсолютной свободе республик, отнимаете у центра все полномочия и функции, присущие государству. Распространите тот же подход и на свои, автономные республики и регионы. С чем и Ельцин, и российский парламент, разумеется, не могли согласиться. Хотя позднее Ельцин и обещал автономиям столько суверенитета, «сколько смогут проглотить».

И еще долгие годы Россия ощущала последствия войны с союзным государством. Одна чеченская война чего стоит! А кроме того Россия показала дурной пример другим союзным республикам, как следует бороться за власть и как ею распоряжаться после завоевания. Раскаты той грозы мы слышим и поныне.

Путч и месть «сына»

Путч, помимо всех прочих последствий, имел еще одно: он окончательно устранил соперника и противника Бориса Ельцина в борьбе за власть – Михаила Горбачева. После возвращения из Форос Горбачева пригласили на собрание российских депутатов. Зал забит до отказа, настроение приподнятое. Кто-то радуется тому, что все обошлось без больших жертв, кто-то с сочувствием смотрит на Горбачева, а кто-то и с ухмылкой. В президиуме трое: Горбачев, Ельцин, Хасбулатов. Слово предоставляется Михаилу Сергеевичу. Ему нелегко дается речь, особенно перед торжествующим взором Бориса Ельцина. Горбачев проглатывает реплику Ельцина по поводу того, что, дескать, Горбачева оставили все соратники, а его, Ельцина, никто не предал («предадут» позже. – *Авт.*). Горбачева спрашивают, какую роль, на его взгляд, в подготовке путча сыграла партия; Горбачев отвечает: всю партию не следует отожествлять с кучкой авантюристов. В зале возникает легкий шумок, и в эту минуту Ельцин протягивает Горбачеву лист бумаги с подготовленным указом о запрещении КПСС. Прием грубый, унижающий президента страны и генерального секретаря партии. Да и с правовой стороны – дешевый трюк. Не имел права Горбачев подписывать данный указ. Запретить партию мог только суд. Но растерявшийся Горбачев подписывает бумажку.

Выглядело все как экзекуция; многие прятали глаза, морщились. После собрания, на выходе, один из союзных депутатов с презрением бросил мне: «Ну, и сучара этот ваш Ельцин». А я во время этого торжества Ельцина над поверженным противником вновь вспоминал зал, где в 1989 году проходила городская партийная конференция, невнятные оправдания Ельцина, в которых слышалась надежда на то, что однопартийцы простят его и вернут на вершины власти.

Не вернули. Он сам пробил себе дорогу. И теперь наслаждался победой. Наслаждался безмерно и безотчетно, не понимая, что его измывательства над поверженным противником выглядят недостойно.

И вспомнил я еще командировку на север Читинской области. На берегу Витима казаки в старые времена выстроили красивое село – дома из толстых полуметровых, бревен. Жил здесь народ в основном за счет охоты и уловов в богатой рыбой реке. Ну, а где охота, там и собаки. Я оказался здесь в канун нового года. Охотники вышли из тайги, а вместе с ними и их лайки. Собаки сбивались в стаю; к человеку, даже к незнакомцу, лайки

относились доброжелательно и с доверием. И вдруг между двумя возникла свара – скорая и яростная. Остальные, а их было десятка три, уселись в кружок и, кажется, с нарочитым равнодушием наблюдали за дракой. До тех пор, пока одна не издала особый звук; то был визг, просящий пощады. И вся стая бросилась на поверженную. Я выломал из ограды оглоблю и кинулся разгонять стаю. Но жертва уже не могла встать на ноги, и только спустя полчаса с передышками уползла в копну сена. Вспомнил я таежный эпизод и, наблюдая за поведением Ельцина и некоторых российских депутатов, подумал: а чем поведение людей отличаются от поведения стаи?

Путч оправдал все предыдущие действия российской власти, направленные на устранение центральной власти, а значит, и самого государства. Великая смута в Москве вызвала в союзных республиках опасение оказаться нечаянно ввязанными в рискованные события, которые там перестали считать «своими». Республики умыли руки. К тому же их лидеры наедине с собой радовались тому, какие вожжи теперь окажутся в их руках. В автономиях и русских регионах России тоже с вожделением смотрели на новые открывавшиеся властные полномочия. Все думали о прирастающей личной власти. И нет никаких свидетельств тому, что кто-то во весь голос и авторитетно восстал тогда против смуты, кто-то встал преградой на пути великого и трагического излома.

Тапочки для президента

Организаторы путча в лице председателя правительства и руководителей силовых ведомств то ли переоценили собственные умственные способности, то ли и правда находились в неадекватном состоянии, но факт остается фактом: они просчитались даже в том, кто является истинным противником Союза.

А между тем, на их глазах усиливалось давление на президента СССР со стороны республик, и прежде всего со стороны российской власти. Ельцин требовал все больше и больше самостоятельности, на каждую уступку Горбачева он отвечал новыми требованиями, исполнение которых – и это было очевидно – вело к распаду страны.

Что же делают путчисты? Они изолируют президента Союза и обеспечивают свободный проезд Ельцина из Архангельского в дом на Набережной, резиденцию Верховного совета России, в которой функционирует связь, действует весь комплекс коммунальных услуг, организовано питание, обеспечен прямой вход и выход из помещений. Не странно ли: Горбачев подвергнут домашнему аресту, у него отключена связь, а Ельцину – простор и полная свобода действий? Я, разумеется, далек от мысли, что путчисты действовали заодно с Ельциным. Скорее всего, их затея возникла спонтанно. Хотя и в это трудно поверить; все-таки опытные люди, а председатель КГБ Владимир Крючков слыл большим аналитиком.

Мне довелось быть свидетелем и в какой-то степени участником этих событий. Рано, часов в пять-шесть утра, у меня на даче в Архангельском зазвонил телефон. Звонил Полторанин: «Вставай, в Москве военный переворот». Человек все-таки странное существо: видно же было невооруженным глазом, как обостряется обстановка, что возможен взрыв, а в худшее все же не верится, не хочется верить. «Миша, я понимаю, тебе стало скучно после ночной пьянки, но причем тут я?» – «Вставай, включай телевизор».

На экране демонстрировали запись заявления вице-президента Янаева.

Минут через десять я был на даче Ельцина. Во дворе нервно ходила Наина Иосифовна, подобно наседки кудахтала: «Ой, что же будет, что будет…». В сторонке стоял Александр Коржаков, он кивком головы показал, где собрались оказавшиеся в Архангельском члены российского правительства. В гостиной дачи находились Силаев, Хасбулатов, Полторанин, Шахрай и

Бурбулис. Затем приехали сначала Лужков, а чуть позже Собчак.

Ельцин был одет по-домашнему, он, если мне не изменяет память, поздним вечером возвратился из Казахстана, где его по-азиатски широко и тепло встретил и проводил Назарбаев. Проводы состоялись на берегу озера, Борис Николаевич много плавал, фыркал от удовольствия, свежая озерная вода, наверное, привела его в подобающее состояние. Во всяком случае, утром он чувствовал себя неплохо. Озирался по сторонам, наконец, зычным голосом пожаловался: «Кто-нибудь наконец даст тапочки президенту?». Тут же с тапочками припорхнула дочка – Таня.

Сочиняли воззвание к народу. Формулировали текст коллективно, но основным автором был Хасбулатов. Он же записывал текст на бумагу. После того как обращение было готово, выяснилось, что в Архангельском ни у кого нет печатной машинки (о компьютерах тогда и слыхом не слыхали). Начали советоваться, каким образом доставить заявление (его подписали Ельцин, Силаев, Хасбулатов) в Москву, а из Москвы гражданам России.

Лужков между тем рассказал, что в Москве все спокойно, военной техники, когда добирался в Архангельское, нигде не заметил. Рано утром ему позвонил первый секретарь Московского горкома партии Прокофьев, пригласил на срочное совещание в горком. Лужков будто бы резко ответил, что у него другие дела, на что Прокофьев обещал выдать «собачий билет». Помнится, рассказывал он об этом как о героическом поступке и словно бы ждал, что вот сейчас Ельцин откроет сейф и прицепит на грудь Юрия Михайловича орден. Но орденов у Ельцина тогда еще не было.

Собчак был краток. Оказывается, он заехал в Архангельское только за тем, чтобы посоветоваться: остаться ли ему в Москве рядом с президентом или ехать в Питер. «В Питер, в Питер, – сказал Ельцин. – Там вы нужнее, организовывайте сопротивление в городе, поднимайте народ». Собчак уехал. Хасбулатов тоже собрался ехать в «Белый дом». Нужно было как можно скорее собрать президиум парламента, а если удастся, и Верховный совет, коллективно выработать отношение к ГКЧП, обратиться к народу уже от имени Верховного совета. Я попросил своего шофера следовать за машиной Хасбулатова, не отпуская ее дальше двадцати-тридцати метров. Машина Хасбулатова и машина сопровождения, а вслед за ними и мы, мчались на предельной скорости, объезжая редкие заторы по газонам и обочинам шоссе. К концу пути водитель был весь в поту.

Действия парламента России многажды и подробно описаны, нет смысла повторять то, что хорошо известно. Упомяну лишь

несколько деталей. Комитет по чрезвычайному положению прикрыл десятка два газет, среди них и «Российскую газету». Однако нам удалось подготовить и выпустить нелегальный номер на четырех полосах формата А4 тиражом 30 тысяч экземпляров. Мы это сделали с помощью своих коллег в Волгограде. Всю практическую работу выполнил мой заместитель Владислав Александрович Иванов. С папкой материалов (в основном принятых Верховным советом решений и постановлений указов президента) Владислав Александрович прибыл в Волгоград, в местной типографии газету срочно набрали, напечатали, и затем в выкупленных купе пассажирского поезда она была доставлена в Москву. В парламенте оказалась утром в день, когда путч уже был подавлен. Тем не менее, депутаты искренне радовались, читая запрещенную газету.

Ночь на 22 сентября прошла без сна. Каждые полчаса приходили вести: то по такому-то шоссе движутся танки, то на таких-то улицах вблизи парламента сосредоточились спецгруппы, то сообщалось, что атаку, скорее всего, начнет десант с крыши здания парламента. Мы легкомысленно посмеивались над новостями; делать, в общем-то, было нечего. Приятный сюрприз сделал депутат с Сахалина Виталий Гулий. Он только что вернулся от матушки, проживавшей в Приднестровье, и захватил с собой канистру молдавского вина и яблоки. Мы – Юрий Рыжов, Михаил Полторанин, Николай Травкин, Виталий Гулий и я – устроились под лестницей и опустошили содержимое канистры. Мимо бегали какие-то люди и раздавали противогазы. Кто-то назвал номер комнаты, где под роспись выдают автоматы. Я зашел в кабинет назначенного Ельциным председателя КГБ России. Кабинет у него был, но сотрудниками и даже секретарем-машинисткой обзавестись не успел. Я сказал ему, что раздают автоматы. «Зачем? – удивился он. – Не делай глупость, не бери». Я сказал, что три года отслужил в армии и помню, как им пользоваться. «Ты не успеешь и пальцем пошевелить, как тебя уже не станет. Учти, они в первую очередь уберут тех, у кого увидят оружие». «Что же делать?» – «Ждать, – ответил он. – Вон диван, ложись, поспи». Я поднялся на следующий этаж и зашел в кабинет государственного секретаря Геннадия Бурбулиса. Он тоже оказался в одиночестве. Держал телефонную трубку и, кажется, ожидал абонента. Наконец, в трубке отозвались:

– Извините, но Владимир Александрович (Крючков. – *Авт.)* подойти к телефону не может. Он отдыхает.

– Что значит отдыхает!? Разбудите!

– Он прилег двадцать минут назад.

– Меня не интересует, когда он прилег. Будите! На «Белый

дом» движется колонна танков.

– Хорошо, еще раз попытаемся.

Крючков взял трубку телефона минут через десять. Бурбулис кричал:

– Вы понесете суровую ответственность. Уже есть жертвы. Вы отдаете себе отчет в том, что происходит!? Отведите в казармы войска!

Связь была громкой, и я услышал уставший голос:

– Вы верите в бога? Если верите, ложитесь и спите спокойно.

…В августе еще рано наступает рассвет. Москва просыпалась нехотя, а к семи часам улицы заполнились обычными своими звуками. Так завершился самый глупый в истории государственный переворот. Владимир Ильич Ленин, если «там» и правда продолжается жизнь, наверное, и по сей день не может остановиться от хохота. А заразительно смеяться он умел. Нам же осталось от устроенной комедии два символа: Ельцин на танке и известный всему миру виолончелист в обнимку с автоматом.

Цитата. В деле ГКЧП полно мифов

Интервью Владимира Крючкова «Российской газете» в изложении адвоката Юрия Иванова. «Российская газета», 27 февраля 1992 года. Печатается с сокращениями, не воспроизведены фрагменты, которые сегодня не представляют интереса.

Сотрудник «Российской газеты» Андрей Жданкин сумел пробраться в «Матросскую тишину», где побеседовал с Павловым и Стародубцевым. Язов и Янаев от встречи отказались. А вот Крючков согласился ответить на вопросы газеты. Однако представитель следственной группы Щукин отказал в просьбе газеты, сославшись на «исчерпанный лимит времени», использованный в беседах с Павловым и Стародубцевым. Аргумент непонятный, во всяком случае, времени у бывшего шефа КГБ в камере было предостаточно. Тогда журналист и адвокат Крючкова Юрий Иванов придумали выход: соображения Крючкова поступят в редакцию в изложении адвоката. Таким образом, будут учтены требования следователя и интересы газеты. Разумеется, Крючков должен был письменно подтвердить достоверность изложенного текста собственноручной подписью, что он и сделал.

«Вопрос: На пресс-конференциях защиты ГКЧП и обвинения ГКЧП звучали разные сроки возникновения заговора. Когда все-таки состоялся сговор?

Ответ: Версия о том, что заговор возник не в августе, а готовился с конца 1990 года, не сходит со страниц газет. При этом якобы проводили репетиции. Первая была в Вильнюсе 13 января, вторая выразилась в групповом выступлении в Верховном совете СССР четырех «реакционеров» – Крючкова, Язова, Пуго и Павлова. Под эти рассуждения подстраивается и руководитель следствия. Но коль скоро он пришел к такому выводу, то почему не вменяется организация заговора с конца 1990 года с представлением соответствующих доказательств? Получается странно: в формуле обвинения – одно, в публичных выступлениях прокурора – другое.

Вопрос: В печати приводились списки людей, которых ГКЧП предполагал изолировать, интернировать. Списки еще называют проскрипционными, предполагая, что с перечисленными в них людьми в случае успеха переворота должно было или могло произойти самое худшее. Что по поводу интернирования может сказать бывший шеф КГБ?

Ответ: Интернирование – один из раздутых мифов, которыми

окутано дело ГКЧП. Среди известных общественных личностей возник чуть ли не конкурс на право оказаться в списке и быть в первых его рядах. Говорят о списке на 60-70-75 человек. Но списка так и не нашли, да и не могли найти, потому что его не было. На самом деле в КГБ речь шла лишь о возможных беседах с некоторыми лицами, о том, чтобы с их стороны не было призывов к насилию. На практике лишь четыре человека были задержаны; с ними побеседовали и через несколько часов отпустили. Крючков не снимает с себя ответственности перед этими лицами, но, согласитесь, интернированием это никак не назовешь. Немалую лепту в этот вопрос внес сам Генеральный прокурор России, заявив следующее: «Как мне потом сказали сотрудники КГБ, все мои телефоны прослушивались с самого начала, действия контролировались. Затем последовало бы интернирование. Всех. Если бы, конечно, все не погибли при штурме и захвате Белого дома». …Теперь ясно, что именно он – один из творцов мифа об «интернировании».

Вопрос: Что конкретно планировалось руководителями ГКЧП в отношении российских лидеров и президента Ельцина? Какова была бы их судьба после ареста?

Ответ: Не было никакого плана ареста российских лидеров. Если бы была необходимость захватить кого-либо из руководителей России, Ельцина в том числе, то особой сложностей это не представляло бы. Руцкой, Хасбулатов, Силаев ездили в Кремль практически без охраны, задержать их ничего не стоило. Разговоры о том, что «Альфа» опоздала перехватить Ельцина, несостоятельны. «Альфа» никогда и никуда не опаздывает.

Вопрос: Белый дом был цитаделью сопротивления ГКЧП, которого не приняло большинство населения. Как участник событий могу подтвердить, что ожидание штурма было реальным. Если бы он произошел, то ход российской истории мог пойти в обратную сторону. Почему штурм не состоялся? Каковы были планы ГКЧП в отношении Белого дома?

Ответ: Решения о штурме просто не принималось. Но вопрос о применении силы действительно возникал – 20 августа. Белый дом был единственным местом в Москве, где обстановка казалась опасной. Несколько сотен вооруженных лиц находились как внутри здания, так и снаружи. Среди них были и лица, не имеющие права на ношение оружия. Немало было и пьяных. А у Дома советов – бронетехника. Случись какая-либо провокация, она могла закончиться кровопролитием.

Сейчас можно только порадоваться, что ничего не произошло, но 20 августа все было по-иному. Поэтому в середине дня 20

августа представители трех ведомств, отвечающих за безопасность, – МВД, КГБ, МО СССР – решили проработать вопрос о том, что при тяжелом развитии событий может возникнуть необходимость как минимум принять меры к разоружению лиц, находящихся в парламенте и возле него, При этом было оговорено, что это лишь проработка мероприятия, и его реализация может начаться исключительно по соответствующей команде, которая, как известно, отдана не была. Подразделения, которые могли быть задействованы для операции, находились в местах дислокации и приказа на движение не получали. Российское руководство получило твердые заверения, что никаких акций по Белому дому не будет. К сожалению, в Белом доме этим заверениям не верили и продолжали призывать население к защите, нагнетая обстановку. Быть может, именно это и явилось причиной ненужного нападения на бронетехнику, двигавшуюся не к парламенту России, а в другом направлении. Опять-таки, теперь ясно, что введение воинских подразделений в Москву было ошибкой, но в то время еще не стерлись события 28 марта 1991 года, когда присутствие частей МО все-таки стабилизировало обстановку, и обошлось без кровопролития.

Вопрос: Есть утверждение, что и ГКЧП, и Горбачев, и депутаты, общественные деятели были «под колпаком» у могущественного шефа КГБ. Он следил за всеми, прослушивал даже своих коллег по ГКЧП.

Ответ: Да, Крючков признает, что было и прослушивание, и отслеживание действий отдельных лиц. Это одно из болезненных и сложных вопросов – право спецслужб, и КГБ в том числе, на действия, которые могут ущемлять права граждан, нарушать их частную жизнь. Регламентация этой сферы ведомственными приказами КГБ не могла признаваться должной правовой базой. И лишь в мае 1991 года не без настойчивых напоминаний Крючкова, просившего определить компетенцию КГБ, был принят закон «Об органах государственной безопасности в СССР» (до этого закона КГБ действовал в соответствии с секретными постановлениями и решениями ЦК КПСС. – *Авт.)* Одновременно Верховный совет СССР поручил правительству и КГБ разработать и представить к январю 1992 года проекты нормативных актов, в которых деятельность органов была бы регламентирована детально. До их принятия действовала практика прошлых лет. В соответствии с этой практикой решения о постановке на прослушивание принимали сами руководители органов, в том числе и Крючков. Были случаи контроля политических деятелей, депутатов. Во всех этих случаях решение принимал президент СССР (за исключением августовских дней 1991 года). Кроме того,

зачастую общественные деятели и депутаты попадали на каналы прослушивания не за свою общественную деятельность, а случайно. Допустим, проводилось прослушивание иностранного гражданина или лица, занимающегося криминальными делами, и вдруг фиксируется его телефонный разговор с депутатом, а депутат, оказывается, «проворачивает» свои коммерческие дела. Или депутат, выехавший с визитом в США, вдруг на несколько дней исчезает и оказывается на… Гавайских островах, куда въезд требует разрешения спецслужб США.

Вопрос: Хотелось бы узнать мнение бывшего шефа КГБ о нынешней перестройке в его бывших органах.

Ответ: Тут у него сомнений нет – идет трагическое для будущего страны разрушение системы государственной безопасности. Бакатиным из Комитета госбезопасности были изгнаны люди, составляющие интеллектуальный «цвет». Крайне неприглядна здесь роль укрытой от какого-либо контроля комиссии Олейникова, которого Бакатин сделал своим заместителем. Почему-то не официальное следствие прокуратуры, а именно эта комиссия «казнила» и «миловала», определяя причастность сотрудников аппарата КГБ к августовским событиям. Кстати, тот же Олейников затем признал правомерными действия Бакатина по передаче американцам секретной документации по спецоборудованию посольства США.

Совершенно неразумным считает Крючков и объединение КГБ и МВД в одну организацию. С разных точек зрения – политической, оперативной, кадровой. Порознь эти органы сильнее, чем вместе, именно с точки зрения безопасности.

Что касается только что принятого Временного положения о Министерстве безопасности Российской Федерации, то оно дало этой структуре права, о которых союзный комитет не мечтал. Кадровая политика теперь ставится в полную зависимость от субъективных распоряжений и личных пристрастий председателя этого ведомства. А в целом Временное положение дает огромные полномочия президенту.

Последняя попытка

После путча, в сентябре 1991 года, предприняли слабое усилие сохранить хоть какое-то единство – был создан Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР. Руководителем его по предложению Ельцина Горбачев назначил Ивана Силаева. Помимо межгосударственного экономического комитета решили создать координирующие органы в СССР, в частности, арбитраж, банковский совет. Это была последняя попытка консолидировать республики, предотвратить окончательный разрыв трансреспубликанских хозяйственных связей. Экономист Григорий Явлинский, приглашенный на работу в созданный комитет, в «Российской газете» предупреждает: стремление республик отправиться в самостоятельное плавание неминуемо приведет к коллапсу. За шесть месяцев, сообщает он, спад производства составил 15–16 процентов, инфляция – 2–3 процента за неделю. Окончательная утрата связей приведет к полной разрухе.

Как же российская власть реагирует на робкие попытки Комитета по управлению народным хозяйством СССР приостановить развод?

Цитата. Кажется, центр, оправившись от августовских потрясений, вновь обращает свой взгляд на Россию

«Российская газета», 26 сентября 1991 года. Беседа с членом Госсовета Российской Федерации, вице-премьером правительства Михаилом Полтораниным.

В канун открытия пятого Съезда народных депутатов РСФСР, на котором первый президент России должен быть приведен к присяге, корреспондент «Российской газеты» Инна Муравьева и фотокорреспондент Андрей Замахин опросили граждан на площади трех вокзалов в Москве. Люди из разных мест; их заботы, настроения, обиды, радости могли дать широкое представление о настроениях в российском обществе. Кроме того, корреспонденты попросили высказаться о том, что они ждут от президента.

Олег Викторов, моряк (проездом на Север)**: «**Хочу сказать президенту – мы, молодые, хотим хорошо жить. Как живут в других странах. У нас же ни одеться красиво, ни поесть вкусно. А тут еще старики попрекают: «Мы ради вас недоедали, недосыпали». И держатся изо всех сил за свои места. Пусть президент окружит себя молодыми, полными сил, компетентными, деловыми людьми».

Галина Корбалина (возвращается на Алтай): «Мы с детьми ездили на экскурсию в Ленинград. Из самой глубинки, с гор Барнаульской области. Живем, представьте, лучше, чем в столице. Имею в виду продукты. Потому что у каждого свое хозяйство. А магазины и у нас пустые. С едой не мучимся, а вот с одеждой совсем плохо. Родители денег дали: купить что-то ребятишкам. А ничего нет. В Ленинграде ограничивают с визитками (талоны. – А*авт.)*, как будто мы не такие как они люди. Так что радости мало. Пусть президент подумает о нашем человеческом достоинстве».

Эдуард Зайдель (провожает сестру в Германию): «Уезжают немцы из Казахстана. Моего возраста – а мне 60 лет – никого не осталось. С нашим народом Сталин поступил чудовищно. Вырвали с корнем из обжитых мест, увезли в Казахстан – выживай, как хочешь. За людей не считали. В другое село, к девушке ли, к знакомому нельзя было сходить: штрафовали. Я до

1956 года военного билета не имел. Какое оскорбление для молодого человека! Пускай наш президент сил не пожалеет, чтобы в нашей России жизнь стала такой же сытной, как в Германии. Но больше всех бед для человека – лишить его свободы, заковать страхом. Вот о чем должен помнить президент».

Абдул Юсупов (москвич, родом из Казани): «Не понимаю, что за настроения появились в Татарстане – хотят отделиться от России. Ельцин говорил: берите столько власти, сколько скушаете. Однако "кушает" эту власть, по-моему, не народ Татарстана, а те, кто близко стоял и стоит к "кормушке". Я лично голосовал за Ельцина. Потому что нынче нужна честность, открытая политика. Он способен на это. Он, я думаю, видит, как люди плохо живут, и ему людей жалко. Их на вокзале – тысячи! Все грустные, усталые. Очереди, цены… Как жить? Наш президент, мне кажется, понимает, что дальше так жить люди не могут».

Юрий Дорохов (строитель, КамАЗ): «Я прожил в Набережных Челнах 17 лет. Молодым, еще тридцати лет не было, поехал строить КамАЗ, а теперь вынужден уехать. И квартира, и должность – хорошие. Но кто-то искусственно нагнетает национальные страсти. Идешь по улице, а пацанье кричит: «Русские, убирайтесь вон!». Или: «Говори по-татарски, мы по-русски не понимаем». А мы ведь до этого не различали: русский ты или татарин… Да и сами-то татары не охраняли свою культуру… Они сами по-татарски не говорили. Что, кто-нибудь им запрещал говорить на своем языке? Я вот, живя в Татарии, лишь один раз видел спектакль Камаловского театра на татарском языке, да и то …на первой программе Центрального телевидения, когда театр был на гастролях в Москве. Ельцина я поддерживал, но кумира из него не делаю. Задача президента – возродить Россию».

Андрей Петров, Сергей Кузьмин (новобранцы, едут со станции Бологое в Фергану): «А что, мы довольны! Пусть Фергана. Хоть посмотрим. Если скажут – стрелять? Что ж, будем, если Родина скажет. По детям, женщинам? Ну, не-ет, рука не поднимется. На выборы президента мы не ходили. А что от нашего голоса зависит? Ни-че-го!».

Аркадий Мальчиков (фамилия изменена. Возвращается неизвестно куда из тюрьмы): «О, напишите про меня! Я четыре месяца как освободился. С тех пор езжу в поездах. В Ельцина, признаюсь, не верю. Он же в партии был. Сделал он нам «500 дней»? Нет. Вот Жириновский хотя и еврей, а за русских стеной стоит. Работать хочу, но кто без прописки примет? В Москве в

МВД пробивался, а там майор, сытый, даже разговаривать не стал. Пошел в «Известия», ну, где «Макдональдс», ресторан такой. Женщина мне: трудоустраивайтесь. Что она понимает? Что вы все, кто не сидел, понимаете? У нас в стране, если даже по глупости попадешь в тюрьму, не вырвешься в жизнь. У меня мама есть. Но как я к ней поеду, последний кусок у нее отнимать? Может, Ельцину обо всем этом расписать?».

Николай Максимов (правнук казака из станицы Степановка): «Я тут, на этой площади …работаю фотографом. Ельцину что хотел бы сказать?.. Скажу так: со времени перестройки этой всем жить стало хуже. Ну, что с того, что смог начать свое дело? Мой прадед был зажиточным казаком, так он меня высек бы плеткой за то, чем я занимаюсь. Стою тут с протянутой рукой… Политика – это такая дрянь! Все эти политики – фигляры и разбойники. Нужен сейчас царь-батюшка. Вы съездите на Добрынинскую площадь в редакцию «Памяти», почитайте газету – и все поймете. Моя родина – станица Степановка, это в Казахстане, а я теперь туда поехать не могу. Могу? Ну, тогда не хочу».

Владимир Горкин (инженер из Твери): «Я вижу, что на предприятиях ВПК в преддверии конверсии администрации и парткомы пользуются неразберихой в законах и нашей непросвещенностью. Они уменьшают численность, увольняя зачастую неугодных работников, тех, кто «высунулся». Сами стараются войти в разные кооперативы, совместные предприятия, используют государственное имущество для личных целей. Не сомневаюсь, они поспешат воспользоваться и пунктом о льготном приобретении акций, скупят их основную часть. Тогда уж мы, и прежде, не стоявшие у «краника» и у «корыта», попадем в полную кабалу. Демократы и Ельцин должны понять, что рассуждения партийных «пастырей» о том, что они не отдадут завоевания социализма, – всего лишь отвлекающий маневр. Пока с ними спорят разумные люди, они под шумок обогащаются. Демократы, будьте бдительны!».

Геннадий Бороздин (благочинный Даниловского округа протоиерей): «Служители Русской православной церкви избрание Бориса Николаевича Ельцина приветствуют. Нас очень тревожит, что жизнь становится безнравственной: Бога не почитают, родителей не чтут. Каждый живет для себя – ни милосердия, ни любви. Ельцину и демократам досталось трудное время. Мы желаем им удачи. Надо сделать все, чтобы жизнь стала наконец милосердной и радостной. Я из Ленинграда, стою вот с цветами, жену встречаю. Любимого человека. Немолод я, но ведь любовь, почитание женщины – об этом в любом возрасте забывать нельзя. Что сказать президенту? Просто скажу: стыдно жить в богатой

стране бедно. А с другой стороны, если только о брюхе думать, то другой перекос может случиться, ибо не хлебом единым жив человек».

Накануне подписной кампании редакция обратилась к читателям с просьбой высказать предложения о том, какой они хотят видеть газету в новом, 1992 году. В ответ – обширная почта.

В.Поляков, *инвалид Отечественной войны, Хабаровск:* «Курс редакции в вопросах политики, экономики, международной политики, духовной жизни полностью разделяю. Мое пожелание: побольше внимания уделяйте обратной связи. Раздел «Письма читателей» должен стать постоянным и обширным, ведь читательские письма всегда неординарны и интересны».

В.Анкудинов, *Нижний Тагил:* «Являюсь постоянным вашим читателем. Предлагаю больше публиковать материалов по истории России, может быть, за счет сокращения информации о телепередачах, поскольку они печатаются и в других газетах».

Т. Зыкина, *Воронеж:* «Я русская и люблю Россию, поэтому с нетерпением ждала подписки на вашу газету. Но она меня разочаровала. Во-первых, приходит в Воронеж с опозданием на три дня, а во-вторых, она злая, сухая и однобокая, так как в ней одна политика. Обидно!».

Н. Клименко, *офицер в отставке, участник войны, депутат местного Совета, п. Новоселки, Ульяновская область:* ««Российская газета» пользуется огромным авторитетом на Украине, где я недавно была. Вы обоснованно замечаете в публикации от 9 августа, что газета с трудом пробивается к читателю, особенно на периферии. И вот мое пожелание: желательно договориться с рабочими Самары на предмет печатания в городской типографии. Тогда она будет быстро распространяться в Поволжье, и никакие прокоммунистические власти не смогут бойкотировать ее доставку в область».

Заявление главного редактора

«Российская газета», 4 июля 1991 года.

«3 июля в Казани не вышла в свет «Российская газета». Ровно месяц назад в соответствии с заключенным договором ее начали печатать в Казани, что ускорило доставку газеты читателям. К началу июля общий тираж «Российской газеты» в Татарстане составил 14230 экземпляров, в том числе около 6 тысяч распространялось по подписке. 18 июня в редакцию поступила телеграмма, извещавшая, что Верховным советом Татарстана принято решение о создании двух своих газет, в связи с чем было предложено разместить печатание тиража в другом месте. Редакция «Российской газеты» дважды общалась с издательством, обращая внимание на надуманность причин для одностороннего разрыва договора и на ответственность издательства перед подписчиками. Ответа не последовало. Редакция выражает недоумение и возмущение той степенью недоброжелательности, нетерпимости, которые проявлены в отношении газеты Верховного совета России. Мы обращаемся к президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву с просьбой оказать свое влияние и восстановить право граждан Татарстана на информацию».

К читателям Марийской, Удмуртской, Чувашской республик, Ульяновской и некоторых районов Кировской области

«*Российская газета», 24 июля 1991 года.*

«Редакция извиняется перед вами, друзья за перерыв в доставке газеты. Прекращение доставки вызвано нелояльными действиями в отношении к газете со стороны рескома компартии Татарстана: в июне он принял решение печатать в партийном издательстве те газеты, которые по духу и содержанию отвечают его амбициозным устремлениям. Издательство в одностороннем порядке разорвало с нами договор. В связи с противоправными действиями, ущемляющими свободу слова и право граждан на информацию, редакция обратилась к президенту Татарстана М.Шаймиеву. Не последовало даже ответа. В ЦК КПСС, с которым была согласована печать газеты в Казани (издательство является собственностью КПСС), возмущаются действиями своих казанских товарищей, но, как видно, ничего не могут поделать. В настоящее время наши претензии о нанесении материального и морального ущерба читателям и газете находятся в издательстве Татарского рескома КПСС. После получения оттуда ответа иск будет направлен в арбитражный суд. Конечно, мы понимаем, что стоит за решением партийной верхушки Татарстана. Оно направлено против «чужой» гласности; тем самым поощряется политика изоляционизма. Но кто дал право рескому диктовать гражданам республики, в том числе и русскоязычному населению, какие газеты им читать, а какие нет? Нас, откровенно говоря, огорчает и тот факт, что ни Верховный совет России, изданием которого является «Российская газета», ни президент РСФСР никак не прореагировали на политическую выходку рескома партии. Что это – нежелание связываться «по пустякам» или бессилие?»

Пресса на коленях

«Российская газета», 27 июля 1991 года.

«Союз журналистов РСФСР обратился с открытым письмом к Верховному совету РСФСР, Совету министров, журналистам России. В нем говорится о катастрофическом положении многотиражных, районных, городских, областных, краевых средств массовой информации. Грабительские цены на бумагу, услуги связи поставили коллективы на грань банкротства и закрытия. По предварительным подсчетам, безработными могут оказаться более 30 тысяч журналистов».

Битва за пост спикера

11 июля 1991 года, через месяц после выборов президента, на пятом внеочередном Съезде народных депутатов (первой его части) были представлены шесть кандидатов на пост председателя Верховного совета: заместитель председателя комитета по правам человека Н.Аржанников, председатель комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям В.Лукин, председатель Верховного совета Карелии В.Степанов, первый заместитель председателя Верховного совета России Р. Хасбулатов, председатель комитета Верховного совета России по законодательству С. Шахрай, депутат С. Бабурин.

К тому времени в парламенте были созданы многочисленные фракции: «Россия», «Радикальные демократы», «Российский союз», «Смена», «Объединенная фракция Социал-демократической и Республиканской партий», «Левый центр». «Коммунисты России», «Коммунисты за демократию», «Демократическая Россия», «Беспартийные». В общем, воз и маленькая тележка. И все, конечно, с апломбом, зачастую непримиримо относящиеся друг к другу.

Регламент отвел претендентам десять минут на представление своего видения, чем должен, по их мнению, заниматься спикер, и двадцать минут – на вопросы депутатов и ответы на них. Поскольку и во времена, когда председателем парламента был Ельцин, всю основную работу вел Хасбулатов, большинство претендентов сосредоточилось на критике Хасбулатова.

Н.Аржанников (самовыдвиженец): «В период трудных реформ спикеру свое мнение следует оставить при себе. Я добровольно откажусь от каких-либо интервью в СМИ, от личных заявлений, распоряжений и указаний».

С.Бабурин: «Стержнем, скрепляющим общество и государство, призвана стать президентская система. Но существует опасность двоякого рода. С одной стороны, представительная власть может вступить в конфронтацию с президентом, что будет пагубным для народа, с другой, она может превратиться в карманную игрушку президента».

В.Лукин: «Необходим жесткий контроль над государственным «кошельком». Парламент, который не контролирует государственную казну, не парламент. При парламенте нужно создать свое бюджетное бюро. Следует подумать о том, чтобы руководители республиканских парламентов автоматически становились заместителями председателя Верховного Совета

России».

В. Степанов во второй половине дня снял свою кандидатуру.

С.Шахрай: «Как строим взаимоотношения парламента с правительством? Поначалу исполнительная власть внимала каждому окрику парламента и Съезда, теперь потеряли интерес друг к другу: правительство производит программы, парламент – законы. Координации нет или ее мало. Мы обязаны на этом Съезде избрать Конституционный суд, иначе конфликты между парламентом и президентом не будут иметь конституционного решения. Будущий спикер прежде всего должен работать с депутатами на местах, обеспечивая их информацией, юридической помощью, техникой».

Р.Хасбулатов: «Много говорится о плохой организации работы парламента… Докладываю: в течение года парламент и Съезд приняли больше 300 нормативных актов. Звучат призывы сделать из председателя Верховного совета некий манекен, дирижирующий выступлениями депутатов, молчаливо сидящий и только наблюдавший за ходом работы. Во-первых, это противоречит Конституции, в которой зафиксированы права председателя, а, во-вторых, наш молодой парламент при таком спикере просто развалится на части».

Четыре дня шла битва за пост спикера. Поддержка Ельциным Хасбулатова, видно, только раззадорила некоторых из них. Сергей Бабурин, выдвинутый фракцией «Россия», по итогам шестого по счету голосования опередил Руслана Хасбулатова на три голоса (412 и 409 голосов соответственно). Но необходимого большинства не получил. Было предложено создать тандем: Хасбулатов – председатель, Бабурин – первый заместитель. Но вдруг выявилась такая деталь: из 329 нормативных актов, принятых Съездом и парламентом за год, Сергей Бабурин поддержал …11. И 276 раз голосовал против. Депутаты рассудили: одно дело иметь собственное мнение и отстаивать его, а другое, когда кроме собственного мнения просто не существует других. И испугались категоричности.

Съезд, опустошенный и обессиленный, перенес выборы на октябрь 1991 года, поручив Хасбулатову исполнять функции председателя Верховного совета. В конце октября Съезд продолжил работу. На этот раз претендентами стали И.Константинов, Ю.Слободкин, Н.Челноков и прежние соперники – Бабурин и Хасбулатов. За Хасбулатова проголосовали 559 депутатов, за Бабурина – 274. Ушли в отставку два заместителя председателя: Борис Исаев и Светлана Горячева.

Невозможно представить себе, какие отношения сложились бы у законодательной и исполнительной власти, если бы вместо

Хасбулатова спикером оказался другой, те же Бабурин или Шахрай. Все трое – яркие политики и с известной долей самолюбия и самостоятельности. Скорее всего, конфликт стал бы неизбежен при всех комбинациях, поскольку источник конфронтации находился на перекрестке полномочий и функций законодательной и исполнительной власти, а не только, и не столько, в личных качествах персонажей.

Перетягивание каната

После путча расстановка политических сил в стране (еще большой) резко изменилась. Президент СССР превратился в подранка, не способного подняться с земли. У страны остался единственный путь для самосохранения: новый договор республик. Речь уже не шла о Прибалтике, с выходом из Союза этих трех республик смирились. Как поведут себя остальные?

И тут взбрыкнула Украина. В комментарии «Хотите ядерное оружие? Берите. Но сами и платите» «Российская газета» 15 ноября 1991 года пишет: «Пришел и прошел путч, вслед за которым, как бы вдогонку, рассчитываясь с московскими путчистами за свою двухсуточную слабость (в Киеве сделали вид, что путч в Москве не имеет никакого отношения к Украине. – *Авт.),* украинское руководство объявляет республику независимой, ни в какой союз, наподобие СССР, с Москвой более не входящей».

Всего месяц назад председатель Верховного совета Украины Леонид Кравчук заявил по поводу размещения ядерного оружия на Украине следующее: мы не можем контролировать ядерное оружие, поэтому уберем его с территории республики; пусть об этом болит голова у Москвы. А теперь вдруг поменял отношение. Теперь, будучи в Париже, он подтверждает решение руководства освободиться от стратегического и тактического ядерного оружия, но заявляет при этом, что не собирается передавать его России. Уничтожит его сама Украина. Одновременно Украина заявила себя хозяйкой Черноморского флота. С закрытыми глазами видно: делается ставка на повышение международного престижа. Мы, мол, тоже держава. Остается только подивиться тому, как скоро вчерашний секретарь ЦК компартии Украины по идеологии Леонид Кравчук сбросил с себя одежду глашатая дружбы народов и единства и облачился в вышиванку и шаровары.

Горбачев и восемь руководителей республик в самой изысканной манере, чуть ли не заискивая, обращаются с письмом в Верховный совет Украины (тогда он еще не именовался Радой).

Цитата. Верховному совету Украины

«Российская газета», 23 октября 1991 года.

«Уважаемые народные депутаты Украины! Перемены, происшедшие в стране после августовских событий, создали принципиально новую политическую ситуацию. Устраняются преграды на пути кардинального демократического обновления общества. Складываются условия для того, чтобы каждый народ мог свободно избрать форму своей государственности. Свобода и независимость – это естественное право каждого народа и условия его развития. Свобода и независимость – это и предпосылки для объединения народов на подлинно добровольной и равноправной основе. Такой Союз жизненно необходим. За это говорят вся история нашего многонационального государства и укоренившиеся традиции жизни наши народов.

Теперь речь идет о новом Союзе, в котором сами основы экономического и политического устройства, социально ориентированная рыночная экономика, политический и идейный плюрализм, многопартийность будут служить гарантией свободного развития каждой нации и каждого гражданина. Именно за такой Союз проголосовало большинство населения страны в целом и в каждой республике на референдуме в марте нынешнего года. Строительство нового Союза началось. Возобновилась работа над проектом договора о Союзе суверенных государств. В соответствии с совместным заявлением Президента СССР и руководителей девяти союзных республик решением пятого Съезда народных депутатов СССР в Москве 21 октября открылась сессия Верховного совета страны нового созыва (состав Верховного совета значительно изменился. – *Авт.*). Мы обращаемся к вам, уважаемые народные избранники, с выражением надежды на то, что представители Украины примут активное участие в этой коллективной работе. Скажем прямо: мы не представляем себе Союза без Украины. Убеждены, что и многонациональный народ Украины не мыслит будущего без союзнических отношений со всеми народами нашей страны, с которыми его связывает многовековая история.

М.Горбачев, Б. Ельцин, С. Шушкевич,
Н. Назарбаев, И. Каримов, А. Муталибов,
А. Акаев, С. Ниязов, А.Искандаров»

Увы, Кравчук, накануне побывав в Канаде и США, вновь

переоделся. Теперь уже в костюм европейского покроя.

Но так действует лидер суверенной Украины, а спросим себя, был ли искренен Борис Ельцин, подписывая вместе с Горбачевым и руководителями республик обращение к парламенту Украины? Последовавшие за этим действия свидетельствуют об обратном. Россия в лице своего президента не только не взяла на себя роль организатора и вдохновителя нового союза, но и фактически перехватила инициативу Украины для его окончательного развала. В Беловежской пуще три «зубра», втайне от других республик и союзного президента, подписали смертный приговор стране.

После путча центральная власть пребывала, мягко скажем, в нерешительности и растерянности. Все органы управления СССР оказались в подвешенном состоянии, в том числе и Съезд народных депутатов Союза. Многие народные депутаты из других республик, а также и России, сложили с себя полномочия, а некоторые, заподозренные в поддержке путчистов, затаились. Союзные министерства не знали, что делать и чем управлять.

3 октября на заседании Совета национальностей Верховного совета России обсуждали вопрос об упорядочении создания и деятельности ассоциаций, концернов, корпораций и других предприятий на территории России. На нем было отмечено, что в России остается чрезмерное число союзных министерств, которые подлежат либо преобразованию в хозрасчетные структуры, либо ликвидации. Горбачев и Силаев все еще пытаются сохранить межреспубликанские экономические связи, но российская власть и власти республик действуют в обратном направлении.

Все понимали, что впереди маячит приватизация, а следовательно, открывается редкая возможность прибрать к рукам лакомые куски. Законодательные органы власти союзных республик шили на скорую руку подобающее данному моменту законодательство. В коридорах парламентов сновали туда-сюда молодые да ушлые ребята с разными предложениями – от организации банков до открытия производства прокладок. Мне запомнился красавец, тщательно постриженный, в неизменно новой белой рубашке, весь сам будто бы отутюженный и положительный на сто процентов. Он несколько раз начинал со мной разговор об открытии банка. Позже выяснилось, что банк все же был создан – «Менатеп», а владельцем его стал Михаил Ходорковский. Значит, с кем-то договорился…

Трагическая ошибка пятого съезда

Путч в значительной мере способствовал укреплению личной власти Бориса Ельцина. Пятый Съезд народных депутатов России, то ли в горячке, то ли с испугу, скоропалительно наделяет его дополнительными, по существу царскими полномочиями, изъятыми из перечня полномочий не только Верховного совета, но и самого Съезда. Логика в подобной щедрости, конечно, была: в условиях возникшей в СССР неразберихи требовалось принимать оперативные решения, на что коллегиальный орган, призванный устанавливать правила, не способен по определению.

В эти дни самый частый гость в кабинете Ельцина – Геннадий Бурбулис. В качестве госсекретаря. Они подолгу обсуждают государственные дела, прежде всего ведут разговоры о формировании нового правительства. Обновлять надо правительство, и прежде всего его экономический блок. Ищите, Геннадий Эдуардович, людей, предлагайте самые неожиданные кандидатуры. И Бурбулис ищет. А пока Ельцин принимает решение возглавить российское правительство. Но дел у него много, поэтому де-факто руководить правительством поручает Геннадию Бурбулису (неконституционная фигура. – *Авт.*).

Сам Ельцин так вспоминает об этом периоде: «Мне нравился не только его (Бурбулиса. – *Авт.)* оригинальный ум, но и умение разбираться в чужих идеях, в чужих концепциях. Он прекрасно знал молодых политиков и практиков своего поколения. Дав ему свободу в выборе новой команды, я, слава богу, не ошибся. Назову хотя бы две креатуры Бурбулиса, двух людей, которых он активно отстаивал и «тянул» в тот период: Гайдар и Козырев». А через две-три страницы мемуаров Ельцин объясняет, почему выгнал Геннадия Бурбулиса: «Не скрою, в какой-то момент я начал чувствовать подспудно накопившуюся усталость – одно и то же лицо я ежедневно видел в своем кабинете, на заседаниях и приемах, у себя дома, на даче, на корте, в сауне… В личных отношениях наступил какой-то предел. Что ж, бывает».

Действительно, бывает… Рассказывали, что в те времена только Бурбулис мог остановить руку Ельцина, тянувшуюся к лишней рюмке. За что Геннадия Эдуардовича ценила супруга Ельцина – Наина Иосифовна. В какой-то момент излишняя опека не понравилась своенравному Ельцину. И – прости-прощай, «великий администратор Сперанский»! Несмотря на то, что и умен, и таких гигантов привел к руководству страной.

У самого Геннадия Эдуардовича в то время был советником некий Алексей Головков, не то секретарь, не то работавший на

общественных началах в Межрегиональной депутатской группе сотрудник. Во всяком случае, он всегда находился в комнате, которую выделил МДГ председатель комитета науки и образования Верховного совета СССР Юрий Рыжов. Обзванивал членов группы, распространял разные письма и документы, в общем, вел техническую работу. До этого он каким-то образом был связан с Домом ученых и, кажется, сам был кандидатом каких-то наук. Этот самый Головков и свел Бурбулиса с Гайдаром и его командой из независимого Института экономической политики.

Как раз в дни поиска новой команды в австрийских Альпах проходил европейский форум, на котором события в СССР вызвали большой интерес. Группа российских экономистов, в частности, П. Авен, С. Васильев, А. Улюкаев, вездесущий А. Чубайс, А. Шохин участвовали в его работе и сформулировали тезис, из которого следовало, что возможности для реформирования союзной экономики исчерпаны полностью (мы еще коснемся этой темы. – *Авт*). А поскольку суверенизация союзных республик неизбежна, необходимо срочно принять программу радикальных экономических реформ, рассчитывая при этом исключительно на Россию. Эти идеи затем командой Гайдара были дополнены перечнем неотложных практических мер и проектов.

С этими документами Бурбулис и Гайдар предстали перед очами Ельцина, возвратившегося из Сочи. Долго гадали, где состоялась эта встреча, в кабинете, на корте или в сауне. Неважно, где, а важно то, что Ельцин, похвалив Гайдара, доверил ему подготовить выступление президента на пятом Съезде народных депутатов РСФСР, посвященном социально-экономическому положению в стране.

Как Борис Николаевич позднее в мемуарах оценивает предложенную Гайдаром и Бурбулисом программу?

«… Я не претендую на то, чтобы говорить о философии экономической реформы. Но хотел бы подчеркнуть некоторые штрихи, особенно важные для меня. Ни одна реформа в России никогда не была доведена до конца. Сделать реформу необратимой – такую цель я ставил перед собой.

… Мощь и сила экономического сдвига должна была совпадать по резонансу с грандиозными политическими изменениями. И вот тогда нас уже не остановить. Тогда вслед за нами обязательно придут другие, которые доделают все до конца, продвинут страну к процветанию.

… Конечно, я не считаю Гайдара доктором, который вылечил нашу экономику. Но и знахарем, который ее окончательно

доконал, не считаю тоже… Роль Гайдара заключалась в том, чтобы резко поднять нашу парализованную экономику, заставить работать ее жизненные центры, ее ресурсы, ее организм. Пойдет – не пойдет? Довольно жестоко. Но необходимо. Пока другие врачи спорили о методах лечения, он вытащил больного из постели. И, по-моему, больной пошел».

Это его признание свидетельствует лишь об одном: он ничегошеньки не понимал в экономике, не задумывался о том, какая внутренняя взаимосвязь в ней существует, что те или иные преобразования влекут за собой появление новых проблем, которые необходимо предусматривать, иначе они могут вызвать новые проблемы, и все закончится трагедией. Требовалась коллективная работа с участием экономистов, придерживающихся разных убеждений, нужна была широкая дискуссия. Но это не для Ельцина, спринтера не только в спорте, но и в государственных делах. Он очень доволен планами Гайдара и юной компании, это не какие-то там Абалкины, Петраковы, Федоровы, Примаковы, осторожные и вдумчивые академики, а молодая поросль, способная за полгода накормить страну, перевернуть экономику, поставить ее на новые рельсы. Народ оценит и то, что за дело взялся внук писателя, которого все знают с детства.

Вторая часть (продолжение) пятого Съезда народных депутатов РСФСР состоялась в конце октября – начале ноября 1991 года. Ельцин объявляет о начале радикальных экономических реформ и формулирует основные этапы конкретных действий. Они полностью, без изъятий повторяют мантры гайдаровской команды.

Из выступления президента на Съезде «Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Именно сейчас определяется, какой будет Россия… в последующие годы и десятилетия, как будут жить нынешнее и другие поколения россиян. Обращаюсь с решимостью безоговорочно встать на путь глубоких реформ и за поддержкой в этой решимости ко всем слоям населения. Настало время принять главное решение и начать действовать. Провал антиконституционного переворота оказался провалом для всей тоталитарной системы, основанной на диктате КПСС и господстве консервативного Центра! Репрессивная система управления опустошила Советский Союз, разрушила его экономику и рассыпалась сама.

В новой ситуации особенно ярко проявились слабость российской государственности и вынужденные просчеты в тактике. Ориентиры и цели были выбраны правильно, немало

сделано по созданию законодательной базы новой России. Но надо сказать откровенно – мы исходили из того, что, пробивая реформы, нам предстоит длительное противостояние сильному центру.

Целый год каждый маленький шаг, даже попытку шага приходилось отвоевывать. После провала путча такая линия изжила себя… Начинать серьезнейшие реформы в совершенно новой обстановке без подготовки было бы верхом безответственности. Чтобы не превратить реформы в авантюру, чтобы не провалить их, нужно было взять паузу. Внести значительные коррективы в нашу тактику, в характер и последовательность действий. Было много встреч со специалистами. Были острые споры, глубокие размышления и сомнения. Теперь все осталось позади. Заявляю, как президент Российской Федерации – сегодня выработаны конкретные меры по осуществлению пакета реформ. Период движения мелкими шагами завершен. Поле для реформ разминировано».

Делегаты Съезда народных депутатов РСФСР принимают постановления «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы». Ельцин получает право: совмещать должности президента и главы правительства; самостоятельно, без согласования с Верховным советом, решать вопросы организации органов исполнительной власти; издавать указы, имеющие силу законов в области экономической реформы.

Так законодательный орган власти совершил акт самоубийства. И даже не почувствовал этого. Такова была вера в лидера, таково было предубеждение к центру, Горбачеву, таково было политическое невежество большинства народных депутатов России.

Весеннее обострение

Раньше всех опомнился Руслан Хасбулатов. На первых порах он пытается сохранить доверительные отношения с Ельциным, оттеснить от него новоявленных «лаборантов», при этом, вероятно, продолжает испытывать чувство признательности за поддержку Ельциным его кандидатуры на выборах председателя Верховного совета. Это удерживает его от резких оценок Ельцина. Но не мешает делать выпады в адрес «завлабов в коротких штанишках»! И в целом в парламенте зреет недовольство мерами правительства. Председатель комитета по бюджету, налогам и ценам парламента Юрий Воронин в интервью газете дал такую оценку деятельности правительства и президента: «Борис Ельцин уже издал немало указов, многие из которых вступили в противоречие с законами. Поэтому идет речь о том, что надо наладить механизм прохождения этих указов через экспертизу президентских структур и комитетов парламента». На вопрос журналиста, как он оценивает правительство, Воронин ответил: «Инсульт с признаками потери речи».

16 января 1992 года Руслан Хасбулатов заявляет:

«Ельцин совершил ошибку. Но нам необходимо защищать институт президентства. Поэтому я говорил с самого начала и повторяю опять: Борис Ельцин совершил большую ошибку, возглавив правительство. Мы в парламенте тоже совершили ошибку, когда наделили президента правом назначать правительство. Я остаюсь близким сторонником и соратником президента. Но сейчас мы намерены изменить закон так, чтобы правительство и его структура обязательно обсуждались и одобрялись парламентом».

В ответ на намерения парламента скорректировать полномочия президента его сторонники нагнетают обстановку.

Шахрай подал в отставку

«Российская газета», 19 октября 1991 год.

«Считаю трагической ошибкой решение парламента отказать президенту в перенесении сроков выборов глав администраций. Это означает, по существу, вето парламента на проведение экономических реформ, а также переход парламента в оппозицию к главе исполнительной власти».

Шахрай, председатель парламентского комитета, и он же – госсоветник у президента, складывает с себя полномочия председателя комитета по законодательству и члена президиума парламента и на другой день …получает должность вице-премьера в правительстве. Его демонстративная отставка – начало процесса перетягивания приемлемых для Ельцина депутатов в президентские и правительственные структуры, который завершится в день расстрела парламента. В администрации президента посчитали: к сентябрю 1993 года из парламента было «изъято» 315 депутатов. В кого-то (большинство) стреляли, а этим давали кресла. При этом, разумеется, учитывали степень лояльности. Постыдные поступки «перебежчиков» нельзя квалифицировать иначе, как предательство избирателей.

В феврале 1992 года Хасбулатов совершает рабочую поездку в Тюменскую область. В Мотостроительном производственном объединении ему задают прямой вопрос: «Почему при таком неотработанном механизме правительство все же начало проводить реформы?». Да, отвечает он, я чувствую свою личную ответственность. Верховный совет, на мой взгляд, поступил неправильно, отдав все полномочия по формированию правительства президенту. Верховный совет не посягает на полномочия президента. Они большие, и это правильно. Однако обстоятельства сложились так, что функции по формированию правительства взяли на себя лица из его окружения. С этим парламент не может согласиться. Потому что новая команда готова проводить и уже проводит эксперименты над народом. Прежде всего это касается цен. Ни в одной стране, включая развитые страны Запада, нет таких как у нас свободных цен. А мы в нынешней обстановке не в состоянии контролировать производителей в сфере ценообразования. Каждый делает то, что захочет…

Хроника. Свободные цены – цена свободы. Сообщают корреспонденты газеты и читатели

«Российская газета», январь 1992 года.

Валерий Крылов. «Вчерашняя пробежка по магазинам подмосковных Мытищ практически ничего не дала. Работники магазинов оказались мудрыми людьми: магазины просто не открылись. Какие-то из них закрылись якобы на учет, другие оказались запертыми без объяснений причин. Особенно огорчило покупателей то, что с утра не торговали хлебом. А ведь его не было уже два дня. Под вопросом оказался и привоз молока».

Валентина Чернега. «Как в ледяную воду вхожу в универсам № 77 Черемушкинского района Москвы. Но что делать: надо. В магазине есть хлеб без очереди, но в три раза дороже. Цены на масло – 120 рублей. И стоит с утра огромная очередь за ним. Спрашиваю бабулю, стоящую в очереди: «Цены не смущают?». «Бери, доченька, – отвечает. – Еще дороже будет». И за мясом по цене 26 рублей (до либерализации – около 4 рублей. – Авт.) – очередь, правда, поменьше,

Анатолий Усольцев. «Напрасно дергаю двери булочной, что на углу проспекта Ленина и улицы Пушкина в Челябинске. В 8 часов утра 2 января закрыта, хотя обычно открывается в 7. В магазине «Диета» пшеничная булка стоит 3 рубля 70 копеек, «кирпич» – 2 рубля. На сельскохозяйственном рынке 31 декабря торговали мясом по 60 рублей за килограмм, 2 января продавцов нет. Готовят сюрприз. Говорят, цену на мясо частник и колхозы поднимут до 120 рублей».

Из писем читателей. «На Инвалидном рынке (бывшем Ленинградском) картошка по 50 рублей! Колониальными товарами тут же торгуют. Мандарины – 25–30 рублей. За апельсины из Египта у метро берут по червонцу. А картошка – 50. Беспредел!»

Москва. На сегодняшний день колбаса отсутствует в 700 магазинах, сахар в 600, масла растительного нет в 800 торговых точках, а яиц – в 900. За 11 месяцев 1991 года в столицу недопоставлено 170 тысяч тонн мяса, около 500 тысяч тонн молочной продукции, более 400 тысяч тонн сахара. Вице-мэр Москвы Юрий Лужков временно ограничил вывоз товаров из столицы.

Новгород. «Я остановлю мясокомбинат» – такое заявление

сделал директор производственного объединения мясной промышленности «Новгородское» Владимир Некрасов. По его мнению, рост розничных цен вызван эгоизмом производителей, беспредельно завышающих отпускные цены. Добиться этого он рассчитывает благодаря бойкоту поставщиков мяса. «Я остановлю комбинат на две недели, и посмотрим, что они будут делать со своим мясом». Благодаря этому он обещает снизить цены на мясо до 70 рублей, на колбасы – с 400 рублей до 140.

Биробиджан. Продовольственные магазины города дружно отказались принимать продукцию местного молочного комбината. Причина в том, что комбинат запросил неслыханные цены: 70 рублей за килограмм творога и 115 рублей за сметану. Дирекция комбината не растерялась и направила свою продукцию в Комсомольск-на-Амуре.

В Ульяновск самолетом из Саратова прибыл президент Борис Ельцин. Местные газеты вынесли сообщения об этом на первые полосы. Областная газета «Слово молодежи» первополосную новость сопроводила таким заголовком: «Хлеб да соль, Борис Николаевич, по новой цене».

Санкт-Петербург. Здесь президент Борис Ельцин лично узнал о первой реакции населения на политику шоковой терапии. Теперешнее положение России он назвал самым тяжелым со времен войны. Причины нынешнего состояния он видит в том, что союзное руководство не решалось на экономическую реформу в течение 7 лет. И вообще, эту «яму» рыли 74 года, дополнил он. Он также считает, что цены завышают торги (торговые сети, по-нынешнему. – *Авт.*).

В Нижнем Новгороде молокоторг выбросил на прилавки масло по 208 рублей при себестоимости 28 рублей. Президент оценил настроение так: народ стиснул зубы, но все-таки поддерживает реформы и готов потерпеть 6–8 месяцев.

Смертность в России превысила рождаемость. Резко снизилась средняя продолжительность жизни: в Курской области она достигает 43 лет, в Псковской – 41 год. По мнению ученых, одним из факторов регресса явился растущий алкоголизм. В России зарегистрировано около трех миллионов алкоголиков. Но цифра эта значительно занижена, так как не все люди обращаются за помощью к медикам и встают на учет. К тому же эта цифра не включает 20,5 миллиона тех, кто находится в пограничном состоянии: еще не алкоголики, но уже и не просто выпивохи. Только за последний год 96 тысяч детей остались без попечения родителей, лишенных родительских прав. Более 73 процентов школьников хотя бы раз в жизни попробовали алкоголь. За систематическое употребление спиртного на

наркологический учет в 1991 году поставлено 17 тысяч школьников и 45 тысяч учащихся ПТУ.

Были и другие письма, и их содержание и настрой свидетельствуют о великом терпении русского человека. Н. Ангарская из Дивногорска Красноярского края пишет: «Нас то и дело запугивают то холодом, то нищетой, то войной. Не возьму в толк, почему все средства массовой информации стонут: мы бедные, мы несчастные, мы голодные. Стыдно за них. В прошлом я преподавательница, ныне – пенсионерка. Со всеми дотациями пенсия моя пока составляет 213 рублей. Но в запасе я имею килограммов десять вермишели, по три килограмма гороха, ячневой крупы, пшена. Это почти десять килограммов. Так что концы с концами свожу. Считаю, жить скромно и экономно можно».

Воробьёв, ветеран труда из Москвы, еще более оптимистичен: «В стране кризис, жить всем тяжело. И как можно в такой ситуации, например, шахтерам требовать ежемесячную зарплату в 17 тысяч рублей, а в случае отказа не давать угля? Зачем же, уважаемые, усугублять и без того бедственное положение, ведь без угля встанет вся промышленность, остановится жизнь народа! Послушайте, я получил сегодня 456 рублей пенсии вместе с дотацией и думаю на эти деньги совсем неплохо прожить. Как? Да вот прикиньте: 1. Оплата квартиры, телефона – 50 рублей; 2. Зарплата сторожу на садовом участке – 10 рублей; 3. Кредит за садовый участок – 10 рублей; 4. лекарства – 10 рублей. ИТОГО: 80 рублей. Далее: 1. Хлеб по 2 рубля в день – 60 рублей; 2. Масло постное – 10; 3. Мясо – 75; 4. Рыба – 45; 5. Картофель – 40; 6. Яйца – 15; 7. Макароны – 12; 8. Сахар – 31. ВСЕГО получается 368 рублей. О колбасе, сыре, сосисках, сливочном масле можно временно забыть. Ничего не случится. И хватит ныть, просить, бастовать. Надо работать, бороться с трудностями, как полагается истинному россиянину».

Непонятно, как рассчитал ветеран труда собственный прожиточный минимум. Например, месячное потребление мяса ограничил 75 рублями, а это всего лишь один килограмм, то есть 30 граммов в день. Столько же рыбы, картофеля…

На самом деле ситуация была зловещей. Власть в обмен на согласие народа (по заключению социологов) на либерализацию цен гласно обязалась повысить минимальный размер оплаты труда в 1,75 раза (до 342 рублей), при этом сохранить регулируемые правительством цены на основные потребительские товары и услуги, а также защитить пенсионеров и не по своей воле неработающих членов общества. Люди поверили и «подписали» негласный договор. И приведенные выше письма

подтверждают готовность людей потерпеть. Более того, они осуждают тех, кто «паникует, прибедняется», требует «космическую» зарплату. Как же выполнило свои обязательства правительство?

Правительство обещало, что услуги связи подорожают в среднем в три раза, а подорожали они в пять. Правительство обещало защитить пенсионеров, рассчитывая ранее установленные пенсии с учетом современных заработков и уровня цен. Но и это обязательство не выполнено, и пенсионеры получают «дорыночные» пенсии (президент СССР Горбачев, кстати, тоже попал в эту ловушку и долгое время получал ранее назначенную пенсию в 200 рублей, когда средняя зарплата исчислялась уже в тысячах и десятках тысяч рублей).

А что означала та минимальная зарплата в 342 рубля в то время? Что она «стоила»? 4 марта 1992 года Центральный банк России опубликовал в «Российской газете» курс валют. Рыночный курс доллара США составил 90 рублей. Следовательно, минимальная зарплата составляла менее …4 долларов. Впрочем, это мало о чем говорит «простому» человеку. Он видит ценники в магазине и делит зарплату в рублях на эти цены. И испытывает обещанный правительством Гайдара шок. Без всякой терапии.

Николай Самохин, кандидат экономических наук, в статье ««Дорыночные» пенсии в базарный день» («Российская газета», 4 марта 1992 года), оценивая бюджет на первый квартал 1992 года, заключает свою статью словами: «Вьюги да метели под февраль налетели. Именно так оно и случилось в социальных отношениях. Февраль напомнил, что без денег на базар не ходят. Существует по меньшей мере пять категорий россиян, положение которых продолжает ухудшаться: дети, подростки, учащаяся молодежь, нетрудоспособные инвалиды, неработающие ветераны. Без малого половина населения. Та его часть, нужды которой не учли при составлении российского бюджета на первый квартал 1992 года».

Что остается людям? Им остается сравнивать «советскую» жизнь с «капиталистической», задумываться над мерами ценностей, которые они теряют и которые приобретают. Ход размышлений незатейливый. Что приемлемее: очередь за молоком за 24 копеек за литр или без очереди тот же литр молока за 24 рубля? Человеку, которому ничего не стоит съездить на Канары (а такие уже появились), ничего не стоит и литр молока за 24 рубля. А пенсионер задумывается.

Люди начали размышлять и делать выводы. А выводы такие: советская власть была озабочена в первую очередь базовым благосостоянием граждан (дешевые продукты питания, простенькая одежда, простенькое жилье, простенькая база отдыха,

дешевая электроэнергия, бесплатное медицинское обеспечение и образование). И мало уделяла, а то и вовсе не уделяла внимания производству престижных товаров. Заметим, именно в 80-е годы, когда базовое благосостояние достигло максимального удовлетворения, началась массовая охота за престижными товарами (джинсы, магнитофоны, итальянская обувь). И разве случайно в правительстве оказались фарцовщики и апологеты Запада? Что-то в голове советского человека тогда перевернулось: базовые товары потеряли ценность (что имеем, не храним?).

Отступление. Откуда взялась «голубая кровь»

Не праздный вопрос: откуда взялась в тоталитарном, по утверждению наших либералов, государстве огромная стая продвинутых людей – запредельных демократов, бизнесменов, правозащитников, радикальных политиков? Скажут: выросли на кухнях в малогабаритных квартирах. А если предположить, что не только там, но и в вузах, в комсомольских комитетах, на старинных, бывших дворянских дачах?

Мне запомнился телевизионный репортаж с митинга либералов, собранного Гайдаром и его сторонниками осенью 1993 года, на котором прозвучал страшный призыв моего коллеги, журналиста, активно сотрудничавшего с «Российской газетой» (имя покойного называть не стану). Он прокричал: «Задавить эту гадину!». Коллега имел в виду избранный народом российский парламент. Потом выступил совсем молодой человек, говорил сбивчиво, но тоже с напором. Они думали, вопил он, что мы им позволим как в 1917 году ограбить страну. Теперь им это не удастся!

Этот имел в виду уже большевиков и отнятые ими у собственников заводы, фабрики, пароходы. Я и тогда, и спустя более четверти века задавал и задаю себе вопрос: откуда взялся этот малец, как и в каком по счету поколении удалось ему сохранить ярость деда, а то и прадеда? И как ему наверняка трудно жилось в состоянии постоянной раздвоенности! Или это особый вид конформизма, сидящий в человеке так глубоко, что он сам до поры до времени, до особого момента не знает о его существовании?

Однажды в командировке оказался в одном номере гостиницы с инженером из Москвы. Служил он в системе так называемого среднего машиностроения, а догадался я об этом потому, что пребывали мы с ним в секретном городе – в Краснокаменке Читинской области.

Зачем инженеру ехать из Москвы в такую даль и на такое предприятие, если он не трудится в министерстве среднего машиностроения, проницательно подумал я. И не задавал ему никаких вопросов. Заговорил он сам. Но не об уране и способах его обогащения, а о московской «голубой крови». О детях больших московских начальников, об их гульбе и разврате, дорогих заграничных машинах, о том, какие тряпки на них, и какая обувь. Говорил зло. И мне показалось, с завистью.

Постсоветская «золотая молодежь» вышла как раз из среды завистливой интеллигенции, сосредоточенной в основном в столице. Из тех, у кого папы и мамы достигли больших высот, но не дотянули до вершин. Не дотянули не потому, – так считали они, – что были глупее или менее талантливы, а потому что так звезды сошлись. Между собой они посмеивались над правителями страны, судили о том, какое они ничтожество, как бы невзначай, ненароком похваливая друг друга и рассуждая о том, как бы умно они управляли страной, доведись им оказаться наверху.

Эта «золотая молодежь» и явилась той закваской, которая подняла российское ленивое тесто. И тесто в конце 80-х поперло из берегов.

Гайдар и его команда – типичные представители «золотой молодежи». Их особенность в том, что они благодаря своим отцам, занимавшим на иерархической лестнице советского общества промежуточное положение (между высшим руководством страны и уже довольно обширной советской интеллигенцией – профессурой малопрестижных институтов, научными работниками многочисленных НИИ, не говоря уж об огромной армии инженеров, учителей, медиков) благодаря им, отцам, получили хорошее образование, имели возможность читать то, о чем рабоче-крестьянский интеллигент и не подозревал, общаться с неординарными людьми.

Однако, в отличие от отцов и дедов, они совершенно не знали народа. Это поколение – дети Арбата, переполненные спесью, брезгливые ко всему, что просто, народно и одето не в джинсы, равнодушные к чужим страданиям, поскольку им не выпала эта доля – жить в бараках, спускаться в клетях за углем и золотом, рубить лес на делянах в тучах гнуса, пасти стада в безводных степях, наконец, преподавать в плохо отапливаемых школах и лечить старух в малоприспособленных кабинетах. Они не только не видели этого, но и не догадывались о том, как живется народу.

Это, в общем-то, не вина их. Это вина отцов и среды, в которую отцы погрузили их. Там царила болезненная ревность к карьерным продвижениям, научным и творческим успехам даже представителей своего, элитного круга. Но особенно они ненавидели высшую партийную и советскую власть. Ненавидели втайне. И, кстати, не за то, что те строят не капитализм, а социализм, а за то, что строят социализм неправильно, не по Марксу.

Каким-то загадочным образом они утратили и дух своих отцов. А утратив дух, стремительно скатились в материальный мир, где мораль и нравственность перестали быть ценностью.

Как и почему это произошло? Ведь что бы ни говорили о стране последней четверти двадцатого столетия, как бы ни пытались превратить ее в «империю зла», а люди-то в основном жили в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма – слепка с Нагорной проповеди. Я не знаю ответа. Лишь одно приходит на ум: червь заводится в экологически чистом яблоке…

Моя семья жила в конце 1991 года в Архангельском – дачном правительственном поселке. Коттедж был двухэтажный. До меня в нем жил Явлинский, когда был заместителем председателя правительства Силаева. Не в оправдание, а истины ради скажу, что квартира у нас в то время была в Медведкове, двухкомнатная. А в семье семь человек: кроме меня – жена, двое сыновей, их жены и внук. Вот мне и предложили временное жилье в Архангельском. Там такой порядок: за каждым коттеджем закреплена работница, которой вменялось в обязанность проводить ежедневную уборку и приносить из столовой заказанные продукты и, при желании проживающих, готовые блюда. Столовая находилась от нас в десяти шагах, можно было бы поесть и там, но она не приспособлена для этого: там только готовили, а не столовались.

Работница исполняла лишь вторую обязанность, а уборкой по моей просьбе занимались жена и невестки сами. Может, поэтому горничная была весьма расположена к нам, с доверием относилась, бывало, и сплетничала. Однажды она не пришла в обычное время. Оказалось, ее и еще несколько работниц направили в квартиру Чубайса убраться после ремонта. «Ну и квартира! – качала головой тетя. – Двухкомнатная, а как аэродром. На потолке висят люстры миллиона на два».

В другой раз жаловалась на то, что ночью не сомкнула глаз. Дело было 7 ноября. Не успела отметить праздник дома, как вдруг получает приказ идти в коттедж какого-то министра (не помню) и прислуживать там. Собралась вся гайдаровская гвардия. «Выпили, поели, а потом стали петь песни, – рассказывает горничная. – И все – революционные. Но как-то не по-нашему поют, вроде как бы с шуткой или издевкой. Перепились, переблевались, разбросали все. Жена (называет фамилию министра) на четвереньках ползает по ковру и кричит: «Ну, кто-нибудь, наконец, возьмет меня?!». Прямо ужас какой-то, раньше такого не было. Это что же за демократия такая? Мы у них сегодня до восьми часов утра все чистили».

Я попытался смягчить ее рассказ.

– Ну, что делать, праздник, повеселились, перебрали… Вы вон жалуетесь, что и у вас муж чуть ли не каждый день пьет.

Рассказчица внимательно посмотрела на меня, покачала головой.

– Не, – сказала, – не… Они как-то по-другому пили и веселились. Не по-нашему. Они вроде…на чертей похожи. Вроде бы кого из своих женили или замуж кого из своих выдавали.

Что-то напомнило мне ее рассказ. Ах, да, сказку «До третьих петухов» Василия Макаревича Шукшина. Ваню-дурака персонажи русской литературы отправляют к Мудрецу за справкой, удостоверяющей, что он не дурак. Бедная Лиза, инициатор этого путешествия, даже собирается выйти за него замуж, если он добудет такую справку.

И вот идет Ваня, ночью не зная куда, подходит к монастырю, видит, тот осажден чертями. Все – в модных шмотках, пьют коньяк, закусывают шоколадом и сервелатом, поют под гитару. Словом, балдеют. А может, какой-то свой праздник отмечают. А цель у них, оказывается, одна: проникнуть в монастырь. Надоело скитаться близ Кремля …то бишь близ монастыря, желают поселиться в кельях. Но – стоит верзила-охранник, с пикой, суровый, неприступный. То ли на Суслова, то ли на Лигачева похожий. Ясно – не пустит. А перед этим Ваня встретился с Медведем, тот и сказал, что черти те бедовые, курить-пить его научили, он даже Медведицу по пьянке отмутузил. И, мол, только они, черти, и сумеют вывести Ваню на Мудреца.

И Ваня посоветовал (чего не сделаешь, чтобы добыть справку о том, что ты не дурак!) чертям, как усыпить бдительность охранника. Те спели ему (ах, как они пели!) песню «По диким степям Забайкалья», услужливо подливая охраннику вина. И когда охранник, всплакнув от душевной тоски по родине, захрапел, вошли черти в …монастырь. Свободно, без драки и зуботычин. Выгнали из келий монахов, живописцев их заставили писать иконы со своих образов. Монахи повозмущались тихо, пороптали (еще тише), разложили мольберты и стали писать иконы с чертей.

Перечитывал я Василия Макаровича, и так живо представились кремлевские коридоры, коридоры на Новой площади, на Набережной. И стук стоит… Даже не стук, а этакий стукачок. Стук-стук… Стук-стук… Так и стучат, так и стучат копытцами.

У каждого есть своя правда

Команда Гайдара многими воспринималась как чудачество президента. Мне довелось быть свидетелем первого заседания правительства, которое вел уже Егор Гайдар (Бурбулиса ребята быстренько отодвинули в сторону). Не помню, какие вопросы обсуждали, а концовку запомнил. Гайдар с характерным причмокиванием обратился к министрам: «Друзья, давайте условимся: полгода не поднимать вопросы личного порядка – квартир, машин и прочего. Поднимем Россию с колен, тогда займемся и этими проблемами». То есть на подъем страны с колен оптимист отвел всего лишь полгода. В три раза меньше, чем Явлинский отвел на экономическую реформу («500 дней»).

Мы вышли из зала заседаний втроем: Полторанин, Козырев и я. По дороге в буфет Козырев обратился к Полторанину: «А что он имеет в виду, говоря о квартирах? У меня мама старенькая, одной жить тяжело и опасно. Хотели сдать ее и мою квартиру и переехать в другую, попросторнее». Полторанин с крестьянско-интеллигентским пренебрежением ответил: «Да пошли ты их …».

Как-то члены правительства получили телеграфное извещение об очередном заседании правительства. Был выходной день. Подъезжают один-второй-третий участник намеченного заседания. На улице нас встречает вежливый милиционер и объявляет, что заседание отменено. Возмущаемся: почему не уведомили? Пропал выходной день.

Все выяснилось на следующей неделе. Оказывается, собрался узкий теплый кружок министров, заказали самолет и с женами и детьми на выходные дни улетели в снежные горы Австрии. Так устали поднимать Россию с колен, что решили набраться сил на горных склонах альпийских гор, побаловаться заграничными винами.

Ельцин назначил Егора Гайдара заместителем председателя правительства РСФСР по вопросам экономической политики 6 ноября 1991 года. Забавна реакция на это назначение отца Егора Гайдара – Тимура Аркадьевича, контр-адмирала и журналиста-правдиста по совместительству: ну, коли моего Егорку призвали в правительство, посетовал он, то у России, действительно, дела плохи. В словах старшего Гайдара можно усмотреть двусмысленность, но по свидетельству коллег Тимур Аркадьевич имел в виду как раз то, что если уж дело дошло до «Егорки», то стало быть в России с кадрами дело действительно швах.

Разумеется, было бы неправильно сваливать все на Гайдара. Он получил тяжелое наследство. В конце 1991 года инфляция

выросла до 25 процентов в неделю. Выяснилось, что официальные золотые резервы СССР составляют всего 240 тонн. К тому же Россия оказалась …без границ. Так случилось потому, что пограничные заставы, таможня СССР оказались не на территории России. И много месяцев экспортные налоги и таможенные сборы вообще не взимались. Распад советской рублевой зоны вызвал приток денег из республик, он не позволял планирование их объем.

У каждого есть своя правда. Правда есть у Ельцина, который получил от Съезда карт-бланш. Но правда есть и у законодателя, который не имеет права позволить исполнительной власти действовать без оглядки на представительную власть. Единоличное формирование правительства вызвало и недоумение, и тревогу, и обиду. Еще вчера Ельцин, председатель Верховного совета, перетянул всю власть в законодательный орган, превратив правительство в послушное собрание чиновников, а теперь не считается со Съездом и парламентом. Это могло свидетельствовать лишь об одном: власть должна находиться там и только там, где в данный момент находится Борис Ельцин.

О кадровой неразберихе, устроенной Ельциным, свидетельствуют его спорадические действия в отношении того же самого Гайдара: с 11 ноября 1991 года Гайдар занимает пост министра экономики и финансов РСФСР, с 19 февраля по 2 апреля 1992 года – министра финансов, со 2 марта по 15 декабря 1992 года – первого заместителя председателя правительства, с 15 июня по 15 декабря 1992 он – исполняющий обязанности председателя правительства.

С первых дней своей деятельности реформаторы заговорили о том, что в стране полная экономическая разруха, что довели ее до такого состояния коммунисты и Горбачев. Старшее и среднее поколения готовы подтвердить такие оценки, поскольку помнят пустые прилавки магазинов. Но в то же время оценка реформаторов никак не согласуется, например, с данными американских экономистов (Soviet Economic Structura and Performance), которые сравнили показатели экономического развития СССР и США в 1987 году. Вот их цифры: ВВП СССР – 2375 млрд долларов, ВВП США – 4436 млрд; ВВП на душу населения: СССР – 8363 доллара, США – 18180; произведено зерна – СССР 211 млн тонн, США – 281; молока: СССР – 103 млн тонн, США – 65; картофеля: СССР – 76 млн тонн, США – 16. СССР опережал Америку по добыче нефти, газа, угля, чугуна, цемента, железной руды, но уступал в производстве электроэнергии, пластмасс, автомобилей, грузовиков, строительстве жилья (СССР

– 129 млн квадратных футов, США – 224). То есть СССР отстает, но отстает примерно в два раза. Это же подтверждает и сопоставление среднегодовых доходов на душу населения в международных долларах в 1988 году: СССР – 7000, США – 14100.

Куда же все это делось? За каких-то два-три года вдруг не стало молока, картошки, хлеба, а то, что выставляли на полки магазинов, подорожало в десятки и сотни раз.

Простой человек ведь считает не так, как умел считать Гайдар. Он берет листок бумаги и пишет на нем цифры: 24 копейки – 65 рублей, 120 рублей – 14000 рублей. И делает арифметические действия. Раньше, рассуждает, я за рубль мог купить 4 литра молока. Умножает 120 рублей (пенсия) на 4 литра и получает 480 литров в месяц. Затем 14000 рублей (пенсия) делит на 65 рублей (цена литра молока) и получает 215 литров. И так во всем! Хлеб, мясо, рыба, лекарство… За исключением водки. Раньше он на пенсию купил бы 40 бутылок, а сегодня 60. И налив очередную рюмку, восклицает: «Спасибо, родное капиталистическое правительство, за заботу!».

Апологеты Гайдара, равно как и его противники и недоброжелатели, едины в одном: Егору Тимуровичу в кратчайший срок многое удалось сделать. Но оценки тех и других противоположны.

По мнению одних, в рамках «шоковой терапии» были начаты рыночные реформы экономики, проведена либерализация розничных цен, введена свобода внешней торговли, начались приватизация, аграрная реформа и реструктуризация ТЭКа. Созданы налоговая система, таможня, банковская система, финансовый рынок.

Другие считают его ответственным за то, что реформы породили чудовищную гиперинфляцию, обесценивание сбережений населения, спад производства, резкое одномоментное снижение уровня жизни большинства населения, рост дифференциации доходов.

А вот как характеризует социальное и экономическое состояние России в годы правления правительств Гайдара и Черномырдина экономист-оппозиционер Андрей Илларионов, который в те годы консультировал экономический блок правительства. Приведенные им цифры и сегодня вызывают оторопь и удивление: как же удалось стране и народу выжить?!

«Объем частного потребления на душу населения в 1998 году был на 42 процента ниже, чем в 1991-м. А это свидетельствует о беспрецедентном обнищании жителей России. Резко выросла социальная дифференциация населения. Даже по официальным (и очень неполным) данным квинтильный коэффициент

(отношение доходов пятой части населения с самыми высокими доходами к доходам пятой части населения с самыми низкими доходами) вырос с 2,6 раза до 7,8 раза. При том, что располагаемые денежные доходы в среднем упали на 48 процентов, а доходы пятой части самых бедных граждан рухнули на 74 процента.

В 1992 году число безработных в России по методологии МОТ составило 3,9 миллиона человек, а к 1998 году оно выросло более чем вдвое – до 8,6 миллиона.

В 1991 году в России родилось 1795 тысяч человек, а в 1998-м – на 512 тысяч меньше. За тот же период число умерших увеличилось на 300 тысяч человек – с 1691 тысячи в 1991 году до 1989 тысяч в 1998-м. За семь лет (1992–1998 годы) суммарное число умерших (14,5 миллиона человек) почти на 5 миллионов превысило число родившихся (9,6 миллиона).

Потребление населением почти всех продуктов питания существенно сократилось. В 1991 году в России на душу населения было потреблено мяса – 65 килограммов, а в 1999-м – 47, молока – соответственно 348 литров и 194 литра, яиц – 229 и 199 штук, фруктов и ягод – 35 и 22 килограмма, овощей – 87 и 81.

Сторонники Гайдара и сегодня в число его достижений включают то, что он якобы начал рыночные реформы. Но ведь это не так. Закон СССР об индивидуальной трудовой деятельности был принят задолго до Гайдара – 11 ноября 1986 года, закон СССР о кооперативах – 26 мая 1988 года, закон СССР о собственности – 6 марта 1990 года, закон СССР о предприятиях – 4 июня 1990 года, закон СССР о банках и банковской деятельности – 11 декабря 1990 года. В стране были уже сотни тысяч, если не миллионы частных предпринимателей. Таким образом, к легализации частного предпринимательства, появлению класса частных собственников, приватизации гражданами квартир, введению конвертируемости рубля, к свободному выезду за рубеж, свободным выборам, свободной прессе правительство Гайдара никакого отношения не имело. А вот за годы деятельности правительств Гайдара и Черномырдина российский ВВП сократился почти на 40 процентов, а промышленное производство – на 50.

За семь лет кумулятивный рост цен в России составил 4475 раз. Объем внешнего долга страны в 1991 году составлял 68 миллиардов долларов, а его отношение к ВВП составляло чуть больше 12 процентов, в 1998 году размер внешнего долга вырос почти до 156 миллиардов, а его отношение к ВВП – до 58 процентов.

Но наиболее трагическую иллюстрацию разрушения

правопорядка и справедливости представляет собой, по мнению экономиста, колоссальный рост числа убийств в России. В 1991 году жертвами убийств были 22,6 тысячи человек, в 1998-м – 33,6 тысячи. В 1993–1995 годах в стране ежегодно убивали по 45–48 тысяч человек».

Как же не удивляться тому цинизму, с которым ошметки ельцинской команды и сегодня выходят на белый свет и пытаются убедить людей, что именно они спасли Россию, поставили ее на верные рельсы, за что люди обязаны их благодарить и славословить? Нет предела лукавству и бесстыдству!

Эксперименты правительства

Пятый внеочередной Съезд знаменит еще и тем, что если не учитывать перерыв в его работе, то депутаты заседали с 10 июня по 2 ноября 1991 года – в два этапа. Вторая часть съезда состоялась 28 октября – 2 ноября 1991 года, то есть спустя два месяца после ГКЧП. Потрясение, испытанное страной и народом, к тому времени уже несколько спало, а многие продолжали испытывать восторг от поведения российской власти, прежде всего действий недавно избранного российского президента Бориса Ельцина. На этой волне и депутаты расщедрились, предоставив президенту дополнительные полномочия на 13 месяцев, о чем было уже сказано.

Беда, однако, в том, что президент воспринял этот временный «подарок» как личную неприкосновенную собственность и тут же полностью исключил учет мнения парламента при решении таких важнейших вопросов как подходы к экономической реформе и государственному устройству. Именно эти две темы стали центральными в противодействии властей уже в конце 1991 года, когда страна испытала на себе первые эксперименты правительства Ельцина-Бурбулиса-Гайдара. Всполошился не только парламент, но и общественные движения, партии, известные экономисты.

Одно из решений правительства, которое вызвало протест людей и парламента, – отмена государственного регулирования цен. Правительство объясняло это решение тем, что дефицит валютных резервов не оставляет другого выхода. Необходима была либерализация внешнеэкономических связей, благодаря чему можно было быстро наполнить рынок продовольственными товарами. Это означало допуск на внешний рынок товаров и услуг частных игроков. Но вот вопрос: а откуда взялись деньги у частных игроков? Ответ известен: своим людям отдавались материальные ресурсы (нефть, металл, удобрения, уголь и прочее), они продавали национальный продукт на международном рынке по дешевке и покупали окорочка и прочую несъедобную снедь. Так насыщался рынок продовольствия и одновременно формировался первичный капитал.

Несмотря на протесты (23 февраля 1992 года в Москве состоялась массовая – несколько десятков тысяч человек – демонстрация против начавшейся либерализации цен), правительство принимает постановление, в соответствии с которым свободными становились 90 процентов оптовых цен и около 80 процентов розничных. Правительство успокаивает

народ: в течение года произойдет всего лишь трех-четырехкратный рост цен. А что произошло на самом деле? Перед нами предстает страшная картина.

Цитата. Цены растут, зарплата отстает

Статистические данные по состоянию на январь-май 1992 года. Печатаются фрагменты.

Небывало подорожали все товары народного потребления. В январе-мае цены на товары потребительского рынка возросли почти в 8,7 раза. В том числе на продовольственные товары в 8,5 раза, непродовольственные – в 9,2 раза. За пять месяцев население потратило на приобретение товаров 676 миллиардов рублей, что в 4,9 раза больше, чем за тот же период 1991 года. Однако физически масса товаров сократилась на 44 процента. Примерно 89 процентов товарооборота получено за счет роста цен. В мае по отношению к декабрю 1991 года цены на мясо, птицу, колбасные изделия, сливочное масло, сыр, сахар, кондитерские, макаронные изделия в целом по России выросли в 6–9 раз. Покупательская активность населения заметно снизилась. В январе-мае 1992 года мяса, колбасных изделий, сахара, рыбы, маргариновой продукции, яиц было куплено почти в два раза меньше, чем за тот же период год назад, фруктов – на 42 процента, овощей – на 25, картофеля – на 18 процентов меньше.

Реализация непродовольственных товаров резко замедлилась. Люди приобрели в 1,5–2 раза меньше одежды, белья, кожаной обуви. Многие товары сложного технического ассортимента попали в группу труднореализуемых. Так, в Туле, Самаре, Владикавказе, Кемерово, Омске, Магадане не находят покупателя холодильники, цена которых 20–26 тысяч рублей. В Тамбове, Элисте, Краснодаре, Новосибирске, Тюмени, Южно-Сахалинске не покупают цветные телевизоры (цена 19–24 тысячи рублей). В Абакане, Кызыле, Владивостоке не покупают электроутюги (цена 742-1062 рубля). Наиболее чувствительно либерализация цен сказалась на продукции детского ассортимента. Цены на детскую обувь выросли в 8-10 раз, а на некоторые виды более чем в 20 раз. Цены на школьные платья выросли более чем в 15 раз.

Об уровне жизни ярче всего свидетельствует соотношение цен и заработной платы. Средняя зарплата по России – 3024 рубля, телевизор стоит от 12 до 31 тысячи рублей. То есть на покупку цветного телевизора надо работать семь месяцев. На покупку холодильника – восемь месяцев. В мае за американский доллар дают 130 рублей 30 копеек. То есть средняя месячная зарплата составила 23 доллара.

На этом фоне «Российская газета» провела социологический

опрос о доверии населения к Ельцину и правительству. И хотя по сравнению с июнем 1991 года (тогда состоялись выборы президента) рейтинг Ельцина снизился на 24 пункта, он оставался самым популярным и авторитетным политиком. Правительству же полностью доверяли лишь 12,3 процента, доверяли, но не очень – 72 процента, причем 28,1 из них совершенно не доверяли. Процент доверия, как видим, необычайно высок на фоне инфляции, которая составляла до 25 процентов в неделю. Такую оценку дало население, но уровень поддержки правительства среди депутатов был иной: лишь 130 депутатов полностью поддерживали правительство, частично – 266, не поддерживали 653, из них непримиримую позицию к правительству занимали 483 депутата.

Накануне зимы 1991–1992 года большинство республик, краев и областей России столкнулись с угрозой паралича систем жизнеобеспечения и критической нехваткой товаров массового потребления. Люди все это видели, тем не менее надеялись и на Ельцина, и на его новое правительство.

И в этих условиях Ельцин объявляет о начале радикальных экономических реформ и о своем выборе главного реформатора – Егора Гайдара. Решительно отодвигает в сторону парламент и Съезд. Натыкается на недоумение депутатов.

Мог ли быть потушен конфликт в зародыше? Мог. Только для этого требовались мудрость и уравновешенность. Ведь Ельцин имел все доказательства лояльности парламента и Съезда к себе. Этот Съезд избрал его председателем Верховного совета РСФСР; этот Съезд объявил референдум о введении поста президента в России и выдвинул его кандидатуру на выборах; этот Съезд полностью солидаризировался с ним в действиях во время путча; этот Съезд, наконец, наделил его чрезвычайными полномочиями. Казалось бы, что еще нужно для продуктивной совместной работы? Сотрудничай, прислушивайся к мнению избранного народом законодательного органа власти, выстраивай рабочие отношения. Увы, для этого нужен был другой человек, с другим характером и установками. И, конечно, другое окружение.

Существует устойчивое мнение, что конфликт между властями был спровоцирован руководством Верховного совета, прежде всего его председателем – Русланом Хасбулатовым. Этому нет подтверждений. В феврале 1992 года на сессии Верховного совета депутаты вносят предложения, направленные на то, чтобы несколько ограничить (не лишить вовсе) решения президента как в кадровой политике, так и в принятии неконституционных указов. Основания для этого были. Например, президент ни с того ни с сего издает указ об объединении министерств внутренних

дел и безопасности. Тема для России особенно чувствительная, явно запахло временами 30-х годов, естественно, возникает вопрос, для чего это делается. Конституционный суд отменил указ и расценил его как факт недостаточной правовой компетенции правительственных структур. На сессии парламента было внесено предложение обязать президента назначать и освобождать от должности заместителей председателя правительства, министров с согласия парламента. Это предложение президентом было воспринято как покушение на исполнительную власть.

Депутаты-сподвижники президента поднимают шум по поводу того, что «лица, входящие в состав правительства, не могут быть народными депутатами независимо от их назначения». А что в этом необычного? Запрет совмещения законодательной власти и исполнительной – обязательная норма в демократической стране (в СССР такое совмещение, увы, было нормой). Те, кто эти нормы решительно отвергал под предлогом якобы вмешательства в полномочия президента, просто-напросто заботились о себе и своем будущем: дай-ка я займу пост министра, но на всякий случай сохраню на лацкане пиджака и значок депутата.

Тем не менее, сессия Верховного совета отвергла предложения отдельных депутатов лишить президента тех полномочий, которыми наделил его пятый Съезд. Это означало, что парламент все еще рассчитывает на дружную совместную работу и с президентом, и с правительством.

Федеративный договор и его противники

Хватало и других проблем. Распад СССР большинство россиян восприняло с большой тревогой и глубоким сожалением. Однако для некоторых руководителей республик и автономий в составе РФССР, прежде всего их националистических движений, это явилось примером, достойным подражания. Особую позицию заняли Татарстан, Чеченская республика, Башкортостан, к ним примкнула Республика Саха (Якутия), взбрыкнула и Свердловская область.

Чего хотели эти регионы? На словах они отрицали свое стремление выйти из состава Российской Федерации, желали якобы лишь больше экономической свободы. Однако за всем этим ясно проглядывался чистой воды сепаратизм, стремление построить не федерацию, а конфедерацию со слабой центральной властью, зависящей от законов и конституций республик. Татарстан решил провести референдум с провокационным, если не сказать резче, вопросом: «Считаете ли, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?». Верховный совет России вынужден был обратиться к народу, Верховному совету и президенту республики с письмом.

«Вопрос, вынесенный на референдум, сформулирован некорректно. В одной формулировке объединены три разных вопроса, на которые предлагается дать один ответ: «да» или «нет». Одно это способно исказить действительную волю народов Татарстана. Такая постановка вопроса и неоправданная торопливость в проведении референдума является актом неуважения к многонациональному народу Татарстана, к государственности Российской Федерации, направлена на разрыв вековых связей Российской Федерации. Подрыв единства и дружбы населяющих республику Татарстан народов, ее выход из состава Российской Федерации повлечет за собой негативные последствия для всех граждан. За всем этим стоят силы, которые преследуют задачи достижения своих корыстных целей и удовлетворения политических амбиций».

То есть политики республики требовали от Российской Федерации того же, что полтора года назад требовал Ельцин от Горбачева. К чему все это привело, мы знаем.

Между тем работа над федеративным договором шла уже полтора года. Вязкая, напряженная. В течение этого времени договор был парафирован в несколько этапов, и теперь

предстояло подписание его президентом России и руководителями субъектов России, затем он должен быть одобрен на Съезде народных депутатов, после чего станет частью Конституции. Татарстан и Чеченская республика отказались от парафирования договора. В Казани приняли решение подготовить двусторонний договор о «делегировании полномочий», означавший: что республика даст наверх, тем и будьте довольны. За день до подписания договора отказался поставить свою подпись и Башкортостан, заявив, что в договоре не учтены его условия, в частности, вопросы собственности, бюджета, внешнеэкономической деятельности, собственности на недра. Стало ясно: республики координируют свои действия, хотя на прямой вопрос журналистов о согласованных решениях руководители республик отвечали отрицательно. Разумеется, лукавили.

31 марта 1992 года в 15 часов в Кремле, в Грановитой палате в торжественной обстановке федеративный договор был подписан большинством субъектов. Это была победа здравых сил, победа Съезда народных депутатов России. Договор откорректировал бесшабашное и легкомысленное заявление президента «Берите столько суверенитета, сколько проглотите», сохранил единство страны.

Об истинных намерениях руководителей Татарстана свидетельствует публикация в «Российской газете» «Россия – Татарстан: старый друг лучше новых двух» (25 августа 1992 года). В политическом диалоге, состоявшемся при посредничестве «Российской газеты», участвовали со стороны Татарстана вице-президент республики Василий Лихачев, член Президиума Верховного Совета Алексей Колесник, советник президента РТ Рафаиль Хакимов, заместитель председателя Госкомэкономики республики Марат Галеев. Со стороны России в диалоге участие приняли госсекретарь при президенте России Геннадий Бурбулис и председатель Госкомитета по национальной политике Валерий Тишков. Воспроизведем отдельные фрагменты диалога, в котором политики попытались ответить на жгучие вопросы: какая необходимость была в принятии Декларации о государственном суверенитете Татарстана? Насколько обоснованным было проведение референдума 21 марта? Какова связь между Декларацией и референдумом, и нужно ли было их принимать и проводить? Каких шагов можно ожидать от Татарстана в дальнейшем? Что собирается предпринять по этому поводу Россия?

Василий Лихачев: «Несомненно, политика Татарстана направлена сегодня на изменение статуса республики по

отношению к России. Но не правы те, кто говорит, что Татарстан хочет отделиться от России и, более того, разваливает Федерацию. После долгой работы мы предложили России новый, на наш взгляд, оригинальный в политическом плане подход к разрешению проблемы. Мы стараемся исходить из таких принципов как уважение суверенитета Российской Федерации – при обеспечении и реализации суверенитета Татарстана».

Осторожные запевные к беседе слова Василия Лихачева (хотя и они определенно намекают на то, что Татарстан хочет строить отношения с Россией на равных, как это делается между суверенными государствами) другие представители республики поправляют и ужесточают.

Рафаиль Хакимов: «Татарский народ всегда жил мечтой о восстановлении государственности. …В России давно назрела необходимость децентрализации, замены управленческих монстров структурами, способными обеспечить нормальные федеративные отношения».

Алексей Колесник: «Политика суверенизации Татарстана не отличается от стремления России к суверенитету. Ведь российский центр, как и ранее союзный, объективно не в состоянии управлять таким огромным государством, если вся власть сосредоточена в центре, а местные органы являются лишь исполнителями».

Марат Галеев: «Сегодня субъектами рынка становятся не только отдельные предприятия, но и новые государства. А Татарстан в силу своей специфики интегрирован в экономику не только России, но и всего бывшего Союза. Поэтому естественно стремление республики быть полноправным субъектом рынка и иметь с партнерами связи без посредников» (то есть без России. – *Авт.*).

Василий Лихачев на этот раз поправляется: «Главное, чтобы Россия поняла: речь идет не просто о приобретении Татарстаном государственности, большей самостоятельности в сфере политики, экономики и так далее. Речь идет о создании равноправного союза с Российской Федерацией. …Текст федеративного договора вызывает у нас серьезные замечания. Например, Татарстан не согласился с тем, что суверенным республикам, краям и областям предоставляются (внимание! – *Авт.*) почти равные права. Это нонсенс, когда равные права имеют (ещё раз внимание! – *Авт.*) административные и государственные образования. … Наиболее цивилизованной формой урегулирования взаимоотношений является двусторонний договор на равноправной основе. Это позволит реализовать право каждого народа – в данном случае народа

Татарстана – на самоопределение».

Рафаиль Хакимов: «Наш суверенитет дался нам нелегко. И поэтому мы хотим, чтобы Российская Федерация признала его в той форме, в которой он был провозглашен. Это одна из гарантий нашего суверенитета. Другая заключается в том, что Татарстан будет признан международным сообществом».

А что же российская сторона? Она очень аккуратна в своих суждениях и оценках.

Геннадий Бурбулис: «Позиция Татарстана по отношению к федеративному договору была специфическая. Она во многом объяснялась особенностью развития политических процессов в республике в последние годы. …Необходимо исключить такие решения, которые могли бы обострить ситуацию, стимулировать новые сложности в наших взаимоотношениях».

Вопрос журналиста: «В чем главные причины стремления Татарстана к изменению своего статуса по отношению к Федерации?».

Геннадий Бурбулис: «Хочу надеяться, что это – искреннее желание добиться такой формы политического, экономического и юридического статуса, которая максимально эффективно была бы ориентирована на интересы большинства населения Татарстана. Если окажется, что во главе угла положено именно это, а не конъюнктурные, националистические или другие подобные мотивы, мы будем всячески содействовать правовому оформлению этой ситуации».

Вопрос: «Может ли в принципе Россия подписать с Татарстаном равноправный договор? Могут ли Федерация и ее субъект договариваться о чем-то на равных правах?».

Геннадий Бурбулис: «Есть же целый ряд достижений мировой цивилизации, связанных с правом на свободное волеизъявление, справедливое распределение полномочий, с правами граждан. Сейчас требуется более сложная форма отношений. К ней мы и идем. Поэтому сам по себе термин «равноправие» не должен ни отпугивать, ни расслаблять. Он вполне может быть наполнен содержанием, адекватным нашим общим стремлениям, – становлению Российской Федерации как целостного государства, в котором республики имеют право на суверенитет, на самостоятельную деятельность. Чем сильнее и самостоятельнее республики, тем сильнее и целостнее сама Федерация (но разве это утверждение не относится к краям, областям России? Почему же Татарстан отказывает им в равноправии? – *Авт.)*».

Валерий Тишков более откровенен.

Вопрос журналиста: «Возможны ли свободное развитие татарского и других народов, проживающих на территории

Российской Федерации, реализация их права на самоопределение без существования независимого государства?».

Валерий Тишков: «Да, это возможно. Если в данном случае речь идет о татарском народе, то его свободное развитие может мыслиться и реализовываться только в рамках Российской Федерации, поскольку три четверти татар живет за пределами Татарстана. Даже если окрепнет и реализуется статус Татарстана как суверенного государства, все равно в вопросах реализации прав, интересов, культурного развития татар как второго по численности народа на территории России невозможно обойтись без участия органов всей Российской Федерации».

Вопрос: «Как вы относитесь к тем процессам, которые происходят в Татарстане? В частности, я имею в виду перевод правоохранительных органов под юрисдикцию республики, принятие закона о языках и так далее?».

Валерий Тишков: «Процессы, которые там происходят, чрезвычайно важны и интересны, в них много позитивного. Но никак нельзя согласиться с некоторыми решениями, которые не содержат ответственности, присущей политикам. Я говорю о контроле над правоохранительными органами, о собственной таможне, о разделе военного имущества, о гражданстве… По этим позициям мы едва ли найдем точки соприкосновения. Особенно российская сторона не готова согласиться с предложениями, формулируемыми национальными движениями».

Татарстан, безусловно, возглавлял появившиеся на развалинах Союза национальные (а правильнее было бы сказать – националистические) движения и устремления. Но и другие республики, и даже русские края и области прониклись подобным желанием. Отличие русских регионов заключалось только в том, что в них не было националистических мотивов. В русских регионах требования суверенитета ограничивались требованием бо́льшей экономической свободы, децентрализации управления и равноправия всех субъектов Российской Федерации (напомним, с последним требованием решительно не соглашались автономные республики. – *Авт.)*. Особенно отчетливо эти настроения выразились на Сибирском съезде народных депутатов всех уровней, состоявшемся в Красноярске в марте 1992 года. Делегаты потребовали от Москвы децентрализации управления, экономической самостоятельности территории, одноканальной системы налогов, свободы внешнеэкономической деятельности. Резолюции съезда напоминают ультиматум.

Цитата. Как нам обустроить Сибирь

«Российская газета», 2 апреля 1992 года.

Мы живем не в зоне проведения реформ, а в натуральной зоне, и действовать должны по ее законам: не верь, не бойся, не проси!

Делегат от Игарки Ростислав Горчаков: «Если российское правительство не учтет решений сибирского съезда, надо будет отделяться». И уточнил: мы отделимся не от России, а от этого правительства. Председатель Кемеровского облсовета Аман Тулеев: «Его политика (правительства. – *Авт.*) толкает на отделение, порождает разговоры о никому не нужной Сибирской республике». Депутат Томского облсовета Олег Кушелевский: «Сибирь – это сильный кулак, который может крепко влиять на позицию центра». Председатель Красноярского крайсовета Вячеслав Новиков (в 1991 году при поддержке депутатов крайсовета пытался учредить Енисейскую Республику) на пресс-конференции заявил: «Если правительство не прислушается к голосу сибиряков, соберемся еще раз и подумаем, что нам делать дальше. Если не прислушаются, съезд оставил за собой право обратиться к населению Сибири».

Конечно же, действия организаторов Сибирского съезда, как и объявленная ранее Ямало-Ненецкая республика, больше смахивает на фронду, на запугивание Москвы, однако нельзя не признать, что эти действия спровоцированы и политикой правительства и президента. В этих условиях трудно переоценить значение принятого Съездом федеративного договора.

Российский федеративный договор – слепок несостоявшегося союзного договора. Депутатам, региональным властям, разработчикам документа удалось предотвратить развал России, сделать то, что не удалось союзным властям и депутатам. В нулевые годы уже другому президенту России много чего пришлось разгребать, много усилий предпринять, чтобы склеить, скрепить расходящиеся части страны.

Шестой съезд «прогнулся»

За два дня до открытия шестого съезда «Российская газета» опубликовала изложение выступления председателя Верховного совета Руслана Хасбулатова на совместном заседании палат парламента.

Цитата. Корректировка реформ – процесс естественный

«Российская газета», 4 апреля 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«Корни политической стабильности, несомненно, лежат в сфере экономики. По многим направлениям реформы парламент принял законы и постановления. Хочу подчеркнуть, что их число составляет 98 процентов от представленных президентом. 98, а не 3 процента, как было сказано на совещании государственных советников. Большинство граждан обеспокоено сложившимся положением. И оно может обостриться в течение апреля-мая, поскольку мы имеем стремительно набирающий силу развал промышленности и сельского хозяйства. Падение производства за первый квартал по официальной статистике достигло 15–18 процентов, а по данным независимых исследовательских центров – 23–28 процентов. Это не падение структурного характера, а обвал, остановка производства.

Каких же корректировок ждет от правительства наш уставший от экспериментов народ? На поддержание производства должна быть настроена вся мощь государственной власти. И в этом смысле я самый решительный сторонник укрепления регулирующей роли государства. Да и где в мире не используется государственная мощь для регулирования экономических, социальных процессов? Поэтому …надо в короткие сроки скорректировать промышленную, структурную и конверсионную политику и перевести в конкретную, детальную программу действий.

Необходимо последовательно формировать законодательную базу поддержки предпринимательства. Для этого уже до середины текущего года надо принять не менее 70 законодательных актов. Их перечень имеется. Необходимо устранить перекосы, позволившие сделать основными видами предпринимательства биржевое дело и посредническую деятельность.

Требуется совершенствование налоговой системы. Ведущее ее направление – дифференцированное ослабление налогового пресса. Важно не просто расширять налоговые льготы, а увязывать их со структурной политикой. Если они будут стимулировать расширение потребительского сектора экономики, одновременно обеспечивая государственные, оборонные и прочие нужды, такая налоговая политика будет поддержана населением

и руководителями предприятий. А их надо сделать нашими союзниками, а не отталкивать, учитывая, что 86 процентов – это государственная экономика. Если 40 тысяч руководителей государственного сектора останутся в такой неопределенной позиции как сегодня, она быстро может замениться враждебностью, а это означает, что реформа обречена на провал.

Главное стратегическое направление реформы – формирование слоя предпринимателей, в том числе на основе приватизации. Если мы не расширим социальную поддержку процесса приватизации (автор, конечно, не имел в виду приватизацию по Чубайсу. – *Авт.*), реформа захлебнется».

Еще раньше, 27 марта 1992 года, «Российская газета» публикует небольшой комментарий под заголовком «Правительства приходят и уходят, президент и Верховный совет остаются». Газета еще берегла авторитет Бориса Ельцина.

«Сегодня что ни газета, то считает своим долгом порассуждать о российском парламенте, бросить камень в депутатов. С чего бы это? Тщательного анализа не требуется, ибо и без него все ясно. Особенно агрессивные (может быть, в силу своей молодости) силы в новом российском правительстве с присущим молодости задором бросились в ледяную воду рынка, увлекли за собой простуженное общество и теперь изо всех сил доказывают нам и главному своему оппоненту – парламенту, что другого способа вылечить больного, кроме ледяной купели, не существует. А поскольку парламент не всегда соглашается с их аргументами, то последние нервничают, стараются внедрить в сознание людей, что законодательная власть противостоит реформам.

Проверенный способ низвергнуть идею – очернить ее носителя. Желательно – персонально. Поэтому и такие заголовки, и статьи, подобно той, которая опубликована в «Курантах»: «Руслан Хасбулатов – лидер нового типа бюрократии: парламентской» (это, конечно, крупное изобретение газеты – новый термин в науке: «парламентская бюрократия»! – *Авт.*).

Суть нынешнего противостояния парламента и правительства не в личностях, не в особенности характеров и не в национальности. Речь идет о различных концепциях системы власти. Или мы изберем систему равновеликих, независимых властей (законодательная, судебная, исполнительная), на чем настаивает парламент, или исполнительная власть подомнет под себя сначала законодательную, а затем и судебную. Во втором случае мы вернемся к тому, от чего пытаемся уйти последние три года.

Газеты пишут: парламент потому накинулся на

правительство, что не «хочет уходить с политической арены». А почему он должен послушаться газету и куда-то уйти? В России есть две законно избранные власти – депутатский корпус и президент. А правительство… Будет работать эффективно и разумно – президент и парламент сохранят его, не получится – заменят. Очень даже нормально».

Тот факт, что публикация выступления председателя парламента на совместном заседании палат предшествовала шестому съезду, говорил о многом. Парламент таким образом предварительно расставлял вешки и предлагал президенту и правительству заняться на Съезде не враждебной перепалкой, а совместным поиском выхода из сложившейся ситуации. И четко высказал свое мнение по основным вопросам. Кроме того, парламент демонстрировал лояльность к президенту и давал понять, что он по-прежнему поддерживает его и готов сотрудничать по всем вопросам.

Стенограмма Съезда и сегодня, спустя четверть века, – захватывающее чтение для всех, кто интересуется новейшей историей России. Там все есть: и шекспировские страсти, и драматические моменты, и грубые выпады, и откровенное хамство со стороны некоторых депутатов.

Критическая ситуация возникла 13 апреля в 13 часов 40 минут. Егор Гайдар после принятия Съездом постановления «О ходе экономической реформы» на пресс-конференции российских и иностранных журналистов заявил, что правительство в полном составе подало президенту прошение об отставке. Этому предшествовал демонстративный уход министров со съезда 11 апреля. Внешне это выглядело как реакция на пренебрежительную реплику Хасбулатова: «Ну, что они тут разошлись? Просто ребятки растерялись, что мы будем их ругать. Давайте будем к ним снисходительны». Правительство встало и вслед за Бурбулисом покинуло зал заседаний. Бурбулис позднее вспоминал, что Ельцин упрекнул его за этот выпад.

Цитата. Заявление Правительства Российской Федерации

«Российская газета», 14 апреля, 1992 год.
Печатаются фрагменты.

«После многолетних бесплодных разговоров о реформе были наконец начаты реальные преобразования экономики и общественных структур России. …К сожалению, принятые Съездом народных депутатов решения блокируют возможность продолжения избранного курса. Совокупность требований, заявленных Съездом, обрекает страну на гиперинфляцию, означает приостановку процесса приватизации и свёртывание аграрной реформы. Предложения снизить налоги и одновременно увеличить социальные и другие выплаты невыполнимы и могут привести лишь к развалу финансовой системы. Это …неизбежно приведет к свертыванию поддержки со стороны мирового сообщества (какая наивная надежда! – *Авт.*), Россию вернут на путь изоляции. Решения Съезда в политической области означают разрушение создаваемых механизмов управления, делают правительство безвластным, а фигуру президента чисто символической».

А между тем, постановление Съезда не содержало ничего такого, что ограничивало полномочия правительства и президента. Да, в нем по советско-партийной привычке были использованы общие места: «повысить», «отметить», «предложить», но все, что касалось конкретного дела, не противоречило ни действующей конституции, ни выбранному стратегическому курсу. Речь шла о повышении эффективности деятельности правительства, об устранении ошибок, приведших к кризису во всех сферах – финансах, денежном обращении, промышленном и сельскохозяйственном производстве и потреблении, о разрушении хозяйственных связей, спаде производства, развале бюджетных отраслей – здравоохранения, науки, культуры, образования. Съезд, подтвердив необходимость перехода к рыночной экономике, подсказывал правительству, что именно надо исправить, на что обратить внимание. Например, для обеспечения финансовой стабильности Съезд рекомендовал правительству ориентироваться на стимулирование развития ведущих отраслей экономики и ослабление налогового бремени для зарождающегося малого и среднего предпринимательства, крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных

кооперативов.

Нет возможности воспроизвести и малую часть стенограммы страстной полемики. Ограничимся выводами, которые сделали президент Ельцин и председатель парламента Хасбулатов.

Цитата. Выступление Б.Н.Ельцина

«Российская газета», 23 апреля 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«Завершается шестой Съезд народных депутатов. Только время даст ему объективную оценку, определит, что сохранится в памяти народа об этих событиях и о людях, которые в них участвовали. …В дни Съезда среди части депутатов, в средствах массовой информации муссировались слухи о том, что президент намерен вынести на референдум вопрос о доверии Съезду. Считал это возможным только в одном случае: если бы депутатский корпус отверг курс на радикальные реформы. Главный итог шестого Съезда состоит в том, что стратегический курс на радикальные реформы, принятые вами, народные депутаты, на пятом Съезде и поддержанные народом, удалось сохранить.

Но не нашли разрешения проблемы, которые осложняют становление российской государственности. Уже в ближайшее время мы можем столкнуться с крайне острыми проблемами в сфере отношений между государственными институтами. Главная причина этого – продолжающийся конституционный кризис, который все более приобретает хронический характер. Действующий основной закон бесконечно отстал от жизни. Заметно сократить это разрыв за счет поправок все же не удалось. Наверное, всем нам уже ясно, что путь обновления Конституции через частичные поправки давно изжил себя.

Сегодня прежде всего две крайности способны взорвать неустойчивое равновесие российской государственности. Попытка дезавуировать действующие органы представительной власти России неверна. Да, к этим органам есть немало претензий. Но они не отменяют того, что сегодня Съезд и Верховный совет – это высшие конституционные органы власти страны. Какое-либо стремление низложить их открывает прямую дорогу политическому беспределу и ведет в тупик (невозможно удержаться от вопроса, когда президент был искренен: в апреле 1992 года или в октябре 1993 года? – А*вт.*). Если мы хотим видеть Россию свободным и демократическим государством, то подобные установки должны быть отвергнуты. Не менее вредна и другая крайность – лишить реальной власти исполнительные органы. Сегодня как никогда нужен …постоянный диалог между законодательной и исполнительной властью».

Борис Ельцин далее перечисляет задачи и проблемы, которые предстоит решать правительству. Они созвучны решениям Съезда.

Первое: серьезным и внимательным образом относиться к принятию и исполнению бюджета. Второе: последовательно проводить в жизнь принцип разумной экономии, в том числе за счет сокращения аппарата правительства. Третье: правительство приступило к разработке перечня мер по поэтапному выполнению постановления шестого Съезда «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». Он будет представлен к 20 маю 1992 года. Четвертое: правительство готово к тому, чтобы перечень министерств и ведомств, которые составляют его структуру, утверждался президентом с согласия парламента. Пятое: правительство готово к тому, чтобы его председатель утверждался президентом с согласия парламента. Шестое: кандидатуры всех новых министров до своего назначения должны обсуждаться в соответствующих комитетах парламента при активном участии экспертов и практиков соответствующих отраслей. Седьмое: парламент должен своим голосованием оценивать работу отдельных членов правительства. В случае согласия с решением парламента президент освобождает таких министров от должности.

Взамен этих уступок Борис Ельцин потребовал от парламента прекратить попытки «подмять» правительство, ибо они способствуют разрушению «всего здания государственности страны». Признать нетерпимыми грубость, шельмование и оскорбления, которые «нередко звучали в этом зале». В сложившейся ситуации президент посчитал необходимым, чтобы более активную роль в налаживании взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью играл Конституционный суд. Если, сказал он, сохраним гражданский мир, если удержимся от конфронтации, будет реальная возможность обеспечить экономическую стабильность уже к концу текущего года.

Примирительным было и заключительное слово Руслана Хасбулатова. Выступление президента он назвал «обстоятельным», заверил его в том, что парламент сделает все, что от него зависит, чтобы по-деловому и конструктивно сотрудничать с правительством. На Съезде, сказал Хасбулатов, прозвучало много конструктивных предложений, которые надо незамедлительно использовать в работе парламента и правительства. Это вернут предложения о необходимости выработки промышленной политики, о структурной перестройке экономики, о недопустимости спада производства, о перенесении центра тяжести при осуществлении реформ в регионы, о массовом развитии предпринимательства, о необходимости особой заботы в отношении к сельскому хозяйству, науке и

образованию, проблеме конверсии, о недопущении массовой нищеты населения.

Всё, или почти всё, было сказано правильно и исполнительной властью, и законодательной. Однако последующие события показали: президент, правительство просто взяли тайм-аут на то, чтобы подготовиться и с новой силой атаковать парламент и Съезд. Долго этой атаки ждать не пришлось. Мишенью стал прежде всего председатель Верховного совета Руслан Хасбулатов. Удары посыпались и справа и слева. Представители националистического движения под предлогом заботы о народе науськивали президента и председателя парламента друг на друга, ожидая, что обострение их отношений приведет к полному расстройству власти, и они сами возьмут ее в свои руки. Другие обвиняли Хасбулатова в том, что он якобы в сговоре с председателем Центрального банка России раздает непокрытые кредиты регионам в расчете на их поддержку в борьбе с правительством и, более того, провел тайную эмиссию. В открытую заговорили о необходимости устранения законодательной власти, правда, пока речь шла о мирном устранении. Большой фантазер Гавриил Попов предложил преодолеть «двоевластие» путем выборов Учредительного собрания, которое заменило бы ненавистный Верховный совет.

Сразу же после Съезда часть депутатов, сторонников президента, начала кампанию дискредитации парламента. Стало очевидным: умиротворяющая речь президента имела одну цель – посеять у депутатов надежды на дружную работу и таким образом выиграть время. Не знаю, кому первому пришла эта дьявольская идея, но она сыграла если и не главную роль в обострении конфликта между властями, то и не последнюю. «Пятая колонна» в парламенте стала разными способами срывать работу, навязывать обсуждение пустяшных вопросов. Особенно энергично шумели депутаты, которые не являлись членами Верховного совета, но имели право по регламенту участвовать в заседаниях сессий с совещательным голосом. Даже Хасбулатов, мастер полемики, не всегда мог справиться с «крикунами». Часто драгоценное время тратилось на успокоение буйных депутатов.

В мае окончательно стало ясным: президент не собирается менять курс губительных реформ, напротив, правительство и окружение президента получили его абсолютную поддержку.

А ведь на самом деле не существовало веских причин для жесткого и непримиримого противостояния законодательной и исполнительной властей. Да, шестой Съезд признал неудовлетворительным ход экономической реформы в большинстве сфер: в социальной защите населения, в налоговой,

финансово-кредитной, инвестиционной, промышленной и аграрной политике, производстве и распределении, приватизации. Но Съезд не только констатировал состояние экономики, а и предложил конкретные меры. Депутаты призывали искать выход из создавшегося положения не путем развала имеющегося производства (вспомним Гайдара, который, объявив Север Сибири «убыточной» территорией, фактически призвал отказаться от него. – *Авт.*), а за счет структурных преобразований, направленных на расширение потребительского сектора экономики. Развитие производства, говорили депутаты, зависит и от того, как будем проводить приватизацию. Они настаивали на том, что в процесс приватизации необходимо втянуть как можно больше людей – ведь без расширения социальной базы приватизации реформы приобретут вязкий и половинчатый характер, приведут к глобальным злоупотреблениям, что и случилось. Необходимо, считал Съезд, обеспечить твердую поддержку реформам со стороны руководителей госпредприятий. Они должны быть заинтересованы в преобразованиях, но при этом их интересы должны совпадать с интересами трудовых коллективов. Параллельно нужно поддержать мелкое и среднее предпринимательство, поскольку именно оно создаст платформу рыночной, конкурентной экономики.

В сложных условиях, в обстановке переходного периода, когда общество и государство испытывали болезненную ломку, а наработанные прежде правила и установления совершенно не подходили к новой жизни, парламент расширял законодательную базу рыночной экономики: за год было принято около 150 законов. В них было закреплен принцип частной собственности, утверждено равенство разных форм собственности; реорганизована банковская система, что позволило создавать коммерческие и акционерные банки; укреплена законодательная база для привлечения в страну иностранных инвестиций.

Удалось провести значительные демократические преобразования. На съездах и сессиях Верховного совета разработана и утверждена концепция разделения властей, деление власти по вертикали, прежде всего между Федерацией и ее субъектами. Это принципиальное решение предотвратило распад России. Было признано рациональным превратить Верховный совет в единственный законодательный орган (без Съезда) путем включения всех депутатов в состав Верховного совета. Благодаря тому, что часть депутатов пожелала бы сохранить свои рабочие места в регионах, состав парламента можно было ограничить 650–700 членами, что сопоставимо с

парламентами Италии, Германии, Англии, Франции.

Почему же президент и правительство не сделали шаг навстречу парламенту? Вот как отвечает на этот вопрос председатель парламента.

Цитата. Мы проявили твердость, отстаивая ценности демократии

«Российская газета», 12 мая 1992 года.

«Борьба и противостояние развернулись не по отношению к реформам, не между сторонниками и противниками реформ, поскольку действительных противников реформ, депутатов, не желающих считаться с реалиями, едва бы набралось и полусотни. За внешним фасадом скрывалась драматическая борьба, главная ось которой проходила между сторонниками формирования режима личной власти и решительными противниками такой антидемократической трансформации, по всей свой мировоззренческой разнородности объединенными под знаменем парламентской демократии. Может быть, не совсем осознанная опасность перерождения формирующегося демократического политического режима в какую-либо разновидность автократии сплотила их ряды.

Между тем, демократии не было и не может быть там, где нет самостоятельных парламентов, где парламенты не могут осуществлять по принципиальным проблемам развития страны контроль за действиями президентов, правительств, должностных лиц, где назначения ответственных должностных лиц не санкционируется парламентами».

Ельцин желал больше власти. Но куда еще больше?! Сравним полномочия российского и американского президентов.

Цитата. Как избежать «конфликта интересов»

«Российская газета», 9 июня 1992 года.

«В президентской республике (США) назначения на различные должности в государственном аппарате осуществляются президентом, но многие из них должны быть утверждены сенатом конгресса Соединенных Штатов. В число таких должностей входят: министры, первые заместители министров, директор ЦРУ, директор ФБР, члены совета управляющих Федеральной резервной системы, члены Верховного суда, другие федеральные судьи, послы США за рубежом. В общей сложности более 500 назначений президента США подлежат утверждению конгрессом. Как правило, первоначально каждая из кандидатур рассматривается в соответствующем сенатском комитете. Так, кандидатуру на пост министра обороны рассматривает комитет по делам вооруженных сил; кандидатуру министра сельского хозяйства – комитет по сельскому хозяйству и т. д. При этом комитеты проводят открытые парламентские слушания, на которые приглашается сам кандидат, обязанный отвечать на любые вопросы членов комитета. В ходе слушаний первостепенное внимание уделяется выяснению законодателями политической программы назначенца, тому, имеет ли он какие-либо материальные интересы, связанные с его возможной должностью (похожие правила существовали и в СССР в 1989 году, при Горбачеве. Тогда комитеты Верховного совета СССР так же, как и в США, обсуждали кандидатуры назначенцев, давали (не давали) согласие, с чем президент СССР вынужден был считаться. – *Авт.)*.

Проводя свою кадровую политику, президент США консультируется с широким кругом лиц: помощниками из аппарата Белого дома, министрами, лидерами партийных фракций в конгрессе, неправительственными экспертами, бывшими членами правительства. Особенное внимание президент уделяет согласованию назначений с влиятельными сенаторами, поскольку именно от них зависит, будет или не будет утвержден в должности тот или иной назначенец Белого дома. Согласно давно устоявшейся в США политической традиции президент в большинстве случаев учитывает мнение сенаторов от того штата, откуда родом человек, которого он собирается назначить на официальную должность».

Да и реальной ли была для Ельцина опасность потерять власть? Настроение граждан, их недовольство тем, как осуществляются реформы, на первый взгляд подтверждают эту опасность. Накануне Съезда социологическая служба «Российской газеты» провела телефонный опрос москвичей (были опрошены 311 человек), которым заданы вопросы: кто должен осуществлять общий контроль за деятельностью правительства, и кто – за его окончательным формированием? Доверяете ли вы окружению президента формировать правительство? Существует ли острая необходимость принять на Съезде Конституцию Российской Федерации?

46 процентов респондентов высказались за то, что окончательный контроль за формированием правительства следует передать Верховному совету и Съезду, 28,3 процента – президенту, 1,6 – окружению президента. 49, 9 процента признали острой необходимость принять Конституцию на Съезде, 18,3 процента посчитали, что это не самый важный вопрос, 18,6 процента ответили, что в новой Конституции нет необходимости, остальные затруднились ответить.

И все же следует признать, что доверие народа к Ельцину еще не было утрачено. К весне 1992 года рейтинг доверия снизился на 28 пунктов в сравнении с 1991 годом, но это обусловлено непопулярной экономической реформой правительства Гайдара-Бурбулиса. Не доверяли ближайшему окружению президента. Анатолий Собчак получил 10,2 процента, Егор Гайдар – 8,5, Галина Старовойтова – 8, Сергей Шахрай – 3,4, Гавриил Попов – 1,8, Геннадий Бурбулис – 0,8 процента. В целом лишь 12,3 процента россиян высказали полное доверие правительству.

Свою роль, и немалую, в разжигании конфликта сыграли средства массовой информации. «Печать не давала полной и объективной картины шестого Съезда» – такой вывод независимых экспертов был опубликован 27 мая 1992 года в «Российской газете». Вот какие даны оценки позициям московских газет.

«"Известия", "Московский комсомолец", "Куранты", "Вечерняя Москва" в той или иной степени отвергают систему советов».

«"Независимая газета", "Комсомольская правда", "Московская правда" избежали крайностей в оценках и однозначно ориентированных комментариев».

«Явной симпатией к президенту и правительству, проводимым реформам отличались публикации "Красной звезды"».

Все эти издания, отмечают эксперты, недвусмысленно выступали в поддержку президента и правительства и негативно

оценивали действия оппозиционного парламента.

«Советская Россия», «Правда», «Рабочая трибуна» не принимали участия в дебатах о целесообразности сохранения Съезда, всей системы Советов. Основной целью их публикаций было формирование у читательской аудитории недоверия к президенту и правительству.

Позицию, лояльную к Съезду, хотя и с элементами серьезной критики, занимала лишь «Российская газета».

Противостояние правительства и парламента внимательно отслеживали зарубежные СМИ. Они, в частности, охотно цитировали заявления помощника президента США по национальной безопасности Б.Скоукрофта, министра финансов США Н. Брейди, президента Европейского банка реконструкции и развития Ж.Аттали, которые прямо связали возможность предоставления 24-миллиардного пакета помощи с продолжением политики экономических реформ по гайдаровским лекалам. При этом французская «Юманите» подчеркнула, что США непосредственно вмешивались в дебаты Съезда.

Добросовестный исследователь, детально ознакомившись с материалами шестого Съезда народных депутатов России, не может не прийти к выводу, что, во-первых, большинство депутатов не допускали и мысли препятствовать реформам во всех сферах общественной жизни, во-вторых, от его внимания не уйдет и то, что Съезд, частично под напором радикального правительства, а также благодаря заверениям президента в том, что правительство и он сам приложат все усилия для того, чтобы выстроить с парламентом эффективную совместную работу, все же «прогнулся», пошел на компромиссы, в том числе, и там, где они были недопустимы.

Например, стало очевидным, что, несмотря на заверения, президент не пойдет на сокращение полномочий, а это означало, что существует угроза влияния на него озабоченного своей судьбой окружения. В том, что так и будет, мало кто сомневался. Стало очевидным и то, что ему просто не достает для осуществления гигантских преобразований, в которых нуждалась страна, элементарного понимания той ситуации, в которой страна оказалась. Воля есть, желание есть, но нет собственного ответа на вопрос, как и какие совершить преобразования. И, следовательно, он обречен идти на поводу разухабистых политиков и экономистов.

Так и случилось: президент слушал только одну сторону. Сыграл роль и фактор времени: после бурных дебатов на Съезде депутаты ушли на летние каникулы, правительство получило передышку, что позволило ему действовать без оглядки на

парламент. Началась борьба за структуры, которые по закону были подчинены или тяготели к парламенту. Давлению подверглись, в частности, Центральный банк, Фонд федерального имущества. Последний был образован при Верховном совете, его задачей являлась подготовка программ приватизации. Вопрос стоял так: после того, как министерства в качестве «полпредов» потеряли фактическую способность управлять предприятиями, последние не переставали оставаться государственной собственностью. Никто не возражал против приватизации, но кто-то должен был готовить предложения, что приватизировать сегодня, что позже, а с чем подождать до лучших времен. Подготовленная Фондом федерального имущества программа должна была утверждаться Верховным советом и иметь статус закона. Предусматривалось, что практической работой после этого займется комитет по имуществу, созданный при правительстве.

А как поступало правительство? Под предлогом того, что с приватизацией надо торопиться, поскольку, по его мнению, она способствовала становлению промышленности, сельского хозяйства, одновременно подвергая критике программу, принятую парламентом, правительство готовило указы президента, которые тот охотно подписывал, в результате чего народ получил ту приватизацию, которую получил. Можно смело утверждать: приватизация по Чубайсу осуществлена не по закону, а по указам, и, следовательно, незаконна. Ведь получилось так, что хозяином и распорядителем накопленного десятилетиями богатства стало одно лицо. Восторжествовал принцип: этому дам, этому не дам, тому подожду, а тому никогда не дам.

Пока политики в столице делили властные полномочия, страна пыталась выжить. Но мало кому удается. Гигант «Ростсельмаш», давно уже не на полную мощь, но все же еще выпускающий комбайны, к началу июля 1992 года вынужден остановить сборочные конвейеры. Его директор Юрий Песков сообщает «Российской газете»: «Вынужден остановить сборку и распустить людей, потому что нет основных комплектующих узлов. Ниже пояса бьют нас прежде всего украинские заводы-поставщики. И это при том, что их собственное сельское хозяйство шлет тысячами заявки на комбайны и не меньше России рискует потерять зерно. За горло держат харьковские машиностроители: в декабре 1991 года двигатель стоил 7 тысяч рублей, сейчас требуют 175 тысяч. Кременчугский колесный завод задолжал около 12 тысяч дисков. С ужасом думаю не столько о своем коллективе, сколько о катастрофе страны. Ведь ветрами и ливнями закрученные хлеба способен поднять и

обмолотить только наш комбайн – "Дон"».

В Красноярске работа многих предприятий и организаций замедлена, а иных приостановлена. Указом президента об оплате горюче-смазочных материалов наличными в условиях дефицита денежной массы транспортные средства поставлены на «прикол». Администрация края и союз товаропроизводителей обратились к президенту с требованием приостановить действие указа до стабилизации денежного обращения.

Подобных предприятий тысячи. Обратимся, однако, к докладу Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей, независимой исследовательской организации, руководителем которой был профессор Евгений Ясин, человек, которого трудно заподозрить в предпочтениях, отдаваемых советской экономике, ставшего после публикации своего доклада министром экономического развития в гайдаровском правительстве, а с середины девяностых, пожалуй, самый ярым и ярким апологетом гайдаровских реформ. Тогда доклад так описывал реальную ситуацию в промышленности России.

Сначала автор дает краткую характеристику состоянию управленческих органов – российских министерств, пришедших на смену министерствам союзным. Ясно, что управлять по-старому они уже не могли, а как управлять по-новому, не знали. Началось стихийное преобразование главков и министерств в концерны, ассоциации и корпорации, при этом большинство директоров поначалу отнеслось к этой «затее» скептически. Но что им делать в обстановке, когда не стало Госснаба? Выход один: налаживать неформальные связи с поставщиками сырья, смежниками, вести тяжелые переговоры о цене. При этом проявились эгоистические интересы тех предприятий, чья продукция оказывалась по тем или иным причинам дефицитной. Им уже никто не был указ, и они заламывали цены, какие хотели. И внутри предприятий возникают трения.

Хроника. Российские предприятия: жизнь в условиях кризиса

«Российская газета», 26–27 июня 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«На некоторых крупных предприятиях, где постепенно сформировались обособленные производства и сложная иерархическая внутренняя структура, возникают противоречия между руководством объединения в целом и его подразделениями. Последние стремятся к усилению самостоятельности, прежде всего в сфере распределения собственных доходов. «Парад суверенитетов» на уровне подразделений и цехов уже начался, особенно там, где руководители объединений навязывают политику жесткой централизации денежных средств (а без централизации финансовых средств невозможна модернизация и, следовательно, развитие. – *Авт.)*

Основной формой снабжения стали прямые связи (Госснаб скончался. – *Авт.)*. Но результаты показывают, что договорная кампания на 1992 год провалилась. 8 процентов предприятий вообще не обеспечили производства договорами на поставку ресурсов, свыше 60 процентов смогли заключить договора на половину необходимого. Стали ослабевать кооперативные связи: в первом квартале только 36 процентам опрошенных директоров удалось сохранить их в основном, а 61 проценту – частично. И даже когда договор заключен, его выполнение целиком зависит от доброй воли смежника. В 1991 году к бартеру прибегли 60 процентов респондентов. Но доля получаемых ресурсов составила всего 10–12 процентов. Прибегание к бартерным сделкам вызвано кризисом платежей, финансовыми трудностями и существующей налоговой системой (бартер позволяет уйти от налогов, казна пустеет. – *Авт.)*

Начали госпредприятия пользоваться и услугами бирж: и при покупках, и при продажах, однако редко и в небольших объемах. Не устраивает не только цена, но и то, что биржа не способна стать постоянным и надежным партнером: продукция определенного вида появляется разовыми партиями, от случая к случаю. По мнению директоров предприятий, с брокерами стоило бы иметь дело, если бы они стали в определенном смысле аналогом Госснаба, отвечали бы за равномерное обеспечение, пусть даже по высокой цене.

Неплатежеспособности способствовало и прогрессирующее ухудшение работы банковской системы. Оборот значительно замедлился. Даже в пределах Москвы деньги идут по месяцу и более, часто и телеграфные поручения где-то оседают. Поэтому настаивающие на предоплате предприятия стали поставлять продукцию не по факту перечисления, а по факту получения денег.

Экономические процессы до минимума сжали спрос на строительные работы и продукцию инвестиционных отраслей. Многие руководители резко сворачивают проекты реконструкции и модернизации, экономят на развитии производства. Резкий рост затрат на объекты социально-бытовой инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства делают последние непосильным бременем. Поэтому предприятия стремятся сократить издержки любыми путями – от перевода этих объектов на хозрасчет до сдачи в аренду, перепрофилирования, продажи и даже отказа от права собственности. Страдает, естественно, население.

Вывод: кардинальное изменение структуры и объема совокупного спроса, дезорганизация прежней системы обеспечения материальными средствами, отсутствие информации о потенциальных производителях и потребителях, неестественный валютный курс, а также такой существенный фактор как дестабилизирующая экономическая политика правительства – все это создает неопределенность в текущей хозяйственной деятельности».

Разве авторы доклада (либералы! – *Авт.*) сказали что-то новое, чего не говорил парламент президенту и правительству? Разумные голоса доносились и от других экономистов, избежавших участия в деятельности экономической лаборатории Гайдара и знакомства с Геннадием Бурбулисом. Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН Дмитрий Львов, доктор экономических наук Всеволод Пугачев, кандидаты экономических наук Сергей Граборов и Анатолий Петелин в статье «О чем не договаривают реформаторы» («Российская газета», 1 августа 1992 года) так сформулировали свое отношение к проводимым правительством реформам: «Да, первоочередное проведение либерализации в сложившихся условиях неизбежно. Да, мировой рынок – мощное средство борьбы с монополизмом, единственный шанс добиться эффективного функционирования народного хозяйства в переходный период. Но нельзя оставлять страну без объективной экономической защиты ее ресурсов. В этом главный просчет реформаторов, просчет принципиальный, а не

технический».

Что имеют в виду авторы публикации? Первое: поскольку так случилось, что главным достижением страны к моменту радикальных реформ явились природные богатства, их нужно высоко оценить в соответствии с мировым рынком. За счет рентного налогообложения природных ресурсов можно было формировать доходы бюджетов разных уровней, что позволило бы освободить от налогообложения или облегчить его для менее эффективных производств. Также необходимо было произвести переоценку основных фондов, которые в советское время были занижены в десятки, сотни, если не в тысячи раз. Вместо этого началась безудержная раздача «своим» и ухватистым ребятам самых жирных кусков, прежде всего, нефтяных промыслов. «Свои» же быстро освоили банковское дело; тот же Ходорковский начал стремительный взлет с создания банка «Менатеп». Гусинский получил чуть ли не эксклюзивное право кредитовать Москву, получая от нее же бюджетные средства. Происходило следующее: банкир получал средства под 60 процентов годовых, а кредиты выдавал под 260. 200 процентов навара! Как тут не разбогатеть, как не прослыть гением?!

Второе: реформаторы правы, когда утверждают, что для создания рыночной экономики необходимы либерализация, приватизация и демонополизация. Однако внутри этого треугольника таятся подводные камни. Либерализацию можно осуществить посредством принятия указа – отпустил цены, и вот она, либерализация. Приватизация же, сколь-нибудь качественная, продлится годы и годы, а на демонополизацию потребуются десятилетия.

Но правительство Ельцина-Гайдара не хотело воспринять эти предложения и советы. Потому что тогда не удалось бы продать по дешевке тот же «Уралмаш», нефтяные провинции, предприятия военно-промышленного комплекса, предотвратить вывоз металла под видом металлолома. И, следовательно, главную цель, идею-фикс – быстрое создание класса собственников, готовых защищать свои интересы «до последней капли крови» – пришлось бы откладывать на потом, а это грозило существованию правительства.

Понимал ли президент, что творит правительство, осознавал ли, во что вляпался, доверившись авантюрной группе? Скорее нет, чем да. За час до наступления нового тысячелетия он нашел в себе силы попросить прощения у народа, который вверг в мучительную и долгую депрессию, но может ли это раскаяние полностью оправдать его?

И еще одна точка напряжения

Ободренное президентом правительство ничуть не комплексовало, слушая противников и недоброжелателей. Никто им не был авторитетом, любые предостережения и советы отскакивали от них, словно горох от стенки.

На парламентских слушаниях, организованных объединенной депутатской фракцией Республиканской партии, Социал-демократической партией и левым центром, команда Гайдара была атакована известными учеными-экономистами, организаторами производства. По их мнению, следовать дальше таким путем, на какой встало правительство, значит привести страну к краху. Академик Георгий Арбатов эти действия назвал «необольшевизмом». Он предостерег: сотрудничество только с Международным валютным фондом, игнорирование других международных организаций – крайне опасная игра. 70 процентов программ, разработанных экспертами фонда, проваливаются, а сотрудничавшие с фондом страны превращаются в вечных должников. Нельзя принимать за одобрение реформ народом, утверждал он, и то, что люди не взбунтовались, не умерли зимой. Куда хуже – они начали люмпенизироваться, а это, по мнению академика, хуже, чем бунт.

Академик Святослав Федоров, создавший еще в советские времена народное предприятие – Институт офтальмологии, говорил: надо заниматься не макро-, а микроэкономикой конкретного человека. Дать ему свободу, чтобы он стал собственником. Иначе нас ждет диктаторский режим.

Николай Петраков, академик, призывал отказаться от идеи бездефицитного бюджета, восстановить строгий контроль за распределением кредитов при низкой ставке процентов и замораживании цен и заработной платы.

Все эти и подобные им предложения отвергались решительно и напрочь. Как правило, аргумент был один: все, что вы предлагаете, есть возврат к командно-административной экономике. Как будто на всей планете найдется хотя бы одно государство, полностью отказавшееся от регулирования экономики. А Россия особенно нуждалась во вмешательстве государства в экономическую жизнь, поскольку оказалась в положении огромного корабля, круто свернувшего с предыдущего курса и оказавшегося в Бермудском треугольнике. Требовался опытный капитан, однако капитанским мостиком завладели самоуверенные прожектеры.

В начале лета 1992 года правительством и президентом

овладела новая идея: референдум. Пусть народ скажет, кому он больше доверяет: президенту или Съезду и Верховному совету. То есть речь шла все о том же – о власти. В самом референдуме ничего предосудительного не было – почему бы и впрямь не спросить людей и, в конце концов, закончить вязкую борьбу ветвей власти? Но дьявол, как известно, кроется в деталях.

Спустя год после президентских выборов Ельцин утратил прежнюю популярность. Институт социологии парламентаризма, например, утверждал, что сохранились лишь «островки поддержки», да и те лишь потому, что «не на кого больше надеяться». Безусловно, негативно влияла на имидж президента сформировавшаяся в обществе мысль о его несамостоятельности. Одна часть (меньшая) считала его заложником партноменклатуры, другая (бо́льшая) – неспособным противостоять напору правительства, Международному валютному фонду. В таких условиях, предупреждали разумные люди, опасно идти на референдум, поскольку в расхристанной стране, где институты власти не притерлись друг к другу, держатся на волоске, отрицательный результат (отказ в поддержке) приведет к коллапсу. Попытка разрешить общий, всеобъемлющий кризис путем референдума лишь усугубит кризис его составных частей – политики, власти и авторитета президента. Прежде чем решиться на референдум, необходимо взвесить потери и обретения, результат и его цену. Даже в случае убедительной победы президента (а это сомнительно) неизбежно обострение политической борьбы. Внимание правительства и общества будет отвлечено от экономических реформ, чт, в конечном итог, может потребовать чрезвычайных мер управления. «Вам не хватает чрезвычайщины?» – спрашивали оппоненты сторонников проведения референдума. На этом фоне, убеждали они, следует ожидать сплочения оппозиции, ее радикализации. «Победив» на референдуме, Борис Ельцин окажется лицом к лицу с единой и разъяренной оппозицией и недовольной массой. После «победы» президента оппозиция легко соберет необходимое количество подписей за проведение другого референдума – об отставке президента. В условиях же поражения Съезда и неизбежных новых выборов депутатов люмпенизированное население, скорее всего, единодушно проголосует против демократов, ныне стоящих у власти.

Увы, предостережения не были услышаны. Это побудило Конституционный суд выступить с заявлением. А председатель Верховного совета начал искать единомышленников в регионах.

Цитата. Конституционный строй под угрозой

«Российская газета», 27 июня 1992 года.

«Конституционный строй нашего государства – под угрозой. Противостояние различных радикальных сил приближается к крайней черте. Усиливается правовой нигилизм, попираются основополагающие конституционные принципы, разрушаются гражданский мир и согласие. Отдельные должностные лица и политические лидеры различной ориентации выступают за устранение конституционных органов власти. Все чаще раздаются призывы к насильственному свержению конституционной власти, к разжиганию социальной, национальной и религиозной розни, нередко сопровождаемые насильственными действиями. Возникла опасность втягивания армии в разрешение внутренних конфликтов.

Если Верховный совет России и другие представительные органы власти, президент и правительство, правоохранительные органы будут и далее проявлять медлительность в осуществлении возложенных на них функций по защите конституционного строя, страна не гарантирована от социального взрыва, анархии и разрушения.

Невыполнение высшими должностными лицами своих обязанностей по защите конституционного строя ставит Конституционный суд перед необходимостью рассмотреть вопрос об их конституционной ответственности».

Отступление. Раскол

В Краснодар на совещание руководства Верховного совета, руководителей республиканских, краевых, областных Советов помимо Руслана Хасбулатова летели и его три заместителя: Сергей Филатов, Владимир Шумейко, Юрий Яров. Обычно на подобные мероприятия приглашали и главного редактора «Российской газеты». Так я оказался в одном служебном самолете вместе с руководителями парламента.

Самолет не был приспособлен для длительных перелетов и работы. В нем было три салона: в первом, сразу за кабиной пилотов, похожим на обычное вагонное купе с двумя полками и столиком, размещался Хасбулатов; во втором, примерно раза в три бо́льшим по размеру, с диваном и столом, его ближайшие помощники; в третьем, весьма скученном из-за близко установленных друг к другу кресел, размещались секретари, технические работники, журналисты.

Разговор в Краснодаре шел о том же: о причинах жесткого противостояния властей и о том, как его преодолеть. Было принято заявление, выдержки из которого будут приведены ниже.

Возвращались из Краснодара дня через два. Во втором салоне были два помощника Хасбулатова, Филатов, Шумейко, Яров и я. Минут через 20 после взлета заместители неожиданно, но дружно, поднялись и направились в купе Хасбулатова. Филатов, проходя мимо, задел меня коленом, подмигнул и произнес фразу, которая очень встревожила меня: «Пошли в бой».

Здесь я, наверное, должен пояснить, что собой представляли эти люди.

С Филатовым я сошелся в то время, когда он, народный депутат РСФСР, был назначен секретарем президиума Верховного совета. Это техническая должность, но, тем не менее, значимая: через него проходили все вопросы, выносимые на обсуждение президиума, а затем и на сессии Верховного совета. Я в нем был заинтересован, поскольку имел доступ ко многим документам, которые давали много информации, полезной для газеты. Можно сказать, мы подружились. Жили мы тогда в правительственном дачном поселке Архангельское (там же были дачи Ельцина, Хасбулатова, некоторых министров), в выходные дни встречались за одним столом (то он с супругой бывал у нас в гостях, то мы у них). Обильных возлияний Филатов не любил, ограничивались двумя-тремя рюмками. Часов в восемь вечера супруга торопила Сергея Александровича домой. Как-то я попытался их задержать, но Галина (жена Филатова) со вздохом сказала: никак нельзя, мне

еще часа два с ним возиться. Оказалось, он страдал от обильной перхоти, и жена его раз в неделю чем-то обрабатывала. (У Сергея Александровича, действительно, благородная густая седина, намекающая на ум и даже мудрость, так что грех не позаботиться о ней.)

Встречались мы чуть ли не каждый день и в стенах парламента, пили в его комнате отдыха кофе. Когда он стал первым заместителем Хасбулатова, ездили в Германию, в окрестности Москвы. Филатов нередко был со мною откровенен, но до конца в свои мысли не допускал. Но я заметил, что он старается приблизить меня к себе. Одно время заместители Хасбулатова даже устроили эдакое «соревнование» в приглашениях в зарубежные поездки. Но мне заграничные вояжи, откровенно говоря, порядочно поднадоели, да и, слава богу, сообразил, что к чему.

И все же основным препятствием к более тесным контактам с Филатовым служило другое: я всегда был в отчаянии, когда пытался поговорить с ним на важные темы. В своих суждениях он был настолько банален, что от бесед с ним сводило скулы. Раз в месяц-два ему надо было объявиться на страницах газеты (все же первый заместитель!), но добиться от него свежей мысли, оригинального подхода к той или иной проблеме было просто невозможно. Я даже побаивался направлять к нему сотрудников газеты: ведь тут же обнаружится серость – пусть уж я один буду знать об этом его несчастье.

Но, как позднее выяснилось, Сергей Филатов обнаружил таланты в другой сфере – в подковерной борьбе.

О Ярове я мало что могу сказать. Это разумный, надежный человек, который умеет служить сильной власти. Мне кажется, он всегда боялся свободы выбора. Вжившись в какую-то систему, он с большой неохотой меняет ее. Он и лоялен к начальству, и в то же время не заискивает перед ним. Самое же главное его положительное качество – неамбициозность. Он как бы с детства выбрал себе среднее место и не претендует на большее. Поэтому в глазах власти – надежен. Думаю, он скрепя сердце шел в самолете к Хасбулатову, как оказалось, «на разборки».

Шумейко – это прежде всего пышущий здоровьем и мужской силой человек. Конечно, он никакой не политик, и жаль, что ему никто не посоветовал держаться от нее как можно дальше. В нем так много нормальной природной жизни, так много легкомыслия, здорового цинизма и юношеской задиристости, что пытаться совместить эти прелестные качества с серьезной политической работой в качестве заместителя председателя Верховного совета было бы равносильно попытке объединить характеры Дениса

Давыдова и фельдмаршала Кутузова. Видная внешность, некая даже смазливость, всегдашняя веселость и расположенность в любое время рассказать и выслушать анекдот понудили бы наблюдавшего за ним человека искренне сожалеть, что такой человек попался на политическую удочку, тогда как ему подходит роль вечного комсомольского вожака областного разлива. Кажется, он был и трусоват. Во всяком случае, рассказывали, что когда меня в сентябре 1993 года (после издания знаменитого указа № 1400, но еще перед пальбой по парламенту) Черномырдин своим распоряжением отстранил от должности главного редактора, то якобы эту весть в редакцию поручили отвезти Шумейко, тогда вице-премьеру и министру печати, но тот, узнав по дороге о собрании редакционного коллектива, посвященном этому вопросу, повернул обратно. Так что бумагу с распоряжением Черномырдина привез фельдъегерь и уже после физической расправы над парламентом.

Вот эти люди и направились к Хасбулатову. Пробыли они там, если не изменяет память, минут 15–20. На другой день я узнал, зачем ходили: заместители предложили Хасбулатову уйти в отставку. Последующие события показали, какой ответ они получили.

Через день-другой состоялась наша встреча с Филатовым. Я в мягкой форме начал его убеждать, что менять в настоящее время руководство парламента означает не что иное, как согласиться с экономической политикой Гайдара. Выразил удивление тем, что еще недавно все они дружно вместе с председателем парламента противостояли этой политике. Что изменилось?

«Хасбулатов нас обманул, – сказал Филатов. – Мы действительно против политики Гайдара, но Хасбулатов, возбуждая нас против нее, преследовал личные цели». Какие? По версии Филатова, Хасбулатов трижды ходил к Ельцину и выпрашивал пост председателя правительства. В первый раз Ельцин ответил, что он, Хасбулатов, нужен ему в парламенте. Дескать, только вы, Руслан, можете сдержать этих бешеных народных избранников. На вторую просьбу Ельцин промолчал. А на третью ответил отказом. После чего Хасбулатов якобы и открыл прямой огонь по правительству Гайдара, а косвенно и по Ельцину. Южный человек, обиделся. И нас подставил.

Для меня эта версия была и неожиданной, и неправдоподобной. Я рассуждал так: зачем второму (реально) человеку в России желать стать третьим? По действующей тогда конституции председатель Верховного совета через решения Съезда мог не только больно ужалить самого президента, но и отстранить его от власти. Тут, кстати, не было противоречия,

правовой «несправедливости». Да, президент избирался всем народом (всенародно избранный ты наш!), но ведь и Съезд (коллективный орган) избран всем народом. И логично, когда в случае их противостояния скорее коллективный орган может (естественно, за дело и строго в соответствии с процедурами) отстранить от должности президента, а не наоборот. Все-таки труднее себе представить самодуром коллективный орган в количестве тысячи человек, чем одну личность. И примеров в подтверждение этому в истории – тьма-тьмущая.

Далее я рассуждал так: Хасбулатов и впрямь мог предложить себя на пост председателя правительства, но в таком случае он должен был руководствоваться другими намерениями. Видя последствия губительной политики Гайдара, он мог сказать Ельцину: Борис Николаевич, эта политика смертельно опасна для страны, надо ее менять. На что Ельцин (у них тогда были еще нормальные отношения) мог дать ответ, подобно тому, какой дал в свое время Сталин: у меня других «писателей» нет. Ну, давайте, мог сказать Хасбулатов, я возьмусь за это дело. По каким-то причинам – и можно себе представить, по каким именно – Ельцин не стал этого делать. Когда же Верховный совет и Съезд усилили давление на правительство (Ельцина еще оберегали), возникли первые признаки конфликта.

Мне стало совершенно ясно, что Филатов, Шумейко, Яров или сразу все вместе, или по отдельности прошли обработку в ельцинском окружении и имели обстоятельные беседы с самим Ельциным. Ясно было и то, что он что-то им пообещал, в первую очередь трудоустройство. И не только им, но и всем депутатам, которых они поднимут на бунт против Хасбулатова.

С этого времени начался раскол в Верховном совете. Кто оказался в оппозиции Хасбулатову? Это в первую очередь «безработные» депутаты. Ведь многие народные депутаты России в основном трудились на своих прежних местах в своих областях, краях, республиках, наведываясь в Москву только на время работы съездов. На постоянной основе работали члены Верховного совета, примерно пятая часть от всех народных депутатов. «Безработные» депутаты – это те, кто, не будучи членом Верховного совета, тем не менее оставили свою прежнюю работу, постоянно жили в гостинице в Москве, приписаны были к комитетам Верховного совета, получали денежное довольствие, участвовали в заседаниях сессий Верховного совета и даже его президиума, правда, с правом совещательного голоса. Но рта им никто не закрывал, и они-то, как правило, бузили. Их было порядочно, наверное, человек двести, и вот эти «люмпен-депутаты» составили боевую команду Филатова и Шумейко,

которые в конце 1992 – начале 1993 года получили высокие должности в администрации президента и в правительстве. Филатов стал руководителем администрации президента, Шумейко – первым вице-премьером правительства. Они-то вместе с окружением Ельцина спланировали и реализовали план развала парламента путем изъятия из него депутатов в исполнительную власть.

Я размышлял тогда (и этому можно найти свидетельства в «Российской газете» тех лет) над действиями Ельцина. Казалось бы, он, как президент страны, взявший на себя ответственность за нее в поворотный момент ее истории, обязан был укреплять парламент – главный, если не единственный в условиях отсутствия сильных партий форпост нарождавшейся демократии. А он, напротив, наотмашь бил по нему. Исход десятков, а потом и сотен депутатов из парламента и формально, и фактически не просто ослаблял, но и делал парламент нелегитимным, поскольку на место убывающих должны были прийти новые депутаты, а это означало новые выборы во многих десятках округов. К тому же депутаты грозили не просто уйти, а делали это с шумом, визгом. Заседания Верховного совета нередко превращались в хорошо спланированные ими склоки, шоу, после чего они с удовольствием и восторгом обменивались впечатлениями о срыве заседания, о том, как сегодня «досталось Хасбулатову».

Сценарий истощения парламента, внесения в его работу хаоса набирал силу. Как-то часов в одиннадцать вечера, когда я подъезжал уже к дому, в машине раздался звонок. Помощник Хасбулатова сказал, что тот просит меня срочно приехать. Развернул машину. Хасбулатов в кабинете был один. На столе бумаги, чашка с недопитым кофе, многочисленные трубки, которые так любили обыгрывать в газетах и на телевидении, намекая на схожесть Хасбулатова со Сталиным. Ничего глупее выдумать мои коллеги не могли: ребенком вместе с матерью Хасбулатов был вывезен в Казахстан по велению Иосифа Виссарионовича, и, конечно, трудно вообразить, что он боготворил вождя, поступившего с его родителями и чеченским народом так сурово.

Хасбулатов поднялся и жестом пригласил в комнату отдыха. О чем-то несущественном спросил. Потом с глубоким вздохом сказал: «Как много предательства…». Я, конечно, все понял. Сказал: «Крепитесь. Вы можете быть уверены в «Российской газете», пока я там главный редактор». Он быстро взглянул на меня, и я увидел в его глазах и недоумение, и недоверие, и чуть-чуть надежды. Помолчав, он повторил: «Я не мог себе представить, что так много может быть предательств».

Хасбулатов к тому времени буквально почернел от бессонницы, кофе, табака. На одном из заседаний Верховного совета он, подходя к столу президиума, заметно пошатнулся и, наверное, упал бы, если бы его не поддержали. Депутат из Кемерово, кстати, врач, истошно заголосила: «Да он наглотался наркотиков!». На следующее утро газеты охотно подтвердили «диагноз». Хасбулатова с высоким давлением госпитализировали. В больнице он провел, кажется, неделю.

Цитата. Заявление участников Всероссийского совещания руководителей республик, краев, областей и национальных автономий в Краснодаре

«Российская газета», 19 мая 1992 год. Принято 15 мая в Краснодаре. Печатаются фрагменты.

«Совещание рекомендует Верховному совету Российской Федерации и Правительству Российской Федерации осуществить на согласованной основе срочную корректировку экономической реформы с учетом решений шестого Съезда народных депутатов России, специфики и состояния производства, конкретных регионов, других территориально-административных районов. Но проводить их надо не революционно-разрушительными, а комплексными созидательными методами, не допуская дальнейшего ухудшения социально-экономического положения людей.

Как было подтверждено на шестом Съезде народных депутатов, нужны предельно конкретные, согласованные действия Президента и Председателя Верховного совета страны, парламента и правительства. Мы реально видим, что время, отпущенное на созидательные реформы, заканчивается, доверие народа фактически исчерпано. А без этого никакие преобразования невозможны, какой бы властью высшие органы государства и их лидеры ни были наделены. Пора это понять всем. Пора прекратить искать в родном Отечестве противников. Президенту и парламенту нужно …отмежеваться от тех групп политиканов, которые на протяжении ряда лет специализировались лишь на разрушении общества и не в состоянии стать на позиции созидания.

Работая непосредственно на местах, испытывая на себе настроения людей, мы видим реально: если Верховный совет, Президент, Правительство не будут стремиться к единству действий, консолидации различных политических сил, если не будут осуществлять согласованную экономическую политику в интересах народа и стабилизации социально-экономического положения, если законодательная и представительная власти будут подвергаться остракизму и не будут решительно остановлены те силы, которые стремятся к разрушению единства Российского государства, – народ откажет в доверии нынешним

лидерам всех уровней. Пора всем нам прекратить искушать судьбу, играть судьбами людей, навязывая им бесконечные референдумы и бесплодные дискуссии».

10 сентября в Чебоксарах состоялось совещание руководителей Советов и республик в составе России. Были приглашены и главы администраций регионов. Участие в нем приняли Борис Ельцин, Руслан Хасбулатов, Егор Гайдар. С речью выступил президент. «Российская газета», в отличие от многих других печатных средств массовой информации, которые по инерции продолжали вести прицельный огонь по парламенту, приветствовала наметившуюся стабилизацию в отношениях властей. Председатель Верховного совета призвал депутатов «не торпедировать конструктивное сотрудничество, не требовать отставки правительства накануне крутого поворота в реализации экономической и политической реформ». Президент тоже протянул пальмовую ветвь парламенту, призвал к сотрудничеству. Впрочем, он уже не раз делал примирительные заявления, но тут же находил причины дезавуировать их. Создавалось впечатление, что менять мнения стало для него нормой.

В Чебоксарах принято заявление руководителей республик Российской Федерации, под которым подписались 14 республик (за исключением Татарстана). Заявление было неожиданным: руководители республик обратились к …средствам массовой информации с призывом прекратить шельмование парламента и его председателя.

Цитата. Почему российские республики поддерживают Верховный совет

«Российская газета», 2 октября 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«В последнее время, особенно после шестого Съезда народных депутатов РФ, в средствах массовой информации постоянно подвергаются критике высшие органы государственной власти России. В крайне резкой форме негативно оценивается деятельность Съезда, Верховного совета РФ. Наиболее грубым нападкам подвергается председатель Верховного совета РФ Р.И.Хасбулатов. Считая свободу печати важнейшим условием демократического развития общества, не желая ни в коей мере ограничить критику, вынуждены констатировать, что сознательное, целеустремленное нагнетание ситуации некоторыми средствами информации …не имеет ничего общего с принципами демократии и гласности, а служит далеко идущим целям определенных политических кругов и сил. Эта пропагандистская шумиха, на наш взгляд, нужна им для того, чтобы отвлечь внимание людей от насущных проблем развития, дестабилизировать существующие в обществе мир и спокойствие. …Уверены, что соблюдение сложившегося разделения властей – важнейшее условие сохранения России как целостного государства».

Горячие точки в России и вокруг нее

Помимо проблем экономических, бесконечных споров о политическом устройстве государства, в России и вокруг нее теплились, а где и разгорались костры межнациональных усобиц. Они чем-то напоминали пожары в тайге в сухую погоду – то там вспыхнет, то тут. Северный Кавказ, Молдавия, Крым… О некоторых конфликтах мы успели подзабыть, что, может, и хорошо. Но в свое время они несли большую угрозу целостности страны.

Хроника. О ситуации в Южной и Северной Осетии

«Российская газета, 16 июня 1992 года.

«Глава республики Южной Осетии Торез Кулумбеков заявил: если не прекратится немедленно артиллерийский обстрел грузинскими войсками, неизбежны многочисленные жертвы ни в чем не повинных людей. Он подтвердил, что начиная с мая в республике погибли 160 защитников и мирных жителей, около 400 ранены. В Цхинвале разрушено 70 процентов жилых домов. Президент Конфедерации горских народов Кавказа Мусса Шанибов заявил, что если в ближайшие дни в Южной Осетии не произойдут позитивные изменения в отношениях республики и Грузии, то миротворческие силы Конфедерации будут введены в район боевых действий. Министр обороны Грузии Тенгиз Китовани решительно заявил, что грузинская сторона никогда не допустит ввод войск Конфедерации горских народов.

В Северную Осетию прибыло подразделение отдельной мотострелковой дивизии особого назначения. Введен режим чрезвычайного положения во Владикавказе и ряде сельских районов».

Цитата. Заявление Председателя Верховного совета Российской Федерации Р.И.Хасбулатова в связи с событиями в Южной Осетии

«Некоторые политические деятели Грузии, вооруженные формирования Грузии взяли курс на вытеснение южных осетин с их исторической родины. Села, деревни, город Цхинвал обстреливаются всеми видами оружия, включая артиллерию. Применяется ракетная техника. Имеются многочисленные жертвы. Достигнутые договоренности президента России и руководителей Грузии с участием Южной Осетии о приостановлении кровопролития и начале мирных переговоров цинично нарушены вооруженными формированиями Грузии. Усиливается давление на небольшой контингент российских воинских частей, находящихся на территории Южной Осетии в миротворческих целях, имеются случаи их обстрела со смертельным исходом. Десятки тысяч беженцев устремляются в густонаселенные районы Северной Осетии, объективно создавая здесь условия для социального взрыва. Верховный совет России, уважая добрососедские отношения с Грузией, ранее не рассматривал официальное обращение Южной Осетии о ее присоединении к Российской Федерации. Однако теперь российский парламент поставлен в такие условия, когда будет вынужден немедленно рассмотреть этот вопрос согласно волеизъявлению народа и обращению властей Южной Осетии. Требуем прекратить провокации в отношении российских солдат и офицеров, выполняющих свой долг по защите мирного населения».

Цитата. Человек с ружьем. Чеченский вариант

«Российская газета», 1 июля 1992 года. Фрагменты из статьи собственного корреспондента на Кавказе Александра Алешкина.

««Кому должен подчиняться «человек с ружьем» – парламенту или президенту?" – такой вопрос возник уже с момента провозглашения Чеченской республики осенью прошлого года, а за прошедший год он приобрел особую остроту. Председатель парламентского комитета по делам обороны и национальной безопасности, руководитель национальной безопасности Чечни Ибрагим Сулейманов: "Дудаев своим указом подчинил "человека с ружьем" себе, но парламент отменил указ как противоречащий Конституции". По мнению Сулейманова, эта структура не должна быть в ведении одного человека. Таким образом, формально, юридически, военной службы в Чеченской республике как бы и нет, она зависла между двумя хозяевами. Но …определенные силы собираются под этими знаменами, заявляя, что такая служба есть. И они действуют: производят обыски, задерживают людей. Огромное число людей получили в руки оружие, приобретя его на черном рынке, разграбив военные городки. При общем обнищании и хаосе каждый решает свои проблемы "по законам революционного времени": силой оружия. Кремль не должен связывать надежды со смутой в республике, суверенность которой он не хочет признать: пусть-де обнищавший и озлобленный народ разберется со строптивым генералом. Стабильность и благополучие в Чечне выгодны и самой России. Деталь: местные газеты напечатали сигнальные образцы первых чеченских марок. Их три. На одной – портрет шейха Мансура, вождя освободительного движения восемнадцатого века. На другой – портрет имама Шамиля. На третьей – Джохар Дудаев в форме генерала советской армии. И это человек, который угрожает «превратить Москву в зону бедствия»».

Пять дней войны. 600 убитых. И 1000 раненых

Осетино-ингушский конфликт разразился в 1992 году. До этого осетины и ингуши жили вперемешку на одной территории много веков. Конфликту предшествовали следующие события: март 1991 года – закон РСФСР о реабилитации чеченцев и ингушей; апрель 1991 года – объявление Северной Осетией чрезвычайного положения во Владикавказе и Пригородном районе (в Пригородном районе на этот момент в основном жили ингуши. – *Авт.*); осень 1991 года – отделение де-факто Чечни от Ингушетии; июнь 1992 года – образование Ингушской республики в составе России.

Причина противостояния народов – одна: возвращение ингушей из Казахстана и Сибири к прежнему месту жительства, где они стали претендовать на свои покинутые не по их воле села и дома, в которых уже десятилетия проживали осетины. Кто возьмется рассудить, ингуш прав или осетин? Нет ни правых, ни виноватых. Государство, власть привели мирных людей к кровавому конфликту.

Военные действия начались в ночь на 31 октября 1992 года. И начались они с обстрела ингушских сёл Пригородного района. 2 ноября президент России по требованию парламента вводит на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской республики чрезвычайное положение. На следующий день сюда переброшены восемь тысяч военнослужащих МВД, войск специального назначения Министерства обороны. Во Владикавказе введен комендантский час.

Однако эти меры не привели к миру. Продолжались нападения на воинские подразделения с целью захвата оружия и боеприпасов, начался захват заложников. В итоге за пять дней активных сражений погибло, по некоторым сведениям, более 600 человек, почти 1000 ранены, некоторые пропали без вести.

В переделку попал и собственный корреспондент «Российской газеты» на Северном Кавказе Александр Алешкин. Примерно в 15 часов 2 ноября в редакцию «Российской газеты» позвонила супруга Александра и, рыдая, сообщила, что муж арестован какими-то «бородачами» и уведен ими неизвестно куда. Искали в их квартире соседа, ингуша, с которым они уже несколько лет дружны, шашлыки жарили, вместе встречали новый год. Этот человек попросил приютить его детей, а сам где-то укрылся. «Бородачи» обвинили Алешкина в том, что он укрывает ингушей.

Увезли за город, где лидер «ополченцев» Бибо Ватаев, кстати, актер местного театра, обвинил журналиста в пособничестве «врагам Осетии».

Я немедленно связался по телефону с председателем Верховного совета Северо-Осетинской ССР Ахсарбеком Галазовым. За два-три часа до этого мы встречались с ним в Верховном совете России, по-моему, о чем-то даже перемолвились. Дозваниваться пришлось в самолет (многие руководители республик к тому времени уже обзавелись этим личным транспортом. – *Авт.*). По характерному шуму, донесшемуся из телефона, можно было догадаться, что в салоне началось застолье. Галазов отшутился, дескать, все это бабьи выдумки. Чтобы подстраховаться, позвонил вице-президенту Александру Руцкому, но и после оставалась тревога. Третий звонок – заместителю председателя комитета безопасности. Не знаю, какой звонок из трех сработал, но к вечеру Александр Алешкин оказался на свободе. Встал вопрос: как ему после всего этого работать в республике?

Цитата. Безопасность корреспондента «Российской газеты» не гарантирована

Заявление редколлегии «Российской газеты», 10 декабря 1992 года.

«2 ноября во Владикавказе вооруженными «ополченцами» был задержан у себя на квартире собственный корреспондент «Российской газеты» по Северному Кавказу Алешкин Александр Михайлович. Задержание сопровождалось несанкционированным обыском, угрозами физической расправы. Об этом «Российская газета» сообщила в номерах за 3 и 4 ноября. Председатель Верховного совета Северо-Осетинской ССР Ахсарбар Галазов на пресс-конференции в Москве 4 ноября дезавуировал эти неоспоримые факты, утверждая, что А.Алешкин «весь день 2 ноября мирно работал на сессии Северо-Осетинского парламента», назвав эту историю «уткой на соломенных ножках». Алешкин действительно 2 ноября присутствовал на сессии, но чрезвычайная сессия парламента открылась вечером, а задержание произошло днем, в 14.15, и продолжалось 3 часа. Возложив всю ответственность за учиненное беззаконие на администрацию Владикавказа и не получив от нее ни извинений, ни гарантий безопасности собственного корреспондента «Российской газеты» и членов его семьи, редакционная коллегия «РГ» отозвала Александра Алешкина из Владикавказа в Москву в распоряжение редакции.

Редакционная коллегия «Российской газеты» заявляет, что, пока не будут получены от органов государственной власти Северо-Осетинской ССР гарантии личной безопасности собственного корреспондента «Российской газеты» и членов его семьи, А.М. Алешкин не сможет приступить к исполнению своего профессионального долга во Владикавказе, и вся ответственность возлагается на власти Северной Осетии.

…В некоторых источниках называется страшная цифра: 30 тысяч человек в результате осетино-ингушского конфликта покинули свои дома, квартиры и вынужденно переселились в места, где пришлось начинать новую жизнь. Собкор «Российской газеты» – один из них».

Цитата. Хакасия: нет экстремизму

«Российская газета», 2 июля 1992 года.

«По местному радио выступил один из лидеров национальной организации «Тун» Валерий Ивандаев. На съезде хакасского народа он был избран председателем чон чоби (народного совета). В своем выступлении он подтвердил прежние свои суждения, одно из которых заключается в том, что «русские – это оккупанты, мы их в Хакасию не звали». Тун – организация, претендующая на право представлять хакасский народ, который, кстати, составляет 11 процентов от всего населения республики».

Цитата. Против нас начинается настоящая война — считает председатель Верховного совета Приднестровской Молдавской республики Григорий Маракуца

«Российская газета», 20 мая 1992 года.

«Пока Россия и другие страны Содружества не вмешиваются, это активно делает Румыния. Недавно границу пересек эшелон с двумя вагонами с боеприпасами, двумя вагонами со стрелковым оружием и двадцатью с БТР. На позициях Молдовы мы видим румынских военных советников. И хотя Молдова ведет с нами переговоры, но делает это «для отвода глаз». Явно не хочет перейти к главному вопросу: о выводе вооруженных формирований. Почему переговоры зашли в тупик? В парламенте и правительстве Молдовы много сторонников объединения с Румынией. Утром и вечером по радио звучит румынский гимн, на улицах развешаны румынские флаги. Пусть объединяются, это их право. Но мы в Приднестровье провели референдум, и люди высказались за самостоятельность нашей республики. Б***о***льшую часть нашего населения ничего не связывает с Румынией. В ответ они стреляют по нам из танков и установок «Град»».

Цитата. В городе стреляют. Непонятно, кто и откуда

«Российская газета», 9 июля 1992 года. Печатаются отдельные фрагменты-зарисовки из репортажа специального корреспондента Павла Анохина.

«Минут тридцать идем по улицам Кишиневской, Советской (Бендеры, Приднестровье). Трупов не видно, но и живых людей тоже. Город словно вымер, угнетает пустынностью улиц. «Тишина – страшнее стрельбы», – ловлю себя на мысли. Чем ближе к центру, тем более угнетающей становится картина. Деревья, заборы, дома, отмеченные редкими следами пуль и снарядов, постепенно сменяются иссеченными столь густо, что кажутся похожими на сплошное решето. Вдоль дороги лежат сгоревшие в огне сражения бэтэры, бээмпешки, зенитные установки, автомашины. Горсовет, за который разгорелся ожесточенный бой, …напоминает кадры из кинохроники времен Великой Отечественной. Пробитые снарядами стены, разрушенные перекрытия этажей, следы пожара. Хрустит под ногами стекло.

Натыкаемся на пункт записи добровольцев в ополчение. Дежурный по пункту – член президиума рабочего комитета города Аркадий Шаблиенко. «За день поступает около 80 заявлений, – рассказывает он. – Наши требования элементарны: доброволец должен быть совершеннолетним, несудимым».

Директор средней школы № 2 Виктор Волошин: «Тут, в Бендерах, все потрясены случившимся. Если раньше в чем-то сомневались, то теперь намерены стоять до конца. Мой род живет здесь чуть ли не с четырнадцатого века, мы всегда были русскими. И здесь все – носители русской культуры. Это объединяет местных: и русских, и евреев, и украинцев, и молдаван».

…Резко звучит автоматная очередь. В ответ – вторая, третья, и пошло-поехало. Останавливаемся словно вкопанные, боясь пошевелиться. Откуда-то выбегает собака и, поджав хвост, стремглав мчится вдоль улицы.

Спрашиваем, как добраться до отделения полиции. Там, наконец, встречаемся с официальным лицом – комиссаром отделения, полковником Виктором Гусляковым, русским, отстаивающим политику Кишинева. Задаем вопрос: «Почему вы, русский, защищаете интересы молдаван?» – "Не молдаван, а Молдовы… Я защищаю конституцию республики, законность и

правопорядок" – "Какие силы заинтересованы в конфликте?" – "Те, кто желает восстановить СССР и военно-промышленный комплекс". – "Но, согласитесь, устремления Тирасполя не нашли бы отклика у людей, если бы для этого не оказалось почвы". – "Были ошибки и у Кишинева, – соглашается полковник. – Например, решение о государственном языке, линия Народного фронта Молдовы на вхождение в Румынию—.

Возвращаемся проторенным путем: полиция – гвардейцы – горсовет – окраина Бендер. Пересекать каждую улицу, каждый перекресток приходится перебежками, пригибаясь чуть ли не к самой земле. Справа и слева трещат автоматы, ухают пушки и минометы… Ветка над головой неожиданно вскинулась, словно живая, и подсеченная невидимой силой падает у ног. Открываем чью-то калитку и огородами-огородами бежим подальше и от тех, и от других».

P.S: В этом же номере газеты два сообщения:

1. «"Правительство Румынии оказывает военную поддержку молдавским экстремистам" – к такому выводу пришло Международное общество защиты прав человека, делегация которого совершила поездку по Молдавии и побывала в Приднестровье»;

2. «Министр национальной обороны Румынии Николае Спирою: "Объединение (Румынии и Молдовы. – *Авт.*) должно произойти де-факто, а де-юре оно состоится, если будет необходимо».

Цитата. Вывести грузинские войска из Абхазии

«Российская газета», 20 августа 1992 года.

«С этим призывом к Государственному совету и правительству Грузии, Верховному совету и правительству Абхазии обратились руководители республик Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Краснодарского и Ставропольского краев. «Наша боль и тревога, – заявили они, – понятны. Народы Северного Кавказа имеют вековые исторические добрососедские связи как с грузинским, так и с абхазским народами. Считаем, что решения спорных вопросов силой оружия не должно быть в сегодняшней жизни»».

Крым – невзорвавшаяся бомба

Прошло более 70 лет после Великой Отечественной, а и по сей день в земле лежат не взорвавшиеся бомбы. В мире много подобных бомб. Крым – одна из них. Да, сегодня «бомба» под надежным присмотром, но запал по-прежнему остается в ней, не вынут, а мы ведь все живем в мире непредсказуемом, и то, что сегодня кажется очевидным и вечным, завтра окажется хрупким и иллюзорным. Так было, так и будет, пока человечество не осознает, что планета дана не отдельным государствам, а всем людям, живущим на ней. Когда это случится и случится ли вообще? Сегодня глупо загадывать и то, и другое. Сегодня разумно жить «по обстоятельствам».

«Обстоятельства» же с Крымом хорошо известны. Россия начала борьбу за безопасность своих южных границ, которые регулярно подвергались набегам орд Крымского ханства, еще со времен Ивана Грозного. Завершилась эта борьба принятием 3 апреля 1783 года манифеста Екатерины II о включении в состав России Крыма, Таманского полуострова и Кубани. Русские воины за эти годы совершили восемь походов за Крым, провели три войны, потеряв несколько миллионов жизней. Многие угнаны в рабство.

Такова для нас цена Крыма. И с учетом этого как не удивиться и не возмутиться фактом передачи Крыма Украине?! Пусть тогда братской, родной и надежной. Да ведь и по жизни старший брат не подарит младшему дом, в котором живут его дети, тем более, у младшего есть свой дом – просторный, теплый, обустроенный. Хрущев подарил, даже не испросив согласия собственника – России.

Впрочем, так бы и замяли дело, так бы и ушло оно в прошлое, наконец, забылось, если бы независимая Украина оставалась верным и надежным партнером независимой России, если бы в экстазе от свалившихся с неба обретений Украина не повела себя необдуманно, дерзко, пожалуй, даже разнузданно. И это при том, что взаимозависимость российской и украинской экономики была чрезвычайно велика: российская промышленность зависела от поставок с Украины на 12 процентов, Украина от российских – на 67.

В начале 90-х годов было совершено второе, после Хрущева, покушение на Крым. Происходило это на фоне борьбы русских адмиралов и генералов с Киевом за Черноморский флот. Подчеркнем: русских адмиралов и генералов, а не руководителей России. Вот что вспоминает спустя 25 лет командующий

Черноморским флотом адмирал Игорь Касатонов о тех трагических событиях.

«С распадом СССР, – говорит он, – развалилось единое оборонительное пространство на важнейшем направлении. Это пространство включало в себя силы и средства противовоздушной обороны, флот, эшелонированную оборону сухопутной границы. В этой связи я задумываюсь над вопросом, почему Ельцин отдал Крым? Я с Борисом Николаевичем не разговаривал на эту тему, но думаю, это был заказ Запада. Западу очень выгодно, чтобы Крым не был российским. В первую очередь потому, что Россия теряла полноценную крупную группировку войск на юго-западном направлении. Учтите при этом, что направление и так было ослаблено, так как семь советских военных округов оказались за границей России: три стратегических командования, три группы войск, Балтийский флот частично, Черноморский флот практически полностью.

И вот неожиданно, 10 декабря 1991 года, три командующих округами – Киевским, Прикарпатским, Одесским и я – получили указания от своих непосредственных начальников в Москве прибыть в Киев на встречу с Кравчуком. Мы удивились, но полетели. На следующий день, 11 декабря, нам объявили, что мы теперь подчиняемся только Киеву, и Кравчук у нас верховный главнокомандующий, в Москву отныне ничего докладывать не надо. И надо принимать украинскую присягу. Можете не торопиться, сказали нам наши московские начальники, но лучше это сделать уже завтра. Это вызвало у нас недоумение: вот так легко и просто?

На тот момент Черноморский флот имел базы на Черном море в Измаиле, Одессе, Николаеве, Очакове, Херсоне, в Крыму, на Кавказе, в Поти. Везде были военные коменданты, действовали система наблюдения, гидрографическая служба. Был единый механизм. И все это начинало разваливаться. А ведь Черноморский флот как оперативно-стратегическое объединение обеспечивал фланг Закавказского и Одесского военных округов, Болгарии, Румынии, был на переднем крае противостояния в Черном море с НАТО. Пытались прояснить ситуацию в Москве, но в конце декабря – начале января 1992 года ни до кого дозвониться было невозможно. А в Киев вызывали постоянно. Приказали принять присягу 3 января, развернули мощную агитационную работу. Были подключены все органы КГБ СССР, работавшие на территории Украины.

Посоветовавшись с коллегами и семьей, вечером 3 января пригласил всех на военный совет Черноморского флота и внес предложение: украинскую присягу не принимать. Все под этим

подписались. 4 января 1992 года объявил Киеву, что украинскую присягу принимать не будем. 9 января 1992 года вновь приглашены на совещание в Киев, где Кравчук объявил, что присягой не торгуют, кто не принимает присягу, пусть уезжает. Я ответил: только по одному заявлению уважаемого Леонида Макаровича мы все не можем стать украинскими гражданами.

После этого стал искать встречи с Ельциным через министра обороны СНГ Евгения Шапошникова. И 29 января 1992 года встретились в Новороссийске на противолодочном крейсере «Москва». В течение шести часов общались на корабле, в каюте, на обеде. Борис Николаевич пообещал поддержку. Но несмотря на обещания, в феврале-марте никакой поддержки не дождались. Это дало повод Украине возбудиться, почувствовать силу, уверенность.

5 мая 1992 года объявлено об образовании министерства обороны России. Министром обороны назначили Павла Грачева, который положительно относился к Черноморскому флоту. И 3 августа Россия и Украина заключили соглашение о том, что флот на территории Украины признается российским, договорный процесс будет идти, переходный период займет три года, мы остаемся в Севастополе, Черноморский флот со своих исторических мест базирования не уходит, но выходит из правового поля Украины и входит в правовое поле РФ. Решающим событием в борьбе за Черноморский флот, а следовательно, и за Крым, стал отказ моряков-черноморцев принимать украинскую присягу. Это случилось 4 января 1992 года».

В начале интервью адмирал Касатонов, размышляя о причинах сдачи Ельциным Крыма, высказал мнение, что это произошло под влиянием Запада. Такая точка зрения имеет право на жизнь. Во всяком случае США, безусловно, были заинтересованы в ослаблении России в такой важной точке. Но для нас не менее загадочен ответ на вопрос, как мог лидер Российского государства легкомысленно пойти на этот шаг. В конце концов, Крым не Ближняя дача Сталина, которую он подарил приятелю. Борис Ельцин имел возможность и, более того, обязан был при заключении между Украиной и Россией двустороннего договора (19 ноября 1990 года) поднять вопрос о Крыме как территории России, переданной из состава РСФСР в состав Украинской ССР незаконно. Он не сделал этого. При нем же, Ельцине, тогда председателе Верховного совета РСФСР, договор был ратифицирован российским парламентом. Не понимал? Не предвидел последствий? Видимо, и то, и другое. В итоге проблема Крыма была загнана внутрь, где она вызревала четверть века, пока не нашлись люди, которые взяли на себя

смелость вскрыть нагноение. Нам всем еще повезло, что сделать это удалось безболезненно.

Но возможно ли было выстроить отношения с Украиной на основе добрососедства и взаимопонимания? Судите сами. Сам факт почти 350-летнего периода совместного проживания русских и украинцев в одной державе стараниями Украины вдруг превратился в акт против России, которая якобы «колонизировала» Украину. Заметим, что на тот момент в России и на Украине проживали больше тринадцати миллионов смешанных российско-украинских семей. Кто из них колонизатор, а кто подневольный? Шутили на Украине: учитывая менталитет русских и украинцев, подневольный – муж, а колонизатор – жена.

Люди шутили, а некоторые украинские политики, историки и политологи серьезно обосновывали необходимость вернуть Украине часть Кубани, «Воронежщину», «Белгородчину» и …«исконно украинские территории Дальнего Востока». Один из политологов так формулирует задачи: «…искоренение русского языка, ограбление русской культуры включением ее пластов в исключительно украинскую, присвоение российской исторической памяти, выражавшееся, в частности, в сведении понятия «Россия» к понятию «Московия» (статья «Ослепление», «Российская газета», 20 мая 1992 года. – А*вт.*)». Украинские газеты «Замкова гора», «Нескорена нация», «Вечерний Киев», «Литературная Украина» допускают следующие оценки: «Московин научился искать легкого хлеба…ненавидеть труд»; «У московина мировоззрение и ментальность вора, грабителя, захватчика»; «Сила – единственный аргумент, который понимает и уважает московин». Листовка, распространенная по всей Украине: «Твое масло съели москали! Твое сало съели москали! Твое мясо съели москали! Твою колбасу съели москали! Твой хлеб съели москали!». И в заключение: «Твою горилку выпили москали!». Славу богу, хоть один положительный момент отметили авторы листовки: ведь горилку без закуски пить вредно для здоровья, так что на этот раз москали сделали доброе дело. И ведь все это писали и говорили в 1992 году! А сегодня мы удивляемся, откуда взялась Украина нынешнего образца…

Истерия – среда для выживания

Осенью политическая жизнь в России возобновилась с новой силой. Правда, некоторые политики и несмотря на летнюю жару продолжали подогревать и без того напряженную обстановку в стране. Так, в начале июля бывший старший советник Президента СССР Александр Яковлев на заседании пресс-клуба народной партии «Свободная Россия» заявил, что в стране существует опасность реставрации тоталитаризма. Демократия, сказал он, «вообще не соответствует состоянию нашего общества, для него более свойствен автократический режим, но более просвещенный, нежели при Сталине». Намек все поняли: Ельцин – подходящая фигура для «просвещенного автократического режима».

22 сентября 1992 года начала работу пятая сессия Верховного совета. С докладом «О социально-экономическом положении в республике в ходе экономической реформы» выступил исполняющий обязанности председателя правительства Егор Гайдар (накануне этого Борис Ельцин сложил с себя полномочия председателя правительства, в том числе и потому, что не мог же он снизойти до того, чтобы отчитываться перед парламентом). На этот раз Егор Гайдар не лукавил, не пытался подменить реальность рассуждениями о преимуществах рыночной экономики. Он отметил, что во втором полугодии спад промышленного производства ускорился. Если в январе-июне производство сокращалось каждый месяц на 13–15 процентов, то в июле – на 21,5, а в августе – на 27 процентов. К концу года, по его прогнозу, падение составит 20 процентов. Пятая часть от общего объема! И это ведь к уровню 1991 года, когда производство сокращалось такими же темпами. Произошло «обвальное» повышение розничных цен, взаимные долги предприятий выросли с 34 миллиардов рублей на начало года до 3,2 триллиона на 1 июля. Кредитно-денежной системе грозит крах. Тревожная ситуация сложилась на рынке труда. К 1 октября число безработных достигло 500 тысяч человек(?), зарегистрировано 460 тысяч беженцев.

Естественно, деятельность правительства подверглась резкой критике. И не только со стороны депутатов. В городах России прошла акция протеста профсоюзов, в которой участвовали полтора миллионов человек. Накануне президент пригласил председателя независимых профсоюзов И.Клочкова и выразил сомнение в целесообразности акции, назвав ее «раскачиванием лодки». Но лодку, прокомментировал беседу с президентом И.Клочков «Российской газете», кидают с одной волны на другую

негибкая политика правительства. Профсоюзы, наоборот, стремятся предотвратить хаос, требуют скорректировать курс реформ в интересах народа.

На фоне этой политической панорамы ясно видны попытки президента что-то противопоставить действиям парламента. Ах, вы опираетесь на региональные парламенты (советы), вы сочувствуете профсоюзам, в ответ на это мы тоже кое-что придумаем. И придумали: создали совет глав автономных республик. В середине октября в Москве состоялась встреча глав республик (не прибыл лишь президент Татарстана, сославшись на «чрезвычайную» занятость). Встреча была закрытой.

Какие же секреты обсуждали главы республик с президентом России, что заставило закрыть двери перед прессой и народом? Если верить информации, поступившей от президентского пресс-секретаря, секретов не было. В повестке два вопроса: о координации и взаимодействии высших органов власти и управления РФ в ходе реализации реформ и второй – о проблемах разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти республик. Очевидно, оба вопроса никак не могут претендовать на государственную тайну, поскольку они обсуждаются всем обществом на всех площадках, начиная от залов в Кремле и заканчивая сельскими завалинками.

К созданию нового органа руководителей республик, по мнению президента России, «подтолкнула сама жизнь, поскольку в тесном взаимодействии всем предстоит решать многочисленные социально-экономические, национальные и межнациональные вопросы. Вплоть до …территориальных (!)». Итак, решать эти вопросы без участия русских регионов, в том числе и вопросы территориальные? Это что-то новое. В своем выступлении президент, он же начальник нового совета, заявил, что назрела «необходимость предоставить республикам больше независимости, чем они имеют сейчас». Нонсенс! Ведь к этому моменту действовал федеративный договор, который регулировал отношения Федерации и регионов. И почему больше независимости только республикам, а русские регионы отправляются во второй эшелон?

На самом деле это непродуманное и вредное действо преследовало одну цель: науськать глав республик на парламент, создать еще одну силу в борьбе с представительной властью. Этот вывод подтверждает и принятое обращение новообразованного совета к Верховному совету с просьбой перенести сроки проведения седьмого Съезда с 1 декабря 1992 года на март-апрель 1993 года. Предлог: к марту-апрелю будет подготовлен

проект новой Конституции. Президент явно опасался, что в декабре депутаты, вооруженные статистическими данными о положении в стране, дадут решительный бой, после чего правительство Гайдара падет, а сам он лишится полномочий, предоставленных ему пятым Съездом народных депутатов России. Затем неизбежно принятие такой конституции, которая зафиксирует демократический принцип разделения властей, не допускающий возрождения в России автократического режима. В том числе и «просвещенного».

Вообще истеричные голоса осенью 1992 года заполнили всю политическую сцену страны. Предпринимаются конвульсивные действия с обеих сторон. Президент одномоментно возвращает на доработку в парламент одиннадцать законов, принятых Верховным советом. Среди них – «Об обороне», «О защите конституционных органов государственной власти». Вслед за этим Борис Ельцин своим распоряжением реформирует Управление охраны объектов высших органов власти и управления РСФСР, не подчиняющееся ни президенту, ни министру внутренних дел, как «незаконное вооруженное формирование». Главному управлению охраны Российской Федерации президент поручает организовать охрану зданий и объектов, находящихся в ведении Верховного совета. «Тонкий» намек президента понят: лишить парламент собственной охраны. Парадокс, однако, заключается в том, что это управление было создано самим Ельциным 22 октября 1991 года, два месяца спустя после путча. Начальник управления Иван Бойко в интервью ИТАР-ТАСС говорит: «Неужели так быстро президент забыл о своем же решении создать наше управление? У меня на столе документ с его указанием министрам и руководителю администрации на этот счет. Объяснение расформированию одно: есть люди, которые стремятся накалить страсти накануне седьмого Съезда депутатов».

Ельцин, конечно же, не забыл о том, когда и с какой целью им было создано управление. Именно оно, и одно оно защищало его и парламент в августе 1991 года. Тогда Ельцин считал, что необходимо раз и навсегда разделить власти: законодательную, исполнительную и судебную. И каждую из них наделить правом на собственную охрану. Но как уже было сказано выше, власть должна находиться только там, где в данный момент находится Борис Николаевич. Теперь под его рукой Главное управление охраны Российской Федерации, созданное на базе элитарной «девятки» КГБ и подчиненное непосредственно ему. Прежние управления, в том числе и созданное им, оказались «незаконными». Под зонтик бывшей «девятки» попал и

Конституционный суд.

Между тем, людям, отслеживающим события и кульбиты исполнительной власти, было ясно, чем они вызваны. Близился седьмой Съезд, который ничего хорошего не обещал ни правительству, ни самому президенту. Поэтому следовало предпринять такие меры, которые предотвратили бы полное поражение. А какие эти меры? Угрозы, сбрасывание в СМИ различных придумок, нагнетание страстей. Слухи ходили самые удивительные. Например, утверждалось, что в Москве создано крупное вооруженное формирование, готовое выполнить любую личную команду Хасбулатова.

Как всегда, впереди всех шли Геннадий Бурбулис, Андрей Козырев, Анатолий Чубайс, Михаил Полторанин. 16 октября они дали интервью зарубежным журналистам, которое наделало много шума на Западе.

Цитата. По поводу пресс-конференции Г.Бурбулиса, А.Козырева, А.Чубайса, М.Полторанина

«Российская газета», 22 октября 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«Пресс-конференция получила широкую огласку в средствах массовой информации Запада. Так, английская «Гардиан», подробно информируя об этом событии своих читателей, особо подчеркнула заявление участников «о существовании реваншистской угрозы», исходящей, как утверждалось ими, «от ряда парламентских фракций, подпольных группировок, связанных с запрещенной компартией, и даже – от Министерства внутренних дел». По словам М.Полторанина, на предстоящем Съезде оппозиция планирует отстранить от власти нынешнее правительство и ввести выборность Конституционного суда, чтобы сместить нынешних судей, назначенных Ельциным, отмечает «Гардиан». Это позволило бы объявить многие президентские указы неконституционными, лишить президента полномочий главы исполнительной власти и превратить этот пост в чисто номинальный, подчеркивает газета, ссылаясь на высказывания М.Полторанина (в ноябрьском заявлении при открытии правительственного пресс-центра Полторанин выскажется еще смачнее: «Если ограничить полномочия президента, то в итоге президент может стать …чучелом у входа в парламент и его может бить каждый депутат палкой». – *Авт.*). «Гардиан» также обратила внимание на обвинение Полторанина в адрес Председателя Верховного совета Р.Хасбулатова, «под крылом которого, как утверждает Полторанин, готовится переворот».

«Файнэншл таймс» приводит слова Анатолия Чубайса о том, что «Съезд был намечен на декабрь с целью помешать массовой приватизации промышленных предприятий, которая должна начаться в январе».

Лондонская «Таймс» в редакционном комментарии пишет: «Советники президента Ельцина опасаются, что Съезд – консервативный оплот старого партийного аппарата – воспользуется своей конституционной властью, чтобы замедлить ненавистные экономические реформы, попытается сместить правительство Гайдара и, возможно, даже добиться отставки президента страны. Опасения антипрезидентского заговора,

отмечает далее газета, подготавливаемого консервативно настроенными военными, директорами предприятий и коммунистами, высказываются на протяжении нескольких недель. Правительство боится за свою судьбу»».

Но почему правительство так опасалось Съезда и так настойчиво требовало отложить его созыв на весну 1993 года? Аргумент о том, чтобы дать время для тщательной проработки проекта конституции, – неубедителен. Тем более, парламент готов был в апреле 1993 года созвать внеочередной съезд с одним вопросом повестки: принятие новой конституции.

На самом деле причиной было аховое положение в экономике и социальном положении народа. Кризис нарастал, и ничто не обещало поворота к лучшему. Индекс физического объема промышленного производства в сентябре 1992 года сократился по сравнению с соответствующим периодом 1991 года до 75,2 процента. И продолжал падать. Национальный доход сократился (в сопоставимых ценах) за январь-сентябрь более чем на 20 процентов, а общее его падение за неполных два года составило свыше 30 процентов. Складывалось впечатление, что правительство не управляет экономической ситуацией, утратило над ней контроль.

Сложился ряд, на взгляд не очень информированных людей, неважных, но весьма существенных с правовой точки зрения обстоятельств, которые несли с собой серьезные угрозы. Так, Верховный совет не выполнил решения шестого Съезда в трехмесячный срок принять закон о Совете министров (правительстве), а президент, естественно, не вынес в парламент для согласования кандидатуру премьера. И главное: 1 декабря истекал срок действия особого правового режима проведения экономической реформы, предусмотренный постановлениями пятого Съезда «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы» (напомним, в соответствии с ними Ельцин получил дополнительные полномочия. – *Авт.)*. Не решить этот вопрос своевременно означало войти в правовой вакуум, когда законодательная и исполнительная власть действовали бы сами по себе, не считаясь с Конституцией и законами.

Немаловажным было и то, что обе власти попали под перекрестный огонь различных политических сил и средств массовой информации, не удержались от взаимных упреков, тем самым дискредитировали себя.

Седьмой съезд: президент пытается спасти ферзя

Итак, 1 декабря 1992 года исполнительная власть теряла легитимность, поскольку срок особых полномочий президента, предоставленных ему пятым Съездом, заканчивался. Выходило так, что все последующие действия президента выпадали из юридического поля, и страну ожидало введение чрезвычайного положения. Команда Ельцина – Бурбулиса – Гайдара хотела отсрочить Съезд, чтобы за пять месяцев подготовить устраивающий их проект основного закона, который закрепил бы за президентом предоставленные пятым Съездом полномочия. Депутаты возражали: после шестого Съезда, говорили они, у вас было полных семь месяцев, однако положение страны только ухудшилось. Вместо того, чтобы заниматься делом, вы развязали информационную войну с парламентом и Съездом, дискредитируете выбранную народом законодательную власть, избегаете сотрудничества с ней. У парламента не осталось веры в то, что у вас получится. А главное, вы не занимаетесь делом – экономикой.

Хроника. За неделю до Съезда

«*Российская газета», 26 ноября 1992 года.*

«За первую неделю ноября в Москве цены выросли в государственной торговле на 12 процентов, в коммерческой – на 18–20, на колхозных рынках – на 14. Либерализация цен связывалась с полными полками в магазинах («как в Польше»). Однако в сентябре из 76 обследованных городов картофеля не было в 17, мяса – в 25, сахара – в 27, растительного масла – в 38 городах. Снизились расходы бюджета на «ритуальные жертвы»: на образование – в 2,5 раза, на культуру – в 1,8, на науку – более чем в 3 раза.

24 ноября состоялось совещание глав республик Российской Федерации под председательством Бориса Ельцина. На обсуждение лидеров республик вынесен, в частности, вопрос о подготовке к Съезду. Борис Ельцин заявил: «Идет последняя неделя перед Съездом, но политические страсти не утихают, а усиливаются, что мешает в работе органов власти. Нужна передышка (всего лишь передышка? – *Авт.*) в политической конфронтации хотя бы не год-полтора». Президент также заявил, что не пойдет ни на какую отмену законно избранных органов власти.

За «круглым столом» в Белом доме 24 ноября собрались руководители парламентских фракций, представители многих общественных движений, политических партий. Цель собрания – определить позиции и найти пути согласия, чтобы предстоящий Съезд прошел конструктивно. Говоря о дополнительных полномочиях президента, срок которых истекает в декабре, Руслан Хасбулатов отметил, что хотел бы предложить Съезду продлить их действие на весь 1993 год».

Цитата. Заявление Верховного совета Российской Федерации в связи с предстоящим седьмым Съездом

«Российская газета», 21 ноября 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«В соответствии с Конституцией Российской Федерации постановлением шестого Съезда народных депутатов 1 декабря 1992 года открывается седьмой Съезд. Однако это событие в политической жизни России некоторые политические деятели и средства массовой информации пытаются представить чуть ли не покушением на свертывание социально-экономических реформ и демократии в стране, выступают с антиконституционными призывами к введению прямого президентского правления и других чрезвычайных мер.

Съезд и Верховный совет с первого дня своей деятельности выступают инициаторами глубоких экономических и государственно-политических преобразований, формирования рыночной экономики и подлинно демократического государства, основанного на авторитете конституции и закона.

Пятый Съезд предоставил полномочия Президенту на начальный период осуществления реформ. …Одобрено большинство представленных президентом законопроектов, в том числе по частной собственности на землю. Парламент решительно настроен на сотрудничество с Президентом и Правительством и готов поддержать все выдвинутые предложения, которые направлены на дальнейшее развитие реформ и вывод экономики из кризисного состояния.

Вступительное слово спикера на седьмом Съезде и по тону, и по содержанию настраивало на дружную и продуктивную работу. Съезд, сказал он, оправдает свою роль, если не позволит затянуть себя в тупик политических интриг, не поддастся на пропагандистские выпады, не даст себя отвлечь от обсуждения магистральных путей развития экономической реформы, станет местом консолидации политических сил в обществе. Съезд обязан дать четкие ответы на вопросы: способна ли государственная власть предложить обществу реальную программу выхода из кризиса? Какое правительство сможет реализовать эту программу? Каковы контуры общества, к которому мы

стремимся? Сумеют ли представительные, исполнительные власти на всех уровнях наладить конструктивное сотрудничество? В качестве альтернативы тотальной либерализации экономики докладчик предложил концепцию «социально-ориентированного рынка». Нельзя шарахаться из одной стороны в другую, от государственной собственности в полном объеме сегодня к полной ее отмене завтра. Разгосударствление – процесс долгий, все надо делать аккуратно и только в интересах народа, истинного собственника всего накопленного богатства. Председатель парламента чуть ли не пустил слезу, призывая депутатов и исполнительную власть к продуктивной и дружной работе: «Давайте, друзья, избегать надоевших и крайне вредных стереотипов классовой борьбы. Будем исходить из того, что тут собрались люди, искренне озабоченные тем, как быстрее и надежнее вывести страну из кризиса».

И первые дни работы Съезда дали надежду на то, что обсуждение проблем и задач выйдет на конструктивную тропу. Да, расхождений много, но нужно идти на компромиссы там, где они возможны. Да, противоположные стороны вылили друг на друга немало грязи, однако же надо когда-то и остановиться. Егор Гайдар выступил 2 декабря с докладом, в котором прозвучали самокритичные оценки действий и шагов правительства. Он признал, что так и не удалось добиться финансовой стабилизации, выйти из кризиса неплатежей и денежной наличности. Крупные промахи допущены в сфере внешнеэкономической деятельности. Инфляция достигла критической отметки – 25 процентов. Переход этой грани, признал он, грозит срывом в гиперинфляцию.

И выступавшие депутаты (записались в прения 180 человек) старались умерить эмоции, в содержательной части их речей преобладали предложения, а не критика. Председатель Высшего экономического совета (создан при Президиуме Верховного совета. – *Авт.*) Владимир Исправников в мягкой форме призвал правительство не монополизировать право на разработку антикризисных мер и не утверждать, будто вывести страну можно лишь правительственным путем. При этом предложил комплекс мер, способствующих стабилизации. В частности, необходима корректировка в налоговой системе, банковская реформа».

Буря бывает после временного затишья. Ельцин понимает: для него крайне важно спасти Гайдара. Спасти любыми средствами. И он бросает кость за костью Съезду. За неделю до Съезда пост министра печати и средств массовой информации покидает Михаил Полторанин, отправлен в отставку Бурбулис.

Последний вспоминает, как это было: «Борис Николаевич сказал мне: «Зайди к Хасбулатову, он что-то тебе скажет». Хасбулатов сказал: «Принято решение отправить тебя в отставку. Это нужно для укрепления правительства». Затем президент выступает на Съезде и предлагает «законодательную инициативу» – назначения на посты министра обороны, министра безопасности, министра внутренних дел, министра иностранных дел проводить с согласия Верховного совета. Он жертвует шестью фигурами, чтобы спасти ферзя – Егора Гайдара.

На седьмой день работы съезда, 8 декабря, президент первым попросил слово, чтобы предложить кандидатуру на пост председателя Кабинета министров. Как и ожидалось, кандидатом оказался Егор Гайдар. Обычно скупой на похвалы, Борис Ельцин на этот раз не поскупился на них.

«Правительство реформ обречено принимать непопулярные решения. Оно неизбежно обречено работать в режиме перенапряжения. Все это требует от главы Кабинета министров … просто уникальных способностей и человеческих качеств. Прежде всего речь идет о компетентности. Убежден, рыночную реформу в России не провести, если ее главой будет комиссар, представитель какой-либо партии или течения. Нужен специалист, досконально знающий экономику и ее болезни.

Гайдара много раз упрекали за то, что в его работе на посту главы правительства часто проявлялись академизм, оторванность от жизни, свойственная ученым. В последнее время такой критики стало меньше, и даже в этом зале.

Принимая решение, я исходил также из того, что Гайдар, несмотря на относительную молодость, пользуется большим авторитетом и в нашей стране, и в мире как автор экономических реформ (каких? – *Авт.*). Его потенциал далеко не исчерпан. Как государственный деятель он находится на подъеме. Для всего мира назначение Гайдара главой правительства будет гарантией продвижения России по пути преобразований, причем не по американскому, шведскому или какому-либо другому пути, а именно по российскому пути реформ.

9 декабря на утреннем заседании Съезда выступил с краткой речью Егор Гайдар. Он заявил, что не отрекается от избранного курса, поскольку смена его будет означать «возврат к командно-административной системе, а это грозит полным крахом для страны». По его мнению, в 1993 году уже можно сократить темпы падения производства, пообещал к весне 1993 года обуздать инфляцию. Отметил также необходимость корректировки кадровой политики, «поскольку не все, как оказалось, могут работать в сложных условиях».

Около 19 часов 9 декабря на трибуну Съезда поднялся председатель счетной комиссии Чеботаревский и сообщил итоги тайного голосования по выборам председателя правительства. За Егора Гайдара проголосовали – 467 депутатов, против – 486.

Это привело президента в бешенство. Его можно понять: он сделал несколько шагов навстречу Съезду, а депутаты не оценили его жертвы! За ночь его помощники подготовили ему выступление на Съезде, а также «Обращение к гражданам России и ко всем избирателям»».

Цитата. Обращение Президента Б.Н.Ельцина к гражданам России и ко всем избирателям

«Российская газета», 11 декабря 1992 года.

«Граждане России! Народные депутаты! Развитие событий на седьмом Съезде народных депутатов заставляет меня обратиться напрямую к народу. Реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в серьезной опасности. На Съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый президентом и правительством, на те реальные преобразования, которые удерживали страну все последние месяцы от экономической катастрофы. То, что не удалось сделать в августе 1991 года, решили повторить сейчас и осуществить ползучий переворот. Цепь действий уже выстроена. Вот она.

Первое. Здесь, на Съезде, создать невыносимые условия для работы правительства и президента, практически деморализовать их. Второе. Любой ценой внести в Конституцию поправки, которые наделяют Верховный совет, ставший оплотом консервативных сил и реакции, огромными полномочиями и правами. Но по-прежнему оградить его от какой-либо ответственности. Взять права, но уйти от ответственности. Третье. Заблокировать реформу, разрушить все позитивные процессы, не дать стабилизировать ситуацию. И наконец, четвертое. Провести в апреле 1993 года восьмой Съезд народных депутатов, расправиться на нем и с правительством, и с президентом, и с реформами, и с демократией. Такова логика и последовательность действий, которые открыто обсуждаются частью депутатов в эти дни. Не питал иллюзий, но все-таки надеялся, что в ходе работы Съезда депутаты с мест разумно отнесутся к моим предложениям и проявят здравый смысл. Виню себя сегодня за то, что ради достижения политического согласия неоднократно шел на неоправданные уступки. В результате было потеряно время, а договоренности, как правило, нарушались. И на седьмом Съезде рассчитывал на понимание. В ответ только глухое молчание или агрессивное недовольство. Съезд отверг мои предложения по обеспечению стабилизационного периода, не заметил даже эти предложения, не избрал председателя правительства, отклонил, по существу, без рассмотрения подавляющее большинство поправок в Конституцию.

Граждане России увидели, чем на самом деле заняты многие

их избранники: одни и те же лица у микрофонов, одни и те же слова звучат с трибуны, вплоть до призывов к свержению. Стены этого зала покраснели от бесконечных оскорблений, площадной брани в адрес конкретных людей, от злости, грубости и развязности, от грязи, которая переполняет Съезд, от болезненных амбиций несостоявшихся политиков, их драк. Это позор на весь мир.

Спикера защищал грудью только что созданный Фронт национального спасения. Конституция, или то, что с нею стало, превращает Верховный совет, его руководство и председателя в единовластных правителей России. …Они стремятся окончательно повязать парламентариев круговой порукой безответственности и страхом потерять свои кресла. Все это очень похоже на то, что было в недавнем прошлом, когда страной руководило политбюро ЦК КПСС».

В выступлении на Съезде президент повторил многое из обращения и вдобавок жестко прошелся персонально по Хасбулатову, назвав его главным противником реформ. На что спикер обратился к Съезду с просьбой принять его отставку, объяснив эту просьбу тем, что в том состоянии, в котором находится страна, требуется консолидированная работа законодательной и исполнительной власти. А поскольку, по мнению президента, Хасбулатов мешает реформам, он просит принять его отставку. И покинул зал. Сложилась драматическая ситуация. Растерянность царила и среди депутатов, и среди президентской команды. Председательствующий на Съезде Юрий Яров был направлен депутатами к Хасбулатову с просьбой возвратиться на рабочее место. Но спикер настоял на голосовании о своей отставке. Итог голосования (800 депутатов не приняли отставку, тем самым подтвердив полномочия председателя парламента. – *Авт.*) окончательно вывел из себя Бориса Ельцина. Он вновь выступает с обвинительной речью, затем повторяет ход, уже однажды использованный: встает и выходит из зала, призывая депутатов-сторонников последовать за ним. Часть депутатов под улюлюкание коллег покидает Съезд. Председательствующий объявляет перерыв и называет час возобновления работы. Увы, расчет президента и сторонников взорвать Съезд и объявить его недееспособным опять не оправдался: на начало утреннего заседания зарегистрировалось 886 депутатов, после выходки Бориса Ельцина – 715. Кворум есть, Съезд правомочен принимать решения. Да и половина из тех, кто последовал за президентом, вскоре возвратилась в зал, объяснив, что они «просто хотели послушать, что скажет президент».

Тем не менее, возникла патовая ситуация. Она усугубилась

еще и тем, что президент потребовал проведения референдума с вопросом, кого избиратели поддерживают: его или Съезд народных депутатов. Вот как оценил создавшуюся обстановку председатель Конституционного суда Валерий Зорькин.

Цитата. Выступление председателя Конституционного суда В.Д.Зорькина

«Российская газета», 11 декабря 1992 год.
Печатаются фрагменты.

«Последние дни, в том числе и те, в которые работает уважаемый Съезд, сопровождаются нагнетанием страстей, конфронтацией, взаимными упреками и, как вы знаете, льется кровь. Налицо глубочайший кризис конституционного строя. К сожалению, власти, и исполнительная, и законодательная, не нашли общей почвы для достижения компромиссов. И в сложившейся кризисной ситуации и опасности развала государства, Конституционный суд требует от двух властей – законодательной и исполнительной, и прежде всего лиц, их возглавляющих, достичь немедленного компромисса. Конституционный суд …предлагает начать с сегодняшнего дня консультации Президента и Председателя Верховного совета при участии председателя Конституционного суда.

В случае, если компромисс не будет достигнут по вине участвующих лиц, это будет означать, что высшие должностные лица Российской Федерации в условиях надвигающейся катастрофы не хотят думать об интересах народа, забыли о принципе разделения властей и выдвигают на первый план личные амбиции.

Если не возобладает компромиссный подход, Конституционный суд заявляет народным депутатам, что он по собственной инициативе рассмотрит вопрос о конституционной ответственности высших должностных лиц, возглавляющих законодательную и исполнительную ветви власти.

О референдуме. Народ имеет право на референдум. Это право закреплено в конституции. Но поскольку в Конституции предусмотрен вместе с тем и механизм взаимодействия властей, то только в том случае, если компромисс не будет достигнут ими …суд вернется к вопросу о том, какой вопрос должен быть вынесен на референдум».

Вплоть до субботы между президентом, председателем парламента и председателем Конституционного суда шли переговоры. Мы можем только догадываться о том, какая обстановка царила на них. В субботу 12 декабря в 16 часов 35 минут в президиум Съезда поднялись Борис Ельцин, Руслан

Хасбулатов, Валерий Зорькин. Зал осветился всполохами фотовспышек. После оглашения текста, подготовленного в ходе консультаций и его принятия, президент поднялся со своего места и, подойдя к председателю парламента, обменялся с ним рукопожатием. Съезд принимает постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации».

Съезд назначает на 11 апреля 1993 года проведение всероссийского референдума об основных положениях новой конституции. Верховному совету предписывается утвердить текст выносимого на референдум проекта основных ее положений, согласованный с президентом и с Конституционным судом. В случае недостижения согласия по формулировкам проекта они выносятся на альтернативное голосование. Проект должен быть опубликован не позднее 31 марта.

Приостанавливается действие некоторых статей Конституции, касающихся указов и распоряжений президента; предлагается предоставление права законодательной инициативы Совету министров, незамедлительное прекращение полномочий президента. Все эти принятые в процессе конфликта ограничения, внесенные Съездом в конституцию, не вступают в силу до проведения референдума.

Парламент воздерживается от принятия к рассмотрению всех поправок в Конституцию и законов, которые бы нарушали сложившийся баланс законодательной, исполнительной и судебной власти. До принятия новой конституции не проводятся выборы судей на оставшиеся вакансии Конституционного суда. Утрачивает силу решение седьмого Съезда о внесении дополнений в закон о референдуме. Постановление Съезда «О главах администрации» в части досрочного прекращения их полномочий не вводится в действие до выборов народных депутатов Советов нового созыва.

Президент после консультаций с представителями субъектов Российской Федерации и депутатскими фракциями вносит для мягкого голосования несколько кандидатур (5) на должность председателя правительства с последующим внесением одной из трех кандидатур, получивших по результатам голосования наибольшее число голосов.

С момента принятия настоящего постановления Обращение президента и Обращение Съезда к народу утрачивают силу.

Ни одно из положений пунктов настоящего постановления не действует в качестве самостоятельного.

Итак, Съезд снова «прогнулся», дезавуировав все свои решения, направленные на то, чтобы поставить президента в рамки конституции. В марте 1993 года депутаты отменят это

постановление, что даст основания Борису Ельцину обвинить Съезд в агрессивности «красно-коричневой чумы» и попытке свернуть экономические и политические реформы (к этим его действиям и заявлениям мы еще вернемся. – *Авт.*)

А на седьмом Съезде из внесенных на пост председателя правительства кандидатур (Каданников, Гайдар, Хижа, Черномырдин, Скоков) первый отказался баллотироваться, а из оставшихся бо́льшее число голосов было отдано Юрию Скокову, бывшему генеральному директору объединения «Квант». Инженер, крупный хозяйственник, он уже года два работал в команде Ельцина и занимался непростым делом – был «связным» между правительством и регионами страны, в частности, с «красными директорами». Он изнутри знал экономику России, был сторонником реформ, но, конечно, не таких, какие осуществлял Гайдар.

Ельцин остановился на Черномырдине. Почему? Разные ходили слухи, в том числе якобы и потому, что за Черномырдиным тащился некий «хвост», который президент может в любое время прищемить, если председатель правительства захочет быть слишком самостоятельным, а тем более, станет сотрудничать с парламентом. Правда же, видимо, заключается в том, что Скоков оказался слишком умен для президента и слишком независим. Скорее всего, именно это насторожило Бориса Ельцина.

14 декабря Съезд утвердил председателем Совета министров Черномырдина Виктора Степановича, а 25 декабря «Российская газета» опубликовала состав правительства. Удивление вызвало, пожалуй, одно обстоятельство: в новом составе оказались все, или почти все, министры из правительства Гайдара, а иные получили повышение. Заместителями председателя правительства стали Борис Федоров, Анатолий Чубайс, Сергей Шахрай, Александр Шохин, министром иностранных дел – Андрей Козырев, министром экономики – Андрей Нечаев. Удивление вызвано и тем, что только вчера они скопом собирались уйти в отставку, а тут, потеряв своего вождя Егора Тимуровича Гайдара, с готовностью остались в правительстве. Видно, нелегко расставаться с министерскими креслами.

Персона. Михаил Полторанин – человек, который сам все о себе сказал

Михаил Полторанин – фигура, безусловно, парадоксальная. Как и время, когда он, думаю, неожиданно и для самого себя, вдруг взлетел на вершину власти, но так и не сумел найти в ней свое место.

У него было голодное детство; как-то он рассказал мне о том, как с другими детьми ловили пескарей и тут же их заглатывали – сырыми и живыми. Я спросил, а почему бы их не пожарить на сковородке? Ответил: «Жрать хотелось». Мы с ним почти одногодки, и я тоже помню свое голодное детство. С отцом ловили в пруду вершой гольянов, приносили домой, и мать поджаривала их с куриными яйцами. «Жрать» тоже хотелось, но хватало терпения. Я вспомнил этот эпизод потому, что как мне кажется, ему никогда не хватало терпения и необходимой для каждого человека раздумчивости. Конечно, это его качество – следствие характера, а характер – дело не наживное, он во многом задан от рождения.

С другой стороны, он делал свою жизнь по обдуманному им проекту. Когда России представилась наконец возможность иметь свой голос – собственные газеты, радио, телевидение, – я заметил: «Вот теперь создадим свои издания». Он усмехнулся: «Я думаю о бо́льшем». И это вскоре подтвердилось: Полторанин стал министром информации и заодно вице-премьером. Как-то мимоходом обронил: «Передали мне слова Силаева (первый ельцинский председатель российского правительства. – *Авт.*): «Полторанин – страшный человек»». И сказал это чуть ли не с восторгом: вот, мол, я какой! И в другой раз похвалился: «Предлагают стать премьером». Откровенно говоря, я удивился; считал, что премьером должен быть опытный хозяйственник, знающий страну, производство и экономику. Полторанин – хороший журналист, успел влезть в политику, но у премьера просто другая работа. «И что»? – спросил. Он махнул рукой. И непонятно было, то ли передумал Ельцин, то ли были против другие, то ли сам отказался. Но видно же было: щекочут разговоры о премьерстве, щекочут.

Парадоксальное время (конец 80-х и 90-е годы) в изобилии порождало парадоксальных личностей. Например, мало кто сегодня помнит симпатичного добродушного парня – Аркадия Мурашова, а он ведь тогда около года возглавлял московскую милицию. Союзный депутат, младший научный сотрудник какого-

то научно-исследовательского института, он был назначен на эту должность председателем Моссовета Гавриилом Поповым. Я услышал эту новость в здании Верховного совета СССР на Арбате из коридорного радио, и так получилось, что тут же встретил Аркадия в этом коридоре. «Аркаша, – спросил его, – это правда?» Он подтвердил. «Но как же ты согласился? Они же сожрут тебя на другой день». – «Ну, тебя же, главного редактора «Российской газеты», не сожрали». – «Послушай, – возразил. – Я почти тридцать лет в журналистике, прошел две многотиражки, областную газету, "Гудок", "Московскую правду". И все знаю в моей отрасли – от шпоны (пробельный материал при верстке. – *Авт.*) до линотипа (наборный аппарат. – *Авт.*), от информации до памфлета. А ты хотя бы раз, пусть даже в качестве нечаянно задержанного, побывал в отделении милиции?».

Стараюсь понять подобных людей, оценить меру их готовности возглавить все, что подвернулось под руку, и ничего, кроме отсутствия ответственности за дело, в их решениях не нахожу. Тот же Михаил Никифорович… Он много напридумал проектов, во многих участвовал на паритетных началах, и лишь один удался: разгон Съезда и расстрел парламента.

Вот некоторые из его проектов… Попросил Ельцина передать в распоряжение министерства информации здание бывшего Госстроя СССР (сегодня его занимает Совет Федерации. – *Авт.*). Мысль эта, говорил мне, пришла к нему утром, под душем. Ельцин распорядился, здание передали, а через полгода оно превратилось в гадюшник. Толпами к нему шли самые разные люди, в основном не имевшие никакого касательства к прессе, платили какие-то деньги за аренду, но, естественно, не следили за содержанием помещений, туалетами. После выборов Федерального собрания, заменившего Съезд и Верховный совет, здание передали верхней палате – Совету Федерации.

Подобную же участь постигла здание в 17 этажей на Волгоградском проспекте, переданное в 1991 году «Российской газете» и «Российским вестям». После переезда редакций газет на улицу «Правды» это здание было заселено фирмами, неизвестно чем занимающимися. К зданию примыкал клуб, на базе которого мы с актером Роландом Быковым собирались создать для ребятишек округи детский кинотеатр. Не успели. Вскоре вокруг здания построили высокий забор, а его фасад покрылся десятком вывесок с названиями, в основном на английском языке.

Еще один проект из этого же ряда: Дом советской культуры и техники в Берлине, который он своим распоряжением передал срочно созданному российско-германскому совместному предприятию. Я был в этом Доме в качестве наблюдателя от

Верховного совета СССР за выборами германского парламента, после чего ФРГ и Восточная Германия объединились. Комплекс поразил своими размерами и многофункциональностью; в нем легко можно было заблудиться. И вот этот комплекс, перешедший в собственность России, министр информации отписывает частным людям. В одном из интервью сам признает, что его «подставили»: якобы к нему пришел бывший собкор «Правды» в Германии (зять председателя ВЦСПС – главы советских профсоюзов. – *Авт.*) и предложил на базе Дома советской культуры и техники создать Дом русской прессы. Издавать газету на русском языке для русскоязычного населения, а можно еще и на немецком языке.

Но там можно было издавать сотню газет, а вдобавок к этому разместить десятки, если не сотню арендаторов. Полторанин в интервью подчеркивает, что учредителем совместного предприятия является не сам он лично, а министерство, что же касается немецкой стороны, то ее представляла «какая-то структура». Это дело попало в один из легендарных чемоданов Руцкого, заполненных документами о коррупции, запахло криминалом, Полторанин вынужден был отозвать свою подпись. Я могу допустить, что в деле не было личной корысти, но оно показывает уровень премьера-министра, который подумывал и о кресле премьера. Легко представить себе, что бы Михаил Никифорович нагородил, оказавшись на таком высоком посту.

Несколько лет назад он написал и издал книгу «Власть в тротиловом эквиваленте». Она имела успех, несколько раз переиздавалась. Читателя не могут не удивить глубокие знания автором внутренней и внешней политики большой страны – СССР, «подковерной» борьбы партийных и прочих кланов. Такой объем знаний претендует на звание профессора-историка, а то и академика. Я же по поводу его книги могу сказать лишь о том, откуда приведенная информация взялась. Во времена суда над КПСС ее обильный архив попал в распоряжение нескольких лиц, среди которых, и не на последних ролях, оказался Михаил Полторанин. Он получил доступ к таким вещам, к которым допускались только генеральные секретари партии. Коллеги-журналисты меня поймут: хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а кто владеет информацией. Подозреваю, не одна копия совершенно секретных документов уплыла в личные архивы участников специальной комиссии, созданной президентом Ельциным. А впрочем, почему лишь копии? Уникальные документы ценятся на уровне художественных картин и могут составлять целое состояние.

К 1993 году министерство информации России исчерпало

свой потенциал. Газеты зажили своей жизнью. Некоторым удавалось выплыть в штормовом океане хаоса, но большинство гибло от безденежья, отсутствия бумаги, заоблачных цен за доставку. Тиражи стремительно падали, подписная цена росла, и уже можно было дивиться тому, что в метро кто-то листает газету. Не избежали потрясений и телевизионные каналы, радио. Государственное ТВ и радиостанции переходило в руки олигархов. В общем, миссия министерства – отстранить государство от управления и участия в важнейшей сфере общественной жизни – была блестяще выполнена. У министерства осталась одна безобидная и, в общем-то, унизительная функция: регистрировать новые средства массовой информации и иногда напоминать им о том, что они неправильно оформляют выходные данные.

Надо отдать должное Полторанину: он раньше всех догадался, что наступило время заката. И вот еще одно доказательство парадоксальности этой фигуры: он предлагает проект, реализация которого гарантирует полное возвращение к старым добрым временам, когда от министра информации (отдела пропаганды ЦК КПСС в советские годы. – *Авт.)* зависело если и не все, то многое. То есть все, что можно было сломать, сломал, оглянулся и ужаснулся: «Подо мной же пустота!».

Название нового проекта: Федеральный информационный центр (ФИЦ). Звучит почти как фикция. Суть новорожденного монстра по замыслу Полторанина: указом президента создается корпорация, в которую входят все телевизионные и радиопередающие центры России, государственные типографии в Москве и регионах, а также бумажные комбинаты. Предусмотрен банк для кредитования средств массовой информации. ФИЦу, и только ему, предоставляется право распределения телевизионных и радиочастот. Во главе Федерального информационного центра назначается генеральный директор Михаил Полторанин в ранге …первого вице-премьера. Это еще не «Газпром», не нефтяная империя (там доллары), но и не пустячок какой-то, не здание бывшего Госстроя, не Сандуновские бани; это, помимо ранее перечисленного, и огромная недвижимость, власть, миллиарды рублей. Пять процентов акций будут принадлежать трем начальникам холдинга, из них, надо полагать, половина генеральному директору.

Поднялся шум. Полторанин доказывает, что ФИЦу присущи исключительно технические функции, но кто же поверит этому? В проект заложен огромный пропагандистский потенциал, по сути дела, это не что иное, как министерство пропаганды. Автора проекта называют Геббельсом.

Как и многие другие его проекты, этот скончался, не успев пожить и двух месяцев. Конституционный суд признал новую структуру неконституционной, бюджетный комитет Думы запретил бюджетное финансирование. Ельцин, до этого финансирующий ФИЦ из президентского резерва, тоже отказал в обеспечении мертворожденного дитя.

У меня есть основания предположить, что Михаил Никифорович порядком надоел и Борису Николаевичу, ибо нередко ставил президента в неловкое положение. То одно коленце выкинет, то другое. И все невпопад. Так что терпел-терпел и – попрощался. Как раньше попрощался с Бурбулисом, министрами из правительства Гайдара. Теперь некоторые из них называют своего бывшего шефа «кидалой», но что оставалось делать президенту? Как ему было реагировать, например, на следующее интервью Михаила Полторанина?

Цитата. Михаил Полторанин дает интервью «Унite» в «еще пьяной и сонной» Москве: «Я спас президента Ельцина от нового государственного переворота»

Интервьюер – корреспондент итальянской «Унiты» в Москве Серджио Серджи. «Российская газета», 14 января 1993 год. Печатается с незначительными сокращениями.

«Новый государственный переворот, говорит Полторанин журналисту, был уже более чем готов за несколько недель до бурного Съезда депутатов в декабре. «Путч» по всем правилам. Со специальными вооруженными до зубов группами, захватом всех стратегических зданий столицы, от министерств до телекомпании, при молчаливом согласии министров безопасности (бывшего КГБ) и внутренних дел. А во главе – Руслан Хасбулатов, Председатель Верховного совета, противник Бориса Ельцина.

– Кто же устранил эту трагическую перспективу?

– Это был я. Когда я понял, что происходило, я начал говорить, бить тревогу. *(Далее корреспондент знакомит итальянского читателя, кто есть Полторанин: заместитель премьера, который отошел в сторону 25 ноября, «чтобы защитить президента от нападок оппозиции». Это интервью, уточняет корреспондент, он дал «Унite» в еще пьяной и сонной Москве, только что завершившей празднование Нового года и готовящейся отметить православное Рождество. Полторанин, который всегда отличался сангвиническим темпераментом, бурной энергией и острым языком, вернулся во всем блеске на политическую сцену спустя больше месяца своей добровольной ссылки. Ельцин не мог обойтись без него. «Бульдозер президента» несколько дней назад вновь пошел напролом, имея статус первого заместителя премьера в качестве руководителя Федерального информационного центра России, призванного контролировать средства массовой информации, ТВ и газеты от имени президента. Обвинения по поводу государственного переворота …последовали в середине разговора между звонками министра иностранных дел Козырева и бывшего государственного секретаря Бурбулиса. О Хасбулатове он говорит: «Это большевик, даже не коммунист. Всего лишь и*

только – большевик. Он говорит так: «Надо закрыть газету». Или же: «Посадить этого в тюрьму, другого уничтожить». Таков его стиль. Он очень опасен»).

– Но чуть больше года назад Хасбулатов был вместе с вами…

– Мы были в одной команде. Мы боролись за него, когда речь шла о том, чтобы избрать его председателем парламента. Мы рассчитывали, что вместе сможем двигать реформы и развивать демократию.

– Но?..

– Но он стал окружать себя сбродом, человеческими отбросами, стал заниматься собственными частными делами, открыто использовать служебное положение в личных целях, специально тормозить все законопроекты, направленные на продвижение реформ, подрывать равновесие власти с тем, чтобы встать над всеми. Я не имел права больше молчать и объяснил, что готовится. Да, Хасбулатов – большевик, и я обязан с ним бороться.

– Вы обвинили его в том, что он пытался осуществить государственный переворот.

– А вы как иначе могли бы оценить эту ситуацию? Есть председатель парламента, который создает для себя вооруженную группу…

– Хасбулатов сказал, что создано это подразделение было раньше (так и есть, служба охраны Верховного совета РСФСР была создана Ельциным в бытность председателем российского парламента. *– Авт.)*.

– Он всегда говорит одно, но потом делает другое. Повторяю: он создает вооруженную группу до пяти тысяч человек со школой специальной подготовки, которая уже подготовила отделение от «спецназа», отдает распоряжение приобрести еще сорок тысяч автоматов. Одновременно в Москву прибывают вооруженные до зубов группы чеченских боевиков, которые занимают весь гостиничный комплекс близ ВДНХ.

– Да что вы говорите!..

– Как что говорю? Они прибыли. Они были там в ожидании приказов. Тем временем Хасбулатов благодаря этим группам берет под свой контроль «Останкино», Государственный банк, прокуратуру, Министерство иностранных дел и так далее. Семьдесят пять объектов. Убирает милицию, которая подчиняется министерству внутренних дел, и ставит своих людей.

– Подождите, но это значит, что Ельцин на Съезде подписал соглашение о компромиссе с руководителем осуществлявшегося тогда государственного переворота?

– Да, но тогда вооруженные формирования были уже

ликвидированы президентским декретом. Видите ли, в нормальной ситуации, в нормальной стране после всей этой подготовки Хасбулатова президент должен был бы предстать на сессии Верховного совета, выступить перед народом и объявить об отставке министра безопасности и министра внутренних дел, которые все это допустили.

– А министры были согласны с операцией?

– Они ее поддерживали. Президент все узнал от меня, а не от них.

– Таким образом, министры безопасности и внутренних дел допустили создание этих групп?

– Особенно министр внутренних дел *(Виктор Ерин. – Прим. редакции газеты "Унита"),* который подписал и сдал объекты под охрану. Не информируя об этом президента. По этой причине президент должен был бы выступить в парламенте и сообщить о решении отстранить их. Кроме того, Ельцин должен был бы отдать распоряжение о том, чтобы приостановить деятельность самого Верховного совета до завершения следствия.

– А он этого не сделал. Почему он не смог это сделать?

– Он не столько не смог, сколько не хотел.

– Почему же?

– Ельцин – человек, который сразу же чувствует осложнения и старается не обострять ситуацию. Президент всегда верит в добрую волю людей.

(Далее корреспондент напоминает о решениях президента отправить в отставку Полторанина и госсекретаря Бурбулиса, что было расценено как уступка президента. Полторанин усмехается: что касается лично его, то он ушел тогда для «тактического маневра»).

– Это все было шуткой?

– Тактическим ходом. Уйти я решил в июне. Я представил Ельцину проект реформы министерства информации, но его невозможно было осуществить, потому что нужно было изменить десятки действующих законов. Ельцин сказал: «Оставим это, подготовь другой вариант». Так и было. Сейчас мой центр в течение года должен упорядочить государственную систему, как газетную, так и телевизионную. Будет создана «Информационная корпорация» журналистов, и правительство думает также о введении налога на пользование телевизором. Накануне Съезда Хасбулатов сказал президенту: «Если вы не уберете Полторанина, мы разгромим всю команду Гайдара».

– А Ельцин?

– Спросил мое мнение. Естественно, он не собирался увольнять меня. Это я вытащил его из трудного положения,

заявив, что нужно сделать все возможное, чтобы спасти правительство Гайдара. Тогда я представил новый вариант реформы министерства и сказал: настало время осуществить нашу идею. Ельцин сделал указ. Я подал в отставку, а он сказал на встрече с группой главных редакторов газет: «Запомните, я не предаю своих людей».

– После декабрьских испытаний Ельцин сейчас сильнее или слабее? Вас восстановили, но нет больше ни Бурбулиса, ни Гайдара.

– Я бы не сказал, что президент хорошо подготовился к Съезду. Все те, кто традиционно помогал ему в выработке стратегии, были удалены. Речь идет о Шахрае, Бурбулисе, обо мне. Именно мы на предыдущем Съезде выдвинули идею дополнительных полномочий, которая потом и победила. А теперь вот вам Скоков (*секретарь Совета безопасности*), Петров (*бывший руководитель администрации президента*) – подготовители Съезда.

– Вы обеспокоены?

– Конечно. Доклад Ельцина был слаб. У Ельцина были гораздо более сильные выкладки, подготовленные нами. Он должен был говорить о концепции государства российского, об экономической и политической реформе. Он должен был выйти на трибуну президентом, а не ответственным за правительство. Но «эти» убедили его в обратном. Да, действительно, Бурбулис сейчас несколько отдален, но он остается точкой отсчета. Он создает международный центр политологов под названием «Стратегия». Гайдар остается постоянным соратником, Ельцин имеет с ним прямой телефон и вызывает его.

– Что вы знаете о партии президента?

– Я поддерживаю эту идею. Президент без социальной базы будет всегда трепетать, как лист на осеннем ветру. Сказать, что базой является весь народ, – слишком широкая концепция. Партией занимается, в частности, Бурбулис. Эта партия возникнет из различных демократических движений, из осколков партий левого центра и движений, которые нарождаются на периферии.

(Далее дотошный итальянский корреспондент интересуется его оценкой нового премьера Черномырдина, отношением Полторанина к Юрию Скокову, отношениями Ельцина и Руцкого, насколько «могуществен» Вольский, и даже впечатлениями, которые вынес Михаил Никифорович от беседы с папой Римским. В зарубежных газетах журналисты чаще всего уклоняются от собственных оценок, «Российская газета» позволила себе это в послесловии к интервью: «…Очевидно, Михаил Никифорович, давая

это интервью, находился в том же состоянии, в каком пребывала посленовогодняя Москва». В середине января при встрече с министром безопасности Виктором Баранниковым я спросил его, будет ли он подавать иск в суд на Полторанина за клевету. Министр отмахнулся: «Что возьмешь с дурака?».)

Хроника. Институт сравнительных социальных исследований сообщает

«Российская газета», 5 декабря 1992 года.

«Кто более всего ответствен за ухудшение экономической ситуации в стране (в процентах)? Правительство – 10; президент и его окружение – 15; парламент – 6; все вместе – 60.

Кто должен осуществлять контроль за формированием правительства? Только президент – 23; только парламент – 18; президент предлагает, а парламент утверждает – 37.

Кто должен осуществлять контроль за деятельностью исполнительной власти? Президент – 16; парламент – 17; органы правосудия – 34; партии – 1; средства массовой информации – 3.

Какая форма правления более всего подходит для России в настоящее время? Президентская республика – 34; парламентская республика – 33; конституционная монархия – 6; затруднились ответить – 24.

Отношение к особым полномочиям президента. За продление их – 35; против продления – 44; затруднились ответить – 20.

В состоянии ли президент эффективно решить стоящие перед ним проблемы? Совершенно уверен в этом – 2; уверен – 21; не уверен – 53; совершенно не уверен – 17.

Какое будущее ожидает Россию? Обречена на распад – 18; будет существовать в нынешних границах – 20; вокруг России начнется процесс объединения народов – 51».

Хроника. Раскол в руководстве «Останкино»

«Российская газета», 23 февраля 1993 года.

«Указом президента Яковлев Егор Владимирович освобожден от должности председателя Государственной телерадиокомпании «Останкино» в связи с переходом на другую работу. Другая работа – некое акционерное общество с названием РТВ-Пресс, которое расположилось в спорном здании на улице Володарского. Решением арбитражного суда признано незаконным акционирование имущества РТВ-Пресс. Акцию по захвату здания совершили 15 вооруженных милиционеров из охраны «Останкино» по распоряжению его нового председателя Вячеслава Брагина (депутат, сторонник президента, бывший секретарь одного из райкомов партии Тверской области, креатура Полторанина. – *Авт.*).

Первый заместитель председателя гостелерадиокомпании «Останкино», генеральный директор телевидения Игорь Малашенко направил письмо премьер-министру Черномырдину с просьбой освободить его от занимаемой должности. Он исключил возможность работать с Брагиным и считает «недопустимым безраздельное влияние на телевидении одной политической группировки, пусть даже с самым демократическим названием – «ДемРоссия». Эту группировку, по словам Малашенко, возглавляют Михаил Полторанин и Вячеслав Брагин, поставившие задачу «обеспечить референдум». Работа, по мнению Малашенко, ведется в духе «массированной пропаганды». Заместитель председателя телерадиокомпании Валентин Лазуткин напомнил, что в августе 1991 года издал приказ о дератизации «Останкино», чтобы сделать телевидение общественным, а не однопартийным».

Часть третья
Президент растоптал конституцию

Абсолютная власть съезда пошла от Бориса Ельцина

Конфликт президента со Съездом и Конституционным судом замешан прежде всего на его непонимании, а скорее, на нежелании следовать букве основного закона – Конституции. Действующая тогда конституция не отвечала требованиям дня, отставала от хода развития страны. Это правда. Конституционная комиссия, созданная на первом Съезде под председательством Бориса Ельцина, работала неэффективно. Существовали и объективные трудности с ее написанием. Ни политики, ни ученые не имели четких представлений о главном: какое государство будем строить, кто и как им будет управлять, в каких объемах наделить полномочиями власти – законодательную, исполнительную, судебную. Общие представления, разумеется, имелись, но требовались конкретные правила.

Тогда и было принято решение, может быть, и ошибочное, – изменять и дополнять действующую Конституцию по ходу возникновения проблем и потребностей. То есть речь шла об обеспечении законодательством так называемого «переходного периода». Когда станет ясно, куда должен плыть корабль, будет выбрана и лоция.

Следует напомнить, что одной из первых и важных поправок, внесенных в конституцию еще при Ельцине-председателе Верховного совета РСФСР, была поправка об абсолютной власти Съезда народных депутатов России. Понятно, почему это было сделано: Россия дралась с союзной властью, и эта норма позволяла в случае необходимости опираться и ссылаться на нее. Само собой разумеется, Борис Николаевич не только не противился тому, что Съезд наделил себя правом рассматривать и принимать окончательное решение по любому вопросу, но и приветствовал эту норму. Восстал он против нее, когда ему захотелось встать выше Съезда. А осуществить это желание можно было двумя путями: или подмять под себя Съезд и парламент, или избавиться от Съезда. Это – ядро конфликта, все остальное мелочи.

Все подводные течения борьбы Бориса Ельцина со Съездом были вскрыты на восьмом (внеочередном) Съезде, состоявшемся в марте 1993 года. В его повестку были включены два вопроса: «О постановлении Съезда народных депутатов Российской Федерации от 12 декабря 1992 года «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации»», «О соблюдении

Конституции (Основного закона) Российской Федерации высшими органами государственной власти и должностными лицами». В ходе работы Съезда повестка была по настоянию президента дополнена вопросом «О всероссийском референдуме».

Вся суть противостояния исполнительной власти с законодательной и судебной раскрыта в докладе, который огласил заместитель председателя парламента Николай Рябов. Не имея возможности привести его в полном объеме (это заняло бы много места), отметим лишь некоторые части, в которых анализируются точки несоприкосновения властей.

Первое. Президент предъявляет обвинение Съезду в том, что восьмой (внеочередной) Съезд намерен отменить предыдущее свое постановление о стабилизации конституционного строя (принятое на седьмом Съезде). Но в этом случае Съезд исправлял собственную ошибку, заключавшуюся в том, что, наделив президента правом издавать неконституционные указы, Съезд превысил свои полномочия и тем самым нарушил Конституцию. Кроме того, Съезд ограничил полномочия Верховного совета в законотворчестве, что также стало нарушением Конституции. Постановление о стабилизации конституционного строя явилось односторонней уступкой исполнительной власти, но беда не в этом. Как показала практика, даже малейшее отступление от конституции приводит к крупным последствиям, в данном случае, к разбалансировке полномочий и обязанностей властей и государственных должностных лиц.

Второе. В конфликте столкнулись два подхода к государственно-правовому развитию России, и его усугубило постановление Съезда о стабилизации конституционного строя. Первый подход – это подход Съезда и парламента, базирующийся на традиционной российской структуре власти: есть глава государства (монарх, генсек или президент), есть достаточно самостоятельное правительство, но подконтрольное президенту и парламенту, есть орган представительства (Дума, Съезд, Верховный совет).

Президент своими действиями разрушал привычную для России структуру власти, создавая параллельные системы власти, независимые от правительства и неподотчетные парламенту: Госсовет, возглавлявшийся Бурбулисом, Администрацию Президента, Контрольное управление, аналитические и информационные центры (например, злополучный ФИЦ), представительства президента в регионах («президентское око», призванное шпионить за губернаторами) и многое другое. Ведь в субъектах Федерации и без спецпредставителей хватало надзорных органов, в их числе – и федеральные министерства,

генеральная прокуратура. Слепому было видно, что президент создает параллельные, независимые от правительства и парламента органы власти, и делает это с одной целью: взять всю власть в свои руки. Его не смущало и то, что между конституционными органами власти и им созданными нарастают, что неизбежно, противоречия, идет дележ функций. И происходит это в ущерб основному делу – усилиям по выходу России из экономического и политического кризиса.

Третье. Ошибка пятого Съезда, предоставившего президенту право самостоятельно формировать правительство и возглавить его, привела к тому, что президент оказался вне контроля Съезда и парламента. У парламента остались только три способа влияния на него: он мог ограничить законотворческую деятельность президента (не принимать вносимые им законы), мог не согласиться с предложенным правительством бюджетом, а также еще оставалось влияние через Центральный банк (его руководство назначалось Верховным советом).

Четвертое. Принятое седьмым Съездом решение о проведении референдума 11 апреля – большая ошибка, поскольку Съезд не учел позиции регионов. А они, особенно республики, активно выступили против референдума, считая, что прежде следует отработать механизм реализации федеративного договора, то есть определиться в отношениях федеральных властей и региональных. Нельзя ставить телегу впереди лошади, считали они. Референдум, по мнению большинства региональных властей, может привести к распаду России.

Пятое. Ошибка седьмого Съезда и в том, что он под давлением президента подписал соглашение между ветвями власти. Это – нонсенс; их отношения регулируются Конституцией и только Конституцией. Причем соглашение достигнуто между президентом и Верховным советом, таким образом, из этого процесса устранен высший орган власти – Съезд. За всеми этими действиями президента и Верховного совета Съезд усмотрел сговор, попытку пересмотреть систему власти. При этом и Верховный совет, и Конституционный суд, да и сам президент в случае реализации соглашения утрачивали легитимность.

Шестое. На излюбленный вопрос окружения Ельцина и его самого: кто главнее, президент или Съезд, – ответ дает Конституция. Президент является высшим должностным лицом, *подотчетным* Съезду. Все! Хочешь стать монархом – меняй конституцию (что Ельцин и сделал с помощью танков. – *Авт.*). Но в условиях действующей тогда конституции «Борис был не прав».

Седьмое. Окружение Ельцина не особенно скрывало свои намерения насильственно распустить Съезд и Верховный совет и

ввести прямое правление президента. Иные обуславливали это тем, что Россия велика, разнолика, поэтому ей нужен царь с тяжелой булавой, способный в случае необходимости навести порядок. Другие допускали наличие крепкой руки временно, на изломе страны. Третьи просто-напросто решали свои меркантильные задачи – пристроиться к бочку власти, а получится, и выйти в короли. Тот же Геннадий Бурбулис после отставки признался в том, что перестал видеть в Ельцине единственного и безальтернативного лидера демократической России, более того, считал его уже преградой для дальнейшего развития демократии, поскольку тот нес в себе «пережитки социализма». Но и тех, и других, и третьих, и четвертых объединяла одна цель: снести со своего пути представительную власть. Немало было и таких, которые видели в ней препятствие для обогащения.

Восьмое. Все преступления исполнительной власти в 90-х годах меркнут перед глобальной аферой – разгосударствлением (приватизацией). О ней уже тошно и писать, и читать. Но тут важно отметить отношение к ней Съезда, парламента, с одной стороны, и президента, правительства, с другой. Парламент через созданный им Фонд федерального имущества пытался придать процессу приватизации цивилизованный социальный характер. Были приняты более-менее справедливые правила раздела государственного (народного, ничейного, назовите как угодно) имущества, хотя в таком деле абсолютная справедливость вряд ли возможна.

Однако сдержать дикую приватизацию депутатам не удалось. По двум причинам, о которых стараются умалчивать и по сей день. Первая: президент сумел привлечь на свою сторону «красных» директоров, поначалу возмущенных гайдаровскими реформами. Перестаньте, сказал он Гайдару, ссориться с директорами, дайте им возможность владеть тем, чем они сейчас управляют. И многие директора тут же сменили гнев на поддержку правительства. Я как-то спросил Юрия Скокова, почему «красные» директора, с которыми он крепко связан, перестали реагировать на губительные реформы правительства Гайдара. Он махнул рукой: они все заняты обеспечением своей дальнейшей не безбедной жизни. Привлечение «красных директоров» на свою сторону – блестящая победа Ельцина и сокрушительное поражение парламента, который фактически потерял контроль над ходом приватизации. Ему осталось лишь критиковать Чубайса.

Вторая победа президента и Гайдара заключается в том, что они, сделав ставку на порочность человека, на его извечную

страсть к стяжательству, сумели в короткий срок создать класс собственников. Нашлось немало людей, которые богатели с каждым часом и днем. Впоследствии говорили о том, что собственность раздавалась своим людям. Было и такое, но не только. Главная цель Гайдара и Ельцина состояла в том, чтобы расширить круг тех, кто будет готов ради полученной (не говорю – приобретенной трудом) собственности защищать ее до последней капли крови. Вспоминается реакция Сергея Филатова, главы Администрации Президента (вовремя перебежал из парламента), на предложение пересмотреть итоги приватизации: «Но это же гражданская война!». И он прав. Могло случиться нечто подобное, что произошло в 1917 году. Правда, тогда 95 процентов населения грабили 5 процентов, теперь 5 процентов ограбили 95. Этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется и то, что в нулевые годы не решились пересмотреть итоги приватизации. А через десять лет и вовсе поезд ушел: наступил срок давности совершенного преступления.

Все эти истинные причины «раздрая» между властями были освещены в толковом докладе, и Ельцин уже не мог отмахнуться от них. Все тайное стало явным. И тогда он меняет риторику. В субботу, 20 марта президент обращается к гражданам России по телевидению.

Цитата. Обращение президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина к гражданам России

«Российская газета», 23 марта 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«Сегодня предельно ясно: корень всех проблем не в конфликте между исполнительной и законодательной властью (!), не в конфликте между Съездом и президентом (!!), суть глубже, суть в другом – в глубоком противоречии между народом и прежней большевистской антинародной системой (!!!), которая еще не распалась, которая сегодня опять стремится восстановить власть над Россией (восклицательных знаков уже не хватает: возвратиться к прежнему строю было просто невозможно, что, в частности, показал ГКЧП. – *Авт.*).

Восьмой Съезд, по сути дела, стал генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры, народ попросту хотят обмануть. …Народу высокомерно отказано самому определять свою судьбу.

На Съезде в полный голос заявила о себе имперская идеология. Если она станет основой политики, то Россия неизбежно будет втянута в вооруженные конфликты со всем ближним зарубежьем (имперской идеологией президент назвал усилия депутатов решить вопрос Черноморского флота и Севастополя. – *Авт.*).

На Съезде то и дело гремели лозунги «холодной войны». В заключительной речи спикера фактически прозвучал призыв ее возобновления. Что это означает, понятно: снова гонка вооружений, снова рост военных расходов и снова глобальная конфронтация со всем миром.

Конституционный суд в этой ситуации до сих пор не занял принципиальной позиции. Расправа над основами конституционного строя проходит у него на глазах и пока не получила отпора.

Режиссеры восьмого Съезда, работники бывшего аппарата ЦК КПСС, удобно устроились в структурах Верховного совета и там работают. Они там правят бал (себя он, разумеется, не относит к бывшим работникам ЦК КПСС. – *Авт.)*

Съезд пытается ограничить президента, его стремление дать

землю народу и сохранить Россию. На мне как на президенте лежит государственная обязанность обеспечить дальнейшее продвижение преобразований. Вижу во всем этом свой гражданский, свой патриотический, да и свой человеческий долг».

Ну, и так далее, и тому подобное. Набор не подтвержденных фактами обвинений, сплошная эклектика, полное отсутствие логики, хотя бы мало-мальской аргументации. Впечатление такое, что обращение подготовлено неудовлетворенной экзальтированной дамой бальзаковского возраста. И как не пожалеть, что от президента удалены Бурбулис и Полторанин; те сочинили бы что-то поумнее.

Обращение завершается поручениями председателю правительства: решить вопрос о земле (передать ее гражданам в частную собственность); форсировать передачу прав по проведению приватизации вниз и дать гарантии, что приватизация будет необратимой; поддержать многих и многих людей, которые хотят начать свое дело, в том числе кредитами, льготными налогами; не допустить безработицы, с этой целью расширить строительство жилья и дорог; бороться с инфляцией, стабилизировать рыночный курс рубля; принять решение о возмещении ущерба десяткам миллионов людей, чьи вклады в банках обесценились во время реформ; навести порядок в предоставлении льгот и привилегий предприятиям. А напоследок брошена кость тем, кто недоволен властью на местах: отстранены от должности главы администраций Новосибирской и Иркутской областей и несколько чиновников в правительстве. Дескать, работа уже началась.

Даже поверхностный анализ поставленных президентом задач свидетельствует об одном: никто не мешал президенту и правительству решать их на протяжении двух лет. И прежде всего этому не препятствовал парламент. Напротив, он обеспечивал их законами и своими постановлениями. И если возникали трения (так и должно быть!), то их следовало устранять на основе законов и конституции. Что, парламент был против возмещения ущерба миллионам граждан, чьи вклады в банках были обесценены во время гайдаровских реформ? Или изо всех сил мешал президенту бороться с инфляцией? А может, был против расширения строительства жилья и дорог? Против поддержки людей, решивших открыть свое дело, кредитами и льготными налогами?

Обращение содержало хаотичный набор обвинений, обрывки намерений, и стало ясно, что президент находится в состоянии эйфории и большой тревоги за собственную судьбу. Если

допустимо такое сравнение, то тогдашнее его состояние можно уподобить поведению раненого вепря. Охотники знают: раненый зверь, по кровавому следу которого идет охотник, делает дугу и встречает обидчика там, где тот не ожидает его встретить. Бросок – и обидчик со вспоротым животом разделил участь вепря.

Обращение президента повергло всю страну в шок. Не только политики, но и граждане в Москве, в Сибири, на юге и севере, повсюду, были потрясены планами президента. «Российской газете» не хватало страниц, чтобы разместить сотни и тысячи писем, телеграмм, отреагировать на телефонные звонки. Состоялось экстренное заседание Верховного совета, на котором выступили вице-президент, председатель правительства, председатель Конституционного суда, секретарь Совета безопасности, силовые министры. Вслед за обращением президент обещал издать указ об особом порядке управления страной (ОПУС).

Цитата. Экстренное заседание Верховного совета

«Российская газета», 23 марта 1993 года.
Печатаются фрагменты.

Александр Руцкой, вице-президент: «Как произошло то, что мы сегодня обсуждаем? Одна сторона около президента занимается разработкой решений, которые позволили бы активно и продуктивно содействовать властям для решения проблем страны, а другая, называя себя демократами, занимается прямо противоположным. И вот появляется указ, который секретарь Совета безопасности отказался визировать. Я тоже отказался его визировать. Я обращался к Борису Николаевичу по телефону, написал ему письмо, в котором убедительно просил снять выступление по телевидению, не подписывать ни одного документа, чтобы тому же Совету безопасности разобраться в тех предложениях, которые он выносит на всю страну».

Виктор Черномырдин, председатель правительства: «Мы провели заседание президиума правительства, затем расширенное заседание с участием министров. Президент имеет право обращаться к народу, другое дело, конституционно или неконституционно его обращение. Пусть с этим разбираются специалисты. Правительство заявляет, что силовые структуры обеспечат порядок, не допустят втягивания их в политическое противоборство».

Валерий Зорькин, председатель Конституционного суда: «С весны 1992 года, даже раньше, Конституционный суд … предупреждал о нарастании конституционного кризиса. Тогда окружение президента попыталось столкнуть лоб в лоб законодательную и исполнительную власти. Это удалось предотвратить. Но урок не был извлечен. А ведь были все предпосылки для формирования правительства национального согласия. И у президента России оставалось полномочий больше, чем у президента США. Сильные вроде бы полномочия у законодательного органа, да и судебная власть встала на путь самостоятельности. Возникает вопрос: что мешало дальше работать в системе разделения властей? Мы говорили: не действующая Конституция явилась причиной противостояния, а амбиции властей, прежде всего, исполнительной, которая требовала себе все новых и новых полномочий. Мне стало известно, что окружение президента готовит проекты указов,

направленные на введение так называемого президентского правления. Но мои попытки в течение трех дней связаться с президентом не имели успеха. И сегодня я повторил попытки связаться с президентом и сказать: Борис Николаевич, вы совершили ошибку, может быть, роковую ошибку. Но еще есть шанс повернуть сообща на путь развития. Президент вновь не пожелал со мной созвониться. В сложившихся экстремальных условиях Конституционный суд вынужден был провести два совещания. Мы считаем, что предпринята попытка перечеркнуть основополагающие принципы Конституции, прежде всего разделения властей, и тем самым сосредоточить власть в значительной мере у одного лица. А как иначе понимать фразу, что не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену указов президента и распоряжений правительства? Что это, как не попытка государственного переворота? Сегодня ночью, в 2 часа 30 минут, Конституционный суд принял к производству и рассмотрению вопрос о конституционности и конституционной ответственности президента и должностных лиц, связанных с подготовкой обращения, прозвучавшего по телевидению. Мы вызвали в суд высших должностных лиц (президента, вице-президента, председателя правительства, вице-премьера Шахрая, руководителя Администрации президента Филатова, некоторых министров). В ходе бесед с Шахраем и Филатовым всплыли новые имена, причастные к обращению и проекту указа. Однако президент не ответил на приглашение Конституционного суда».

Виктор Ерин, министр внутренних дел: «Наша главная цель – обеспечить общественный порядок и оперативное реагирование на любые правонарушения. В течение текущих суток – а мы со вчерашнего вечера особенно четко отслеживаем складывающуюся обстановку – в отдельных городах страны проводятся общественно-политические мероприятия различной направленности. Дальний Восток и Сибирь сутки прожили без какой-либо митинговой активности. В Санкт-Петербурге на Дворцовой площади находилось в течение дня до двух тысяч человек, в Москве проводили митинги представители движения "Трудовая Москва" и представители демократической направленности, с каждой стороны до пяти тысяч человек. Считаю необходимым отметить, что любая нестабильность в обществе на руку преступным элементам, которые могут активно использовать ее для решения своих корыстных целей – преступного обогащения».

Виктор Баранников, министр безопасности: «Люди до предела натерпелись и устали от изнурительной конфронтации

между властями, и в мирное время живут как в условиях военного положения. Хотел бы сегодня обозначить две свои позиции. Первая. Чем дольше будет длиться противостояние, тем больше времени и возможностей дадим тем, кто использует те или иные национальные, этнические, региональные интересы для достижения своекорыстных, эгоистических целей, выгодных корпоративным группам, тем больше будем подрывать обороноспособность и безопасность страны. Второе. Как министр, заявляю, что личный состав системы государственной безопасности действовал и будет действовать в соответствии с законами и Конституцией России».

Валентин Степанков, генеральный прокурор: «Учитывая, что самого указа – официально подписанного документа – нет, дать правовую оценку в рамках уголовного права, сказать о наличии или отсутствии состава преступления в действиях какого-либо должностного лица я не могу. Что касается самого обращения президента, то, на мой взгляд, по тексту обращения чувствуется расхождение с целым рядом статей действующей Конституции. Мера ответственности президента определена Конституцией, механизм известен всем депутатам».

Павел Грачев, министр обороны: «Я еще на седьмом Съезде докладывал, что армия всегда решала и будет решать задачи, возложенные на нее Конституцией и законом об обороне. И сегодня заявляю: так и впредь будет. По-моему, подобных сомнений не может быть ни у кого. Хотя и на Съезде, и на заседаниях Верховного совета отдельные депутаты пугали нас продвижением войск в сторону Москвы, установлением Вооруженными силами диктатуры».

Юрий Скоков, секретарь Совета безопасности: «С моей точки зрения, в нашем государстве сегодня нет никакого вопроса о дефиците власти. Ибо до сих пор не разобрались, в каком государстве мы живем. 31 марта исполняется годовщина подписания федеративного договора, но как подписали эту бумагу, так она и осталась бумагой. И у нас нет системы управления. Рассуждаем лишь о том, кому дать власти больше, кому меньше. Что касается вопроса сегодняшней повестки дня… Совет безопасности не рассматривал вопрос о введении какого-либо президентского правления. Я не имею ни устных, ни письменных поручений от президента на этот счет. Последнее заседание Совета безопасности было посвящено двум злободневным вопросам: проблеме здоровья нации и функционированию финансовой и банковской системы. Вывод по первому вопросу: мы можем сейчас встать и разойтись, потому что обрекли себя на вымирание, и нам не нужны никакие власти.

Вывод по второму вопросу: мы строим дом (если вообще строим) не на песке, а на болоте. Все, что делается в этой сфере, ведет к развалу экономики и государства. В течение последней недели было несколько обстоятельных бесед с президентом. Последняя состоялась в пятницу, и никакого разговора о введении особого порядка управления страной не было. Напротив, был разработан четкий план, который президент принял, опираясь на решения субъектов Федерации, выраженные ими в политическом заявлении. По его поручению я готовил проект указа. Это было в 12 часов в пятницу. А утром в субботу мне предложили завизировать проект указа об особом порядке управления страной. Не берусь оценивать, кто и как его готовил. Я его не завизировал».

Президент так и не решился подписать обещанный указ. Почему? Предположение высказал председатель Конституционного суда: это был его пробный шар. Предположение косвенно подтверждается и тем, что в его выработке не участвовали ни генеральный прокурор, ни судебная власть, ни силовые министры, ни Центральная избирательная комиссия, ни регионы. Кто же в таком случае должен был реализовывать установки указа? Вероятно, Администрация Президента и ее Правовое управление – неконституционные структуры, образованные президентом в обход закона.

Однако проект указа оказался в распоряжении «Российской газеты» и был напечатан 24 марта. Без подписи и без указания срока введения его в действие. Точное название указа: «Об особом режиме управления до преодоления кризиса власти». Но граждане и журналисты называли его короче: ОПУС (особый порядок управления страной). Есть большое желание привести его здесь полностью, поскольку он, несомненно, является ярким образцом беззакония и юридического плутовства, но основные положения указа раскрыты в выступлениях участников заседания Верховного совета, в телеобращении, поэтому не будем повторяться. И все же некоторые перлы просто просятся на бумагу.

Третью часть текста составляют декларативные пункты вроде «подтверждая принесенную мною присягу», «сохраняя верность своей клятве», «принимая во внимание», «исходя из того» и так далее, которые претендуют на роль обоснования причин, толкнувших президента на беззаконие.

Постановляющая часть: на 25 апреля назначается референдум с вопросом о доверии президенту и вице-президенту; Центральная избирательная комиссия формируется указом президента (существующая комиссия не устраивает президента);

главы исполнительной власти субъектов подотчетны непосредственно президенту (устраняются законодательные органы власти в регионах); решения государственных органов и должностных лиц (читай – Верховный совет), направленные на отмену или приостановление указов и распоряжений президента, не имеют юридической силы и не подлежат исполнению; на территориях субъектов реализация указа осуществляется должностными лицами, главами исполнительной власти и территориальными структурами федеральных органов исполнительной власти. Чистой воды автократия!

Персона. Сергей Шахрай – сочинитель провокационных указов

Сейчас я отступлю от своего правила публиковать под этой рубрикой собственные наблюдения и суждения и прибегну к помощи автора очерка с названием «Серый кардинал, Или что в кармане Шахрая» («Российская газета», 23 апреля 1993 года). Автор тогда пожелал скрыться за псевдонимом, теперь же можно назвать его имя: Вольдемар Корешков, долгое время проработавший в аппарате Верховного совета СССР, а к моменту публикации – помощник главного редактора «Российской газеты». Очерк воспроизводится с незначительными исключениями.

«Интерфакс» распространил сенсационную информацию о том, что первый заместитель премьер-министра Сергей Шахрай видит себя в будущем президентом России. При этом информационное агентство сослалось на слова самого Сергея Михайловича. И вот они, документы – записи бесед с людьми, близкими к властям и хорошо знающими, как и что варится на политической кухне. Сегодня Шахрай – один из ближайших соратников президента, политический деятель, разрабатывавший контуры и содержание той политики, которая называется президентской.

Как и откуда пришел этот энергичный, уверенный в себе человек в большую политику, и как с его участием формируется политика? Это надо знать, ибо, отдавая голоса на референдуме президенту (очерк опубликован за два дня до референдума. – *Авт.*), мы тем самым одобрим и стиль политической деятельности, который присущ его ближайшему окружению.

Шахрай занимает особое место в команде президента, в определении политики, в разработке указов, которые президент оглашает или намеревается огласить. Вот как, например, это делается…

В начале марта состоялось заседание Совета безопасности, которое проходило в обстановке секретности и суперсекретности. Среди других рассматривались проекты двух указов: о реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона и второй – о государственной поддержке казачества. Обратите внимание: два отдельных проекта. Ни тот, ни другой не получили единогласной поддержки членов Совета, ибо было ясно, что и исторически, и политически, и психологически это слишком опасный подход, и можно прогнозировать разрушительные процессы для России.

Реакция президента была весьма раздражительной. Он сказал примерно следующее: вы что, не можете договориться между собой – Шахрай, Скоков? Договоритесь, тогда и будем рассматривать…Итак, был назван один из разработчиков указов – Сергей Шахрай, председатель правительственной комиссии по казачеству. И вдруг через несколько дней телевидение объявляет: президент подписал указ «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона и государственной поддержке казачества». Таким образом, два проекта сведены были в один указ, в котором вопреки логике и даже правилам юридической техники попытались слить в единое целое две разные важнейшие проблемы. Что после всего этого началось? Стиль указа, его содержание, последующая аргументация в его защиту – все свидетельствовало об авторстве Шахрая. Но неужели столь преступно и безответственно можно толкать президента на разрушение России, неужели так по-имперски нагло можно обращаться с народами Северного Кавказа? Впрочем, нашелся все-таки один министр, выступивший против антиконституционных намерений. Это был министр юстиции Николай Федоров (вскоре после этого Федоров добровольно уйдет в отставку, публично обвинив президента «в незаконных действиях и методах политических репрессий» —.А*вт.*).

На следующий день состоялось экстренное заседание правительства, на котором Шахрай сделал подробное сообщение об указе. И тут выяснилось, что премьер-министр Виктор Черномырдин …не только не согласовывал текст указа, но и не видел его в глаза. Что же говорить о министрах обороны, безопасности, внутренних дел!.. Возник вопрос и о том, кто из юристов участвовал в подготовке рискованного документа. Ни одной фамилии не было названо.

Таков стиль работы ближайшего соратника президента. Но не только соратника, а и его самого, президента: легкомыслие, кавалерийский наскок, безответственность в самых крайних пределах.

Не отличался Шахрай и щепетильностью. В свое время он был принят на работу в Комитет по законодательству Верховного совета СССР по рекомендации заместителя председателя комитета Константина Лубенченко, где занимался реализацией технического проекта – компьютеризацией работы комитета. В 1989 году во время парламентских каникул Лубенченко сформировал делегацию для поездки в США. В состав делегации включили и Шахрая. У «компетентных органов» были к нему вопросы, но Лубенченко настоял, и Шахрай полетел вместе с

остальными.

А когда пришло время возвращаться на родину, оказалось, что Шахраю требуется …отдельный автомобиль. Зачем? Слишком много приобрел техники, на большую сумму и в валюте. Члены делегации испытали шок. Откуда взялись такие деньжищи?! Шахрай пояснил: занял у американцев. А как собираешься возвращать долг? «В Москве что-нибудь придумаю».

Члены делегации предъявили ему ультиматум: или возвращай технику и долг американским «друзьям», или в Шереметьеве будешь иметь дело с таможней и прочими органами. Шахрай полетел в Москву без багажа. По возвращении домой Шахрая с треском, но без лишнего шума, изгнали из комитета. А подписал решение председатель комитета Сергей Алексеев. Да-да, тот самый Алексеев, который в 1993 году рядом с Шахраем будет писать «ельцинскую» Конституцию».

Роль Сергея Шахрая в развитии ожесточенной борьбы президента с представительной властью явно недооценена. Чаще звучат имена Гайдара, Полторанина, Чубайса. Методы Шахрая ближе к методам Геннадия Бурбулиса; они оба предпочитали работать в полутемной комнате, действовать исподтишка. Хотя – и особенно Шахрай – не избегали прямых столкновений, когда этого требовала обстановка. Шахрай первым резко порвал с парламентом, где занимал пост председателя комитета по законодательству. Но подобно Анастасу Микояну ему дольше всех удавалось ухитриться пройти сквозь струи дождя и остаться при этом сухим. Однако конец карьеры – такой же, как и у названных выше его коллег.

Ричард Никсон: «Ребята, подождите со своей демократией»

Отступим чуть назад. Перед неудавшимся мартовским переворотом, в конце февраля, в Москве побывал с частным визитом бывший президент США Ричард Никсон. Мне неизвестно, с кем он встречался, о чем говорили, но можно с уверенностью предположить, что вряд ли такую возможность упустил Геннадий Бурбулис. По приезде на родину Никсон встретился с Биллом Клинтоном и первым заговорил о необходимости смены политических вех в России. Тогда мало кто обратил внимание на советы престарелого политика. Поначалу не обратили внимания и в России. Между тем, под сменой политических вех имелось в виду установление авторитарного режима. По свидетельству газеты «Гардиан», «совет, высказанный Никсоном публично, состоял в том, что США и Запад должны принципиально поддержать Ельцина и его реформы».

Но совет Никсона содержал и конфиденциальную часть, суть которой заключалась в том, что необходимо не только поддержать, но и приудержать экономические реформы до тех пор, пока российский президент не решится сменить стратегию, то есть прежде расширить политическую коалицию и социальный слой поддержки реформ. Что необходимо сделать в первую очередь? Главная ближайшая цель – политическая изоляция парламента и Съезда, одновременно с этим обработка армии и правоохранительных органов, а также настойчивая работа с директорским корпусом, втягивания его в политику на стороне президента. Если сказать коротко, то Запад посоветовал следующее: «Ребята, подождите со своей демократией. Первое, что необходимо сделать, не откладывая ни на день, – уничтожить "предварительную" (оказывается, и такая бывает. – *Авт.*) демократию в России. Не изменив политическую надстройку в сторону закрепления авторитарной, диктаторской власти, невозможно завершить трансформацию экономического базиса».

Все верно, все по-большевистски! Егор Гайдар, выступая в то время с лекцией в Лондонской школе экономики, подтвердил эти установки. Касаясь настроений в директорском корпусе, отметил: «Перемена в отношениях правительства с промышленниками была драматической. Прошлой весной директора предприятий объединились против правительства, требуя доступных кредитов. К осени появилось четкое разделение между теми, кто испытывал ностальгию по старым временам, и молодыми энергичными

руководителями, которые представляют себя в будущем главами больших частных компаний».

Эти наставления США и «семерки», как и собственные наработки, потребовали отставок Юрия Скокова и Георгия Хижи, бывшего генерального директора знаменитой «Светланы», заместителя премьера Черномырдина. Ельцин, готовясь к «артподготовке» и силовому устранению законодательной власти, не доверял им. Скоков, впрочем, делом доказал, что не согласен с «ползучим антидемократическим переворотом», не завизировав проект указа «ОПУС». Отставки прагматиков, стоявших в политическом центре и сдержавших радикализм ближайших сторонников президента, – верный симптом того, что президент и ближнее окружение окончательно определили путь, по которому должна пойти Россия. Вот его маршрут: изъятие из политической жизни (представительного) законодательного органа власти (допускается и силовой метод); устранение власти Советов в субъектах Федерации (кстати, под лозунгом «Вся власть Советам!» Ельцин шел на выборы президента. – *Авт.*); установление президентского правления; принятие новой конституции (президентской) на референдуме; выборы двухпалатного парламента (Совет Федерации и Дума), полномочия которого урезаны до неприличия; выстраивание вертикали исполнительной власти, начиная с федерального министерства и заканчивая мэром захолустного городка. Такое сосредоточение власти у президента России не снилось ни одному из генсеков. Над теми же генсеками всегда висела петля в виде политбюро, ЦК, партийного съезда. Вон взяли и отправили на «заслуженный отдых» Никиту Хрущева…

Бесы в красной гостинной

Но где прорастала эта дьявольская идея, откуда пошли есть ее истоки? 20 августа 1993 года «Российская газета» опубликовала уникальный документ, который отвечает на заданный вопрос. Речь идет о первом заседании образованного госсовета, которое было намечено на 15 августа 1991 года, но которое не состоялось – президент за 20 минут до начала отменил совещание и отложил его на 22 августа.

Тем не менее, участники собрались, и Бурбулис провел совещание. Его участники, помимо Бурбулиса: Станкевич, Полторанин, Шахрай, Яблоков, Лазарев, Махарадзе, Явлинский, Шелов-Коведяев, Скоков, Федоров (в правительстве много было Федоровых, поэтому уточняю: имеется в виду министр юстиции. – *Авт.*), Козырев (Скоков, впрочем, побывал лишь на первом совещании, а затем старался уклониться от сотрудничества с госсекретарем). Выработанный на совещании документ получил название «О положении России и перспективах деятельности президента». Как и положено, ему был присвоен номер – 000 1/ ГС-91. Судя по передним нулям, госсовет намеревался прожить долгую жизнь…

Мы еще вернемся к самому документу и заложенным в нем идеям, оценкам и планам, а пока воспроизведем легкую разминку перед началом совещания.

Бурбулис: «Мы столкнулись с недопониманием, а иногда и с противодействием утверждения президентской власти, в том числе со стороны формирующегося Совета министров. Некоторые члены кабинета не понимают этого вопроса. Более того, если раньше образ врага отводился центру (союзным президенту и правительству. – *Авт.*), то сейчас – президенту и госсовету. Необходимо в самое ближайшее время расставить четкие акценты по вопросу о роли, положении и взаимоотношениях президента, госсовета и правительства (напоминаю: госсовет – не конституционный орган власти, но, как видим, претендует на многое. – *Авт.*)».

И что же надо сделать, чтобы все поняли огромную роль госсовета в развитии страны и общества? Бурбулис: «Первое: провести узкое совещание (президент, вице-президент, госсекретарь, председатель правительства). Второе: провести совместное заседание госсовета и правительства (предполагалось, наверное, показать правительству его место, разумеется, после госсовета. – *Авт.*). Третье: организовать выступления по телевидению Бурбулиса, Шахрая, Скокова, Федорова. Четвертое:

обратить внимание, что аппарат Администрации Президента формируется по существу из старых структур и кадров Управления делами Совета министров РСФСР (скрытый призыв к люстрации? – *Авт.*)».

Участники совещания обсудили «вопросы, связанные с подписанием и реализацией Союзного договора, в связи с этим высказали подозрение, что при подписании договора возможно ущемление прав России». Полторанин, и тут озабоченный недвижимой собственностью, предложил связать подписание договора с требованием к центру отдать России здание СЭВ и ВДНХ. Вот так: мы идем Горбачеву навстречу, соглашаемся с конфедеративным Союзом, но Горбачев за это отдает нам здание СЭВ и ВДНХ! Дешево Михаил Никифорович оценил размен! К его предложению-требованию присоединился и Станкевич.

Досталось и президенту Ельцину. Вслушайтесь: «Одна из крупнейших, возможно, решающих ошибок Горбачева как лидера-реформатора состояла в том, что он за шесть лет своего лидерства так и не сумел сформировать команду… К сожалению, первый год лидерства Бориса Николаевича Ельцина в качестве председателя Верховного совета РСФСР продемонстрировал дрейф в том же направлении. Работоспособная команда не сформирована. Совмин РСФСР, и особенно его аппарат, стал классическим образчиком «номенклатурной колоды», которая от перетасовки не менялась. Вместо последовательного курса наблюдались зигзаги и нередко довольно уязвимые импровизации. После избрания Ельцина президентом РСФСР все недостатки избранного стиля резко усугубились. Право президента издавать нормативные указы и распоряжения делало его необычайно вожделенной добычей для соискателей всевозможных благ и должностей. Доступ к президенту стал самой дорогой и твердой валютой, а люди, регулирующие этот доступ, – обладателями нигде не узаконенной, но вполне реальной "теневой" власти, приносящей баснословные дивиденды. В российском Белом доме воцарился дух Клондайка: толпы старателей, тесня друг друга, ринулись столбить участки у золотой жилы президентства… Вывод: создание в России сильной эффективной государственности на основе президентства предполагает формирование нового стиля лидерства».

Сильно сказано! И сказано Бурбулисом! Напомню, дана эта характеристика 15 августа 1991 года, спустя два месяца после выборов президента. Впереди еще более двух лет «становления президентской власти», ожесточенной борьбы президента на всех мыслимых и немыслимых фронтах, впереди Беловежская пуща, развал Большой страны, многочисленные ОПУСы,

«артподготовки», расстрел парламента. За расстрелом последуют годы нищеты, предательств, смертей, миллионы нерожденных детей, толпы «бомжей», руины оказавшихся ненужными заводов, миллионы гектаров незасеянных полей, немыслимый по цинизму перепад между бедностью и богатством. Все и многое другое еще впереди, а зарождалось все это на третьем этаже огромного Дома советов в комнате с небольшой прихожей, и называли эту комнату «красной гостиной». Именно там собралось менее десятка бесов, и собрались они ради одной цели: как и с помощью каких действий и интриг перехватить влияние на президента и подвигнуть его на роль главного «беса». Как многое предугадал, каким прозорливым оказался Федор Михайлович Достоевский!

Из заявленного на совещании следуют и другие выводы и намерения госсовета. Первый: из системы управления страной полностью изымается законодательная власть, о ней даже не упоминается. Законы будет писать госсовет Бурбулиса, он же будет и контролировать их исполнение. Второй: команда Бурбулиса, и только она способна противостоять «угрозе реванша» – а он непременно последует, потому что «традиционалистская, партократическая и коррумпированная бюрократия обволакивает президента, отсекая от него новых людей, которых он привел за собой, блокирует их деятельность». Третье: в оценке деятельности президента содержится явный намек на то, что такой президент, с такими «зигзагами», непоследовательный, продолжавший опираться на старую команду, не устраивает новую прогрессивную группу, и лидер может быть заменен. На кого? Тут долго не надо гадать.

Скоро, после ГКЧП, команде Бурбулиса удастся укрепить свое влияние на президента благодаря новому сформированному им правительству с Егором Гайдаром. Бурбулис станет фактически вторым лицом государства. В качестве госсекретаря-первого заместителя председателя правительства (председатель – Ельцин) он проводит заседания правительства, определяет политику страны.

А что же президент? Вовлеченный той же командой в борьбу со Съездом и парламентом, стремительно терявший доверие законодательной власти и избирателей, он все глубже увязал в паутине, сотканной «бесами», пока не оказался окончательно неспособным принимать самостоятельные решения и говорить своим голосом. …В беседе двух бывших министров в правительстве Гайдара – Авена и Коха – с Бурбулисом, состоявшейся много лет спустя, предельно циничный Кох называет Ельцина «кидалой» и сетует на то, что в свое время не избавились от него. Осторожный Бурбулис подобный исход

отверг. Но насколько он был искренен? Мне кажется, вспоминая то время, Бурбулис готов искусать все десять локтей, если бы они у него имелись. И сожалеет он не о том, что втянул власти в стране в бесплодную борьбу, а о том, что и он, и его команда оказались поверженными всем ходом развития России. Никому они не стали нужны, а ведь как невыносимо жить людям с подобными амбициями!

Хроника. Вепрь готовится к нападению

«Российская газета», январь 1993 года.

В новогодние дни Юрий Петров оставил пост руководителя Администрации президента. Юрий Петров – земляк Ельцина, был секретарем Свердловского обкома КПСС. В последнее время со стороны Петрова все заметнее проявлялось собственное понимание ряда важных проблем, не всегда совпадающее с мнением президента. Старался выполнять роль «мостика», связывающегося президента с центром политических сил. Не прошла незамеченной позиция Петрова и по поводу некоторых акций президента на седьмом Съезде.

Место Юрия Петрова занял Сергей Филатов, в недавнем прошлом первый заместитель председателя парламента (вместе с ним Верховный совет покинут Владимир Шумейко и Юрий Яров, также заместители председателя парламента. – *Авт.*). Переход Филатова в команду президента, предоставление ему ключевой аппаратной должности повлекут за собой изменение структуры и чистку кадров Администрации президента (предположение газеты подтвердилось: администрацию заполнили депутаты-«крикуны», главной задачей которых стало насаждение вражды между президентом и парламентом. – А*вт.*).

На пресс-конференции в Москве (Ельцин сделал здесь остановку во время предреферендумного марафона. – *Авт.*) президент на вопрос, что будет, если он проиграет на референдуме, сначала задумался, а затем предложил такой сценарий. Досрочные выборы в таком случае состоятся не весной 1994 года, а осенью 1993-го. Потому что «нельзя оставлять страну без главы», то есть без ныне действующего президента. Но на такой случай есть вице-президент, заметил один из журналистов. Президент вновь задумался и сказал: «Я неоднократно беседовал с Руцким, но тот категорически не приемлет нынешней реформы». На вопрос журналиста, следует ли это рассматривать как предложение об отставке Руцкого, Ельцин ответил: «Я должен из этических соображений сказать это не публично, а ему лично. Что я и сделаю».

Подписан устрашающий указ «Об ответственности должностных лиц исполнительной власти в Российской Федерации», в котором говорится: «Как глава исполнительной власти в Российской Федерации предупреждаю должностных лиц системы исполнительной власти, не выполняющих установленные обязанности, а равно препятствующих выполнению

законодательных актов, об их личной ответственности перед президентом Российской Федерации, другими вышестоящими руководителями исполнительной власти».

«Кровь пролилась на площади первого космонавта» – с таким заголовком вышла газета 4 мая. Семь тысяч демонстрантов вышли на площадь космонавта в Москве с требованием к власти услышать их, позволить вести дискуссии с оппонентами на равных на радио и телевидении. Они не приемлют реформ, считают виновными исполнительную власть в развале промышленности. Доносились крики «Ельцин – иуда!». И все же это была мирная манифестация, люди подчинились требованию милиции не идти в центр, милиция открыла дорогу по Ленинскому проспекту в сторону Ленинских гор. Свидетельство участников митинга: «Группа лиц в штатском постоянно переговаривались по рации с человеком, чей голос напоминал голос мэра Москвы Лужкова, который повторял: «Жестче, жестче!»». Из обращения 2,5 тысяч демонстрантов в Верховный совет: «Для разгона демонстрации милицией были пущены в ход дубинки, слезоточивые газы и водометы. Таким образом, было сознательно спровоцировано столкновение демонстрантов с милицией, в ходе которого десятки людей были жестоко избиты».

Накануне работы Конституционного совещания (детища президента. – *Авт.*) вице-президент Сергей Шахрай издал распоряжение – установить главам администраций городов, областей, округов в 1993 году 50-процентную надбавку к должностному окладу. Добавка назначена помимо индексации, которую по закону получают все бюджетники, включая, разумеется, и глав администрации. И можно было бы порадоваться за глав администраций, да возникает вопрос: имеет ли право вице-президент устанавливать подобные надбавки? Или он теперь все может? Правительство не скрывает: все эти надбавки – обычный подкуп. Они уже ничего и никого не стесняются. Дело доходит до того, что президент ограничил свободу передвижения председателя парламента Хасбулатова и его заместителей. Об этом стало известно от командующего ВВС России генерала Дейнекина, сославшегося на запрет президента предоставлять этим лицам самолеты для служебных командировок. 30 июня сорвана рабочая поездка Руслана Хасбулатова в Пензенскую область, в Бурятию и Новосибирск. «Последний шаг президента и его окружения – очередная попытка дискредитировать высших политических деятелей страны. В этом ряду позорные действия против вице-президента, председателя Конституционного суда, других сторонников демократических преобразований в стране», – заявила пресс-служба. При этом

инициаторами провокации утверждается, что самолеты якобы используются «в личных целях». Это – ложь. Разумеется, выход из этой ситуации будет найден, пообещал руководитель пресс-службы парламента Юрий Мереченков.

В конце июля 1993 года отправлен в отставку министр безопасности Виктор Баранников. Мотивировка отставки неизвестна. Молчит президент, молчит его словоохотливый пресс-секретарь Костиков, молчит даже Полторанин, который полгода назад обвинил Баранникова в подготовке государственного переворота. Это создает почву для разных слухов. В частности, ходят разговоры о том, что Баранников собирает оперативную информацию на Шумейко и некоторых других лиц из окружения президента и доводит ее до сведения Руслана Хасбулатова. 28 июля Президиум Верховного совета принял постановление, в котором назвал отставку министра незаконной, поскольку она произведена с нарушением процедуры.

На заседании парламента прозвучали обвинения в коррупции первого заместителя председателя правительства Владимира Шумейко. Утверждалось, что именно он «олицетворяет политическую линию исполнительной власти, ставшую концентрированным выражением полного хаоса и беспредела экономических воззрений, царящих в Кремле и на Старой площади». Благодаря Шумейко едва ли не все правительство было задействовано в кампании проведения референдума, он координировал усилия исполнительных структур в конституционном процессе. После разоблачений известный конституционалист Сергей Алексеев (один из авторов «ельцинской» Конституции. – *Авт.)* трагически заметил: «…удар нанесен по самому нежному месту!». Не уточнив, правда, где оно находится у Шумейко.

«Таинственный случай на яхте «Орлан»» («Российская газета», 3 июля 1993 года). ИТАР-ТАСС и «Интерфакс» распространили сообщение о взрыве в Финском заливе на яхте «Орлан», на борту которой находились Геннадий Бурбулис с женой и сыном. Ни контрразведка, ни прокуратура Санкт-Петербурга, ни Военная прокуратура ни прояснила дела со взрывом. Выяснилось, что яхта находилась в ведении Высшего военно-строительного училища, причина взрыва – утечка газа на камбузе, где готовилась закуска. Серьезно пострадал от ожогов член совета директоров «Русского видео», а сын Бурбулиса оказался за бортом. В спасении его принял участие пограничный катер.

««Немецкая волна»: Ельцин тяжело болен?» («Российская газета», 4 августа 1993 года). Слухами о болезни российского

президента заполнены немецкие газеты «Франкфуртер альгемайне» и «Зюддойче цайтунг». Их корреспондентки основывают свои подозрения на том, что президент уже три недели нигде публично не появляется, Ельцин, якобы, физически неспособен вести переговоры с лидерами Северной Осетии и Ингушетии, поэтому они отложены. Говоря о новом витке противостояния президента и парламента, корреспондентка «Зюддойче цайтунг» отмечает, что на новом витке борьбы плохо отдохнувшему президенту будет трудно соперничать с Хасбулатовым, находящимся в отличной форме. Отставку министра безопасности немецкие газеты объясняют тем, что Баранников предоставил Ельцину информацию секретных служб, подтверждающую обвинения в адрес Полторанина и Шумейко. Ельцин, потрясенный этими документами, в тот же день … отправил Баранникова в отставку.

Хроника. Госстат сообщает

По сравнению с пятью месяцами прошлого года промышленный выпуск в стране уменьшился на треть. По половине учитываемых наименований продукции снижение производства в сравнении с маем прошлого года составило 25 процентов и более. Среди них дизели и дизель-генераторы, крупные электромашины, кузнечнопрессовые машины, бульдозеры, кормоуборочные комбайны, химические волокна и нити, деловая древесина, пиломатериалы, бумага, обувь, радиоприемные устройства, мясные консервы, чай, макаронные изделия. В мае свыше 2,4 тыс. промышленных предприятий имели остановки всех или отдельных производств, в основном вызванные отсутствием сырья, материалов, комплектующих изделий, топлива и трудностями в сбыте своей продукции из-за неплатёжеспособности потребителей. Площадь засеянных сельскохозяйственными предприятиями яровых уменьшилась в сравнении с прошлым годом на 3,9 миллиона гектаров. Яровые зерновые культуры размещены на 37,8 миллиона гектаров – на 1,4 миллиона меньше прошлогоднего. Реализация скота и птицы на убой и производство молока уменьшилось в 1,6–1,7 раза, поступление яиц – на четверть. За пять месяцев 1993 года введено жилья на 48 процентов меньше, чем за тот же период 1990 года. Цены на продовольственные товары в мае в сравнении с декабрем 1992 года выросли в 2,8 раза, на промышленные товары – в 2,3 раза. Сохраняется тенденция опережающего роста цен и тарифов на платные услуги населению. С начала года они выросли в 7 раз. Внешнеторговый оборот России в январе-мае составил 21,4 млрд долларов, импорт – 7 млрд.

Референдум: иди и голосуй – «Да-да-нет-да»

Прошла неделя после восьмого Съезда, и Верховный совет вынужден был созвать девятый (внеочередной). Это вынужденная реакция на попытку мартовского переворота. Кто-то действия президента в марте не согласится квалифицировать как попытку переворота, но что же это, если не переворот? Своим указом он угрожал отстранить от власти всю законодательную власть – от Съезда и парламента до сельских и поселковых советов, избранных народом. Своим указом он сосредотачивал и исполнительную, и представительную власть в своих руках. Указы и распоряжения президента приобретали силу закона, с которым обязаны были считаться все, начиная от председателя правительства и кончая можайской старушкой. Такого не было и в советские годы, тогда хотя бы видимость соблюдали, да и постановления ЦК КПСС принимались коллегиально. А теперь достаточно одной подписи президента Ельцина.

Тогда попытка Ельцина сложить все властные функции в одну корзину не удалась. Еще не было у него полной уверенности, что силовики решительно поддержат его. К тому же не было поддержки в регионах России, а это означало, что указы и распоряжения там будут просто игнорировать. И тогда он прибегает к идее референдума. Идея не новая, он давно выбросил ее в общество. На первый взгляд, в ней нет ничего плохого: узнать мнение народа – демократично. Однако какой вопрос нужно задать избирателю, ответ на который позволил бы быть уверенным, что делать надо так, а не эдак? Ельцин, как всегда, стремится к упрощению; в математике он не силен, достаточно арифметики. Поначалу предлагает спросить у избирателей, доверяют ли они президенту. Эта формулировка чем-то напоминает разборку двух подвыпивших мужиков: «Ты меня уважаешь?». Допустим, тот, к кому обращен вопрос, ответит: «Боря, я тебя уважаю. А если еще нальешь, вообще полюблю». И что из этого следует? Референдум с таким вопросом и любым на него ответом – «доверяем», «не доверяем» – не мог иметь никаких правовых последствий. Как и отрицательный ответ («не доверяем») не служил основанием для отставки. Он мог засвидетельствовать лишь моральную поддержку или обратное отношение. Президент поправляется: давайте спросим у избирателей, кому они больше доверяют – ему или Съезду? Опять-таки допустим, что б*о*льшее число проголосовавших

доверяют президенту. И что из этого следует? Президент получает право делать то, что захочет, или что подскажет ему окружение? Но ни Конституция, ни закон о референдуме, подписанный, кстати, самим же Ельциным, не дает ему такого права.

Выходило так, что референдум с подобными вопросами оказывался просто затеей озабоченного своей судьбой деятеля, причем дорогостоящей, и, что особенно опасно, она несла в себе новые заряды противостояния, ибо противники, несомненно, интерпретировали бы итоги каждый по-своему. Что и случилось.

Однако Съезд и парламент уже не могли отказать президенту в его инициативе. В обществе могло возникнуть подозрение, что Съезд не уверен в себе и боится результатов референдума. Рабочая группа Съезда приступила к работе над формулировками вопросов, выносимых на референдум. Удалось согласовать с президентом и проект постановления о преодолении кризиса власти и сохранении конституционного строя, основанного на предложениях председателя Конституционного суда Валерия Зорькина. Эксперты оценили это постановление как «большой, если не решающий, шаг к компромиссу». Суть постановления: одновременные выборы обеих ветвей власти в ноябре 1993 года, подтверждение действия норм нынешней Конституции до принятия новой.

Проект постановления был роздан депутатам утром в воскресенье (28 марта). И что тут началось! Неожиданно для многих «взбесились» радикальные депутаты – верные сторонники президента. На заседаниях своих фракций они заявили об «очередном предательстве президентом демократических идеалов». Раздались призывы «идти поднимать народ на борьбу». Недовольна была и непримиримая оппозиция, всегда призывавшая к крайним мерам (численно она была небольшой, но весьма громкоголосой). И что уж совсем стало неожиданностью, так это отрицательная эмоциональная реакция центристов и интеллектуалов, обычно склонных к разумным решениям. Взрыв негодования депутатов вызвал и пункт постановления, в соответствии с которым за действующими депутатами и президентом в случаях их проигрыша на предстоящих выборах сохранялись социальные гарантии до окончания срока, на который они были избраны в 1990 году. Многие увидели в этом подачку, отступные или, как теперь говорят, «парашют». Резкой оскорбительной критике подвергнут Хасбулатов, депутаты потребовали присутствия президента на Съезде.

Лучше бы он не приезжал! А если и вернулся на Съезд, так со

своей бы обычной прической. На этот раз волосы были взлохмачены, явно человек только что побывал в сауне. Ельцин потребовал слова. Хасбулатов, оценив состояние президента, попробовал поскорее завершить заседание, но Ельцин, грузно встав со своего места, все же вышел на трибуну. Первые же его слова с угрозами Съезду были перекрыты яростными воплями депутатов: «Пьяница! Алкоголик! Импичмент!». Все наработанное Съездом полетело в тартарары.

Завершилась драматическая вспышка митингом, созванным сторонниками президента вблизи Красной площади, на Васильевском спуске. Ельцин уже пришел в себя и с умилением слушал приветствия участников митинга, заверения в поддержке и народной любви. Звучали, в том числе и от членов правительства, городских властей, призывы к разгону Съезда, физическому насилию над депутатами. Женщины целовали полы плаща президента. А радикалы-демократы, организовавшие митинг, вслух радовались возвращению Бориса Ельцина в их ряды.

Тем не менее, Съезд принял решения, которые на несколько месяцев оттянули развязку – расстрел парламента. Съезд упразднил институт представителей президента («государева ока», а проще – шпионов) в субъектах Федерации, находящихся в штате Администрации Президента (постановление не выполнено. – *Авт.*). Предложил президенту сформировать коалиционное правительство национального согласия (президент игнорировал данное предложение. – *Авт.*). Упразднил Федеральный информационный центр (исполнено по решению Конституционного суда. – *Авт.*). Поручил Верховному совету обратиться в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности ряда указов президента, в частности, указа «О деятельности исполнительных органов до преодоления кризиса власти», «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона и государственной поддержке казачества» (в соответствии с этим указом казачество вооружалось, и отнюдь не одними шашками, участвовало бы в охране границ и исполняло функции милиции. Страшно даже предположить, что произошло бы на Кавказе, будь этот указ исполнен. – *Авт.*).

Съезд принял постановление «О всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года, порядке подведения его итогов и механизме реализации результатов референдума». Гражданам предложено ответить на четыре вопроса. Первый: «Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину? (да/нет)». Второй: «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику,

осуществляемую Президентом и Правительством Российской Федерации? (да/нет)». Третий: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? (да, нет)». Четвертый: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации? (да/нет)».

О том, какие методы использовала команда президента в борьбе за голоса граждан – чуть позже, а сейчас о результатах референдума. Как и предполагали противники референдума, он, кроме огромных денежных трат, ничего не дал ни той, ни другой стороне.

В голосовании по первому вопросу приняли участие 68 869 947 человек. Ответили «да» 40 405 811 (58,7 процента), «нет» – 26 995 268 (39,2 процента). Признаны недействительными 1 468 868 бюллетеней (так люди выразили протест. – *Авт.*).

По второму вопросу голосовали 68 759 866 человек. «Да» – 36 476 202 (53 процента), «нет» – 30 640 781 (44,6 процента). Недействительных – 1 642 883.

Надо заметить, что по двум первым вопросам процент одобряющих и не одобряющих исчислялся от числа граждан, принявших участие в голосовании. В сущности, это был не более чем социологический опрос, и, как уже говорилось, результат голосования никого и ни к чему не обязывал. Два последних вопроса непосредственно находились в конституционном поле, и результат голосования должен был определяться в соответствии с законом о референдуме. А закон диктовал проводить подсчет процентов, исходя не из числа принявших участие в голосовании, а из числа граждан, имеющих право участвовать в референдуме, то есть 107 миллионов. Это не казуистика и не подвох депутатов, как оценивали постановление Съезда о референдуме некоторые неосведомленные в законодательстве пропрезидентские газеты, а таков был закон. Кстати, и в других странах в подобные законы закладываются жесткие, в том числе и ограничительные нормы, дабы не было искушения «баловаться» референдумами. В нашем случае для проведения досрочных выборов президента или народных депутатов необходимо было получить не менее 54 миллионов голосов. А получили: президент 34 – миллиона, народные депутаты – 46 миллионов. Против досрочных выборов президента высказались 32,5 миллиона, против досрочных выборов народных депутатов – 20,7 миллиона.

Итак, надежды, которые Борис Ельцин возлагал на референдум, не оправдались. Но моральную поддержку он получил. Голосование показало, что люди, несмотря на переживаемые ими невзгоды, продолжали верить своему лидеру,

позвавшему их в новую жизнь. Великое качество россиянина – терпеть и верить! В то же время анализ показал, что президент вышел вперед благодаря Москве, Петербургу, Екатеринбургу. Эти города и области с их огромным электоратом (около 21 миллиона человек) и решили вопрос о доверии к нему. Вот как оценили итоги референдума зарубежные газеты.

Цитата. Президент выиграл референдум в Москве, Петербурге и Екатеринбурге И проиграл в российской глубинке

«Российская газета», 5 мая 1993 года.

Французская «Монд»: «Победа президента – впечатляющая в крупных городах – несколько поблекла в связи с отрицательными результатами в ряде регионов страны. Фактически Борис Ельцин собрал значительно меньше голосов, чем на президентских выборах 1991 года, когда за него проголосовало 42,8 процента от списочного состава избирателей. Таким образом, глава государства, располагающий всеми рычагами власти, потерял пять миллионов голосов. В еще большей степени его …должен обеспокоить тот факт, что в многочисленных автономных республиках в полный голос прозвучало «нет»».

«Байдиче цайтунг»: «Референдум не стал для Ельцина триумфом. Президент может ссылаться на поддержку его политики со стороны избирателей, однако полученное им большинство весьма относительно, если учесть, что две пятых граждан, имеющих право голоса, не приняли участия в голосовании. И что особенно важно, Ельцину не удалось достичь главной цели – референдум не вывел страну из патовой ситуации».

«Вашингтон пост»: «Вскрытая опросом глубина межнационального раскола оказалась полной неожиданностью для работающих на Б. Клинтона экспертов по России. Результаты референдума в России служат явным предостережением о том, что раскольнические стремления к независимости …отдельных регионов в ближайшем будущем значительно окрепнут… и проблема географического раскола окажется для Ельцина не менее, а, может быть, даже более серьезной, чем его сиюминутные сложности».

Относительная победа президента в значительной мере объясняется дикой, не имеющей берегов пропагандой пропрезидентских СМИ. Прежде всего телевидения. Стало ясно, чем была вызвана отставка с поста руководителя ЦТ профессионала высокой марки Егора Яковлева и назначение на его место Вячеслава Брагина, не имевшего никакого отношения к СМИ. Егор Яковлев – независимая личность, человек с

характером, имевший собственное мнение и способный отстаивать его. С ним трудно было работать и Полторанину, которому Яковлев помог найти работу после ухода из «Московской правды». А Брагин отвечал всем требованиям команды Ельцина: исполнительный, свихнувшийся на «демократии» бывший секретарь одного из райкомов партии в Тверской области. С утра до ночи с экрана неслись призывы голосовать по заданной формуле: «Да-да-нет-да». Это означало, что голосовать следует за доверие президенту и поддержку его реформ, против досрочных выборов президента, но за досрочные выборы депутатов. При этом СМИ не разъясняли участникам референдума, что именно стоит за этими «Да-да-нет-да». Просто в голову им вбивали механически один и тот же гвоздь в уверенности, что человек придет и тупо воспользуется формулой. Этот прием, кстати, затем использовали на выборах президента в 1996 году: «Голосуй, а то проиграешь!».

Особенно явно эти подленькие приемы видны, когда знакомишься с «Планом проведения референдума, разработанный группой Бурбулиса Г.Э.».

Цитата. Не забудьте психологически «обработаться» к 25 апреля

«Российская газета», 7 апреля 1993 года. Печатается без изъятий. План предусматривает следующие задачи.

«I.

1. Создать общественный штаб по проведению референдума, обеспечив его связью с регионами.

2. Подготовить к работе штабы на местах, наладить с ними связь (реанимировать штабы по вопросам президента).

3. Штаб центра сосредоточить в Кремле в корпусе 14 и на Старой площади в Контрольном управлении (оборудовать всем необходимым).

II.

4. Телевидению организовать мощную агитацию по защите (?) президента. Использовать на телевидении своих людей. Создать для них преимущества путем количественного перевеса.

5. Прессе обеспечить спокойный тон обсуждения своих оппонентов.

6. Ключевым сторонникам президента, составляющим нынче его опору, не засвечиваться на экранах телевидения, на радио и в прессе. Действовать через подставных лиц. Готовить для них тексты. Использовать рабочих, фермеров, крестьян, студентов. Привлекать к этой работе бо́льшее число женщин.

7. Представителям президента действовать через штабы на местах. Самостоятельно выходить в массы в исключительных случаях.

8. Полторанину, Боксеру, Панову, Игнатьеву разработать листовки и агитационные плакаты.

9. Музыкантскому, Комчатову, Кригер организовать приглашение людей из регионов для получения пакета документов до 15 апреля.

10. Штабам на местах, представителям президента начать активную агитационную работу с 20 апреля. Листовки и т. д. выбросить 20, 22, 23, 24 апреля.

III.

11. Игнатьеву – выработать методику ведения диалога с оппонентом. Подготовить тезисы, в которых необходимо показать,

что реформы планировалось проводить с социально-ориентированной направленностью, но в этом препятствовали народные депутаты, Съезд, Верховный совет.

12. Подготовить ряд указов, распоряжений президента, постановлений правительства. Обещать людям улучшить жизнь в сентябре 1993 года и раньше.

13. Головкову, Мурашеву, Гайдару, Козыреву поддерживать связь с зарубежными коллегами, просить у них идеологической и материальной поддержки.

14. Собянину подготовить карту политического накала ситуации в регионах для того, чтобы вычленить сложные территории.

14. Волкогонову поработать в воинских частях, где можно использовать помощь Лопатина и Цалко. Проанализировать настрой в МБ и МВД.

15. Провести социологический опрос, использовать его в целях психологической обработки населения.

IV.

16. Привлечь на свою сторону коммерческие структуры в целях финансовой поддержки на референдуме.

17. В областных центрах использовать возможности коммерческих банков по оказанию помощи малоимущим слоям населения. Особое внимание уделить учителям, врачам, другим группам интеллигенции. Провести эту акцию на массовых мероприятиях с использованием телевидения. Осуществить квартирный обход малоимущих семей и продемонстрировать это как факт реальной помощи со стороны президента, которому мешает депутатский корпус.

V.

18. Президенту организовать поездку по крупным регионам и предприятиям в виде рабочих встреч с коллективами. Показать, что народный президент работает в массе людей. Вести об этом трансляцию по телевидению. Отдельные указы подписать прямо на предприятиях.

19. Организовать встречи Ельцина с гражданами прямо на улице. Дать возможность проехать ему в автобусе по городу, чтобы получить желаемый психологический эффект».

Эти наставления нет нужды комментировать. Авторы, видимо, так торопились, что не успели хотя бы мало-мальски закамуфлировать оскорбительное отношение к людям, которых они намеревались «психологически обработать». Все сказано прямо и до предела откровенно: наша задача запудрить кому-то

мозги, кого-то купить за пачку крупы, укрыться за подставными лицами, «обещать людям улучшить жизнь в сентябре и даже раньше». Цинизм перелился через край чаши, и его уже не стесняются; совесть изгнана без остатка. Это как раз тот случай, когда мы видим полное торжество принципа самых страшных на земле людей, следующих принципу «Цель оправдывает средства».

В такой обстановке не терялись и те, кто не забывал о сиюминутных задачах – урвать что-то для себя. Любые выборы в России сопровождаются неучтенными или недостаточно учтенными деньгами. Приходит, например, представитель кандидата в типографию, заказывает листовки. Спрашивает: сколько они будут стоить? Изготовитель называет цену. «А поменьше нельзя?» – интересуется заказчик. Тот хитровато усмехается: «Можно, но ровно на столько, на сколько придется уменьшить откат».

Были и оригинальные проекты «заработка» на поляне референдума. Вот один из них.

Цитата. Место на насесте – 1000 долларов

«Российская газета», 23 апреля 1993 года. Текст письма переведен с английского языка.

«Я с большим удовольствием приглашаю Вас на специальный обед, устраиваемый в честь и помощь президенту Ельцину для персонального знакомства и разговора один на один с государственными чиновниками, призванными произвести поворот России к экономике свободного рынка. Это закрытый обед, спонсируемый региональным (отделением) Фонда помощи первому президенту и его филиалами, комитетом «Предприниматели за Ельцина». Количество приглашенных ограничено 100 исключительно деловыми людьми. На обеде Вы будете обедать, а также будете персонально представлены, кроме прочих: В.С.Черномырдину – премьер-министру Российской Федерации; В.Ф.Шумейко – вице-премьеру, министру РФ; Ю.М.Лужкову – мэру Москвы; А.И.Музыкантскому – префекту Центрального округа Москвы; В.И.Ресину – руководителю Мосстройкомитета; Г.Э.Бурбулису (должность не названа. – *Авт.*); В.Ф.Камчатову – представителю президента РФ в Москве.

Указанные официальные лица не будут изолированы на подиуме (сцене). Они будут свободно доступны во время развлекательного приема (программы) перед обедом и будут обедать за индивидуальными столиками с приглашенными. Представители Комитета и переводчики помогут Вам представиться представителям администрации, с кем Вы, в частности, хотите встретиться.

Вы имеете уникальную возможность встретиться, персонально переговорить и обменяться идеями с официальными лицами, с кем Вы должны быть знакомы, делая бизнес в России.

Обед будет происходить в эту пятницу, вечером 23 апреля, в 7 часов вечера, в отеле «Рэдиссон Славянска» я, в Мусгорской (имеется в виду – Мусоргской. – *Авт.*) комнате. Стоимость билета 1000 долларов за место. Имеется только 100 билетов, и установлено ограничение до 5 человек от корпорации. Все билеты распространяются на основе первого пришедшего запроса. Вся прибыль пойдет на кампанию президента Ельцина.

P.S. V.I.P. немедленно по телефонам 238-53-08; 238-11-93; 238-53-06 (он же факс).

С уважением, Лев С.Шемаев,

Президент Московского регионального Фонда

в помощь первому президенту России.

P.S. Если из-за обстоятельств воскресного референдума кто-либо из вышеназванных официальных лиц будет отсутствовать, они будут заменены официальными лицами равного статуса» (стиль, пунктуация, орфография – автора письма).

Не знаю, состоялся ли обед «вечером в 7 часов вечера», и вообще состоялся ли в какое-либо другое время. Допускаю, что «официальным лицам» хватило ума устраниться от грубой попытки организаторов что-то слизнуть из корыта референдума. Но ведь подобных действ было десятки и сотни. И кто из команды президента считался с этим, а тем более осуждал?

Однако не надо и недооценивать итоги референдума. Даже в условиях жесткой пропаганды, когда людей буквально топили в обмане и лжи, они, тем не менее, проголосовали за продолжение совместной работы президента и народных депутатов. Тогда эти результаты ошеломили обе стороны: и президентскую, и депутатскую. Обе готовились к досрочным выборам, обе мало надеялись, что люди, измученные реформами, доверят им и дальше править страной. Предсказания и ожидания не сбылись, народ оказался умнее. Хотя по прошествии многих лет иногда возникает мысль: может быть, и следовало бы провести досрочные выборы президента и депутатов, тем самым покончить с враждой властей и уберечь себя от кровавого октября 1993 года.

Общий вывод: референдум «Да-да-нет-да» еще не открыл настежь ворота октябрьскому перевороту 1993 года, но он открыл ему широкую слоновой кости калитку. И часть вины (может, даже бо́льшую часть) должны принять на себя мы сами, те, кто бездумно опускал бюллетени в урны, расставляя галочки по призыву радикальной команды президента. Референдум, далее, показал, что почти половина республик отказала в доверии президенту, а это несло угрозу распада России. Референдум выявил территориальный раскол: 43 региона настроены антипрезидентски. Референдум, как и предполагали специалисты, аналитики, думающие политики, усилил раскол в обществе, и раскол прошел через все его слои. Президентская сторона интерпретировала эту данность как противостояние нового, порожденного реформами демократического слоя с маргиналами, но на самом деле это был раскол между гражданами, оказавшимися у разбитого корыта, с одной стороны, и теми, кто дорвался до государственной собственности и рвал ее на куски, с другой. Свидетельства тому налицо. Волна коррупции, невежество управленцев, в том числе и на самом верху, захлестнули Россию и за каких-то два года превратили ее в Берег Слоновой Кости.

Хроника. Преступность – мина под реформы

«Российская газета», 5 марта 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«В 1991–1992 годы противозаконный отток капитала из страны составил, по оценкам зарубежных экспертов, 17 миллиардов долларов, что составляет почти 10 триллионов рублей – немногим меньше произведенного в 1992 году в России валового внутреннего продукта (15 триллионов).

Каждый четвертый доллар экспортной выручки страны оседает на Западе. По данным западных экспертов (своего учета не вели. – *Авт.*), в 1992 году коммерсанты Украины переправили в Германию более трети нефти, поступившей из России, наживая на этом огромные деньги. В 1992 году при содействии коммерческих структур Украины, стран Прибалтики перепродано в Венгрию более трех миллионов тонн российской нефти, при этом реэкспорт осуществляется по ценам, превышающим более чем в шесть раз те, по которым ушли поставки из России».

Уходим из Германии, обворованные до нитки

«Российская газета», 8 апреля 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«На 1 октября 1993 года немецкой стороне из 777 военных городков общей стоимостью 10,5 млрд немецких марок передано 393 стоимостью 3,5 млрд марок. Однако оплата за них не произведена. А по таким дорогостоящим объектам как аэродромы, полигоны, стрельбища, склады горюче-смазочных материалов к передаче и продаже вообще не приступили. … Высвобождаемые объекты зачастую …передаются новым владельцам без оценки их стоимости, используются не по назначению, разорительно или просто бросаются. Международному концерну «Конверсия-жильё» переданы 3 танкоремонтных и 4 авторемонтных завода, 2 базы хранения имущества. Предполагалось, что средства, полученные от их продажи, пойдут на строительство жилья офицеров (из 51 тысячи офицеров и прапорщиков, выведенных из Германии, каждый второй оказался без квартиры. – *Авт.*). Однако концерн продал здания и сооружения в г. Котбус объединению «Профинформ» всего за 2 млн рублей, а танкоремонтный завод № 184 сдал в аренду инофирме «Ганива».

Моторное топливо продается в основном по ценам, заниженным против мировых в 1,5 раза. Например, 1 тонна дизтоплива продавалась в среднем по цене 269 марок, в то время как на немецком рынке оно стоило 400 марок. За 1991–1992 годы в Западной группе войск (ЗГВ) таким образом продано и реализовано по бартеру 82 тыс. тонн дизельного топлива, передано немецкой стороне бесплатно (бесплатно? – *Авт.*) 1,1 тыс. тонн отработанных масел, упущенная выгода от таких сделок составила около 12 млн марок.

По письменным указаниям бывшего начальника Главного управления торговли Минобороны, его заместителя начальником управления торговли ЗГВ (фамилии в документе названы, но здесь не упомянуты, поскольку автору неизвестны последствия: был ли суд, и если был, каковы его решения. – *Авт.*) было переведено в июне-июле 1991 г. в банки США, Швейцарии и Финляндии на счета трех иностранных фирм 17 млн марок. Управлением торговли ЗГВ были выданы на 1991–1992 годы банковские гарантии 13 иностранным фирмам без каких-либо

ответных обязательств с их стороны на сумму 48 млн марок. В результате фирмы «Иннова», «М+С» и «Американ ИГЛ» сняли в текущем году с валютного счета управления в немецком банке г. Лейпцига 13 млн марок без поставки товара.

За 1991–1992 годы бесхозяйственно израсходовано на закупку неходовых, низкосортных и бракованных товаров более 80 млн марок, в результате на базах и складах управления торговли ЗГВ на 1 сентября…скопилось только сверхнормативных товарных запасов, которые длительное время не находят сбыта, на 31 млн марок.

Установлены факты, когда офицерский состав ЗГВ, занимаясь предпринимательской деятельностью, поставляет в Россию и Польшу под видом воинских грузов различные товарные и материальные средства. Так, в Ставрополь коммерческой структуре в качестве дара поставлено оборудование для двух заводов по производству растительного масла, а в Польшу вместо телефонных аппаратов – 17,4 тыс. литров спирта.

Главное управление торговли Минобороны стало учредителем 19 коммерческих структур, в том числе и с привлечением иностранного капитала. В уставной фонд этих структур было перечислено 64 млн рублей и 3,8 млн форинтов. Однако от деятельности 17 совместных предприятий прибыль не получена, ряд из них обанкротили.

Таким образом, главным управлением торговли Минобороны России и управлением торговли Западной группы войск при реализации высвобождаемого имущества, а также за счет убыточных коммерческих сделок и злоупотреблений нанесен ущерб интересам России порядка 100 млн марок, что по тогдашнему валютному курсу составляло более 25 млрд рублей».

Этот материал был опубликован в «Российской газете» 8 апреля 1993 года, то есть за несколько дней до референдума, и граждане, идущие голосовать по формуле «Да-да-нет-да», наверняка ждали, что президент со всей присущей ему решительностью прекратит наглое воровство и вакханалию. И дождались. Инициатор проверки госинспектор Юрий Болдырев был освобожден от должности, а ведомство, которое он возглавлял, ликвидировано.

Учитывая размах коррупции и вялую реакцию на нее со стороны президента и правительства, парламент инициировал создание специальной комиссии Генеральной прокуратуры, которая должна была изучить материалы, озвученные в докладе вице-президента Руцкого, а также проверить достоверность сведений, изложенных в СМИ и отчете госинспектора Болдырева. В июне 1993 года Верховный совет заслушал и обсудил доклад

комиссии, с которым выступил первый заместитель генерального прокурора Н.И.Макаров.

Руцкой прав. А ты, Борис, не прав
Предварительное следствие подтверждает обвинение правительства в коррупции

«Российская газета», 26 июня 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«Материалы проверки, указанные в докладе вице-президента А.В.Руцкого, а также публикации прессы …истребованы из Министерства безопасности, МВД России в объеме свыше 3 тыс. листов. Они продолжают поступать. Проводится проверка законности приватизации ряда предприятий морского и воздушного транспорта, крупнейших пароходств, портов, авиапредприятий, законности выделенных квот и лицензий на операции в области внешнеэкономической деятельности, в том числе связанные с экспортом золота, драгоценных и редкоземельных металлов, изумрудного сырья, а также материально-сырьевых ресурсов государственного резерва России, законности создания некоторых коммерческих структур, причин недопоступления в Россию всей валюты от экспорта сырьевых ресурсов.

Нашел свое подтверждение факт по Российскому дому науки и культуры в Берлине. В 1992 году заместитель председателя правительства Полторанин, превысив предоставленные ему полномочия, от имени правительства России в нарушение межправительственного соглашения от 11 октября 1992 года заключил с немецким коммерсантом Александром Рубером договоры о переоформлении на его фирму права собственности на Российский дом науки и культуры стоимостью свыше 2 миллиардов марок ФРГ и о передаче прав пользования земельным участком. Вследствие неправомерных действий Полторанина Россия оказалась втянутой в рассмотрение судами ФРГ спора о праве собственности на Дом в Берлине. Исход судебного рассмотрения дела непредсказуем.

Установлены факты разбазаривания государственной собственности при попустительстве высших должностных лиц государства. В марте 1992 года распоряжением главы администрации Московской области Тяжлова создано внешнеэкономическое объединение (ВАМО) для обеспечения области детским питанием. Однако средства в уставной фонд

ВАМО вместо администрации внесены частной фирмой. При этом …на счет частной фирмы в Швейцарии «Теламон» без законных оснований из государственных средств было передано 14,5 миллионов долларов США. Санкция на это дана …Владимиром Шумейко. С того времени детского питания было закуплено только на 1,7 миллиона долларов. Таким образом, деньги, 14,5 миллионов долларов, изъятые из бюджета России, приносят пользу не государству, а частной фирме.

В тот же период первый заместитель правительства России Владимир Шумейко дал указание передать на баланс ВАМО принадлежащие России помещения в Монако стоимостью свыше 29 миллионов французских франков, которые намеревались внести как уставной капитал в совместную компанию. Генеральный директор ВАМО Муравьев (на самом деле такой компании не существовало. – *Авт.*) 24 октября 1992 года подписал соглашение, которым признано, что иностранный партнер понес расходы в пределах утвержденной сметы, за что российская собственность в Монако передается иностранцам».

Это лишь малая часть того, что «накопала» специальная комиссия Генеральной прокуратуры. Вопиющие факты коррупции и повального воровства возымели действие. Президент Борис Ельцин освободил от должности …одного из инициаторов расследования фактов коррупции вице-президента Александра Руцкого. Человека, который в спайке с ним избран народом.

Что такое «неконституционная Конституция»

24 марта 1993 года граждане России с гордостью и одновременно с некоторым удивлением узнали, что президент России Борис Ельцин, помимо всех прочих достоинств, обладает еще одним: он является крупным теоретиком государственного права. Чего стоит одна лишь его новелла, внесенная в теорию государственного права: «конституционность Конституции».

По его мнению, действующая Конституция не является «конституционной», поскольку… Тут возникают трудности с обоснованиями, и, пытаясь их преодолеть, настоящие авторы этого бреда пускаются в публицистику. В коротенькой главе послания президента Верховному совету под названием «Забвение конституционности» президент осуждает Конституционный суд за то, что тот не подготовил ежегодное послание о состоянии законной конституционности в стране, и таким образом должен принять «на себя долю вины за распад конституционности». В главе «Шаткость конституционности» президент констатирует: «Конституционное состояние страны сегодня весьма шаткое. За словами «конституционность», «конституционная законность», «конституционный контроль» стоит довольно приблизительное содержание, их все чаще толкуют в зависимости от политической конъюнктуры. Но каково их соотношение, какова их процессуальная взаимосвязь, каковы их правовые, справедливые рамки? Такими вопросами ни Верховный совет, ни Конституционный суд не задаются. Нет ответа и на самый главный вопрос с точки зрения правовой справедливости или справедливости права (внимание!): какова конституционность Конституции?».

Смеха среди специалистов по поводу всей этой зауми было много. Можно было бы и еще посмеяться, но ведь «Послание» – не реферат аспиранта или какого-то соискателя кандидатской диссертации, а слово президента! Нетрудно было заметить, что за всей этой шелухой скрывалась истинная цель: я не буду следовать нормам Конституции, ибо она «неконституционна».

Впрочем, ранее он высказал это предупреждение на нормальном русском языке: «Я не присягал этой Конституции». Его тут же забросали вопросами: а какой Конституции вы присягали, «брежневской»? Отрицая действующую Конституцию, чем вы будете руководствоваться в своей дальнейшей деятельности? Сегодня порядок принятия новой Конституции

регулируется действующими Конституцией и законами, вы будете придерживаться существующих норм? У Ельцина на все подобные вопросы был один ответ: меня избрал народ. Из чего следовало: поскольку избрал народ, значит, что хочу, то и ворочу. Но, говорили оппоненты, депутатов тоже избрал народ. Ельцин и тут нашелся: меня избирали позднее, следовательно, я более легитимен.

Между тем, трудно, а пожалуй, и невозможно было встретить политика, которого удовлетворяла бы действующая Конституция. Она явно отставала от хода коренного переустройства государства. Отставала по всем позициям: политическим, экономическим, социальным. Но были разные представления, какая Конституция нужна стране и народу, и разные требования к ней. У коммунистов одни, у националистов другие, у государственников третьи, у либералов четвертые, у руководителей субъектов Федерации, особенно республик, пятые… Между ними шел ожесточенный спор, и прежде всего спор шел на площадке парламента. Конституционная комиссия, образованная Съездом (напомню, председатель комиссии – президент, ответственный секретарь – депутат Олег Румянцев. – *Авт.*), вынуждена была маневрировать, согласовывать, убеждать, искать компромиссы. Мучительная, долгая и изнурительная работа. Но как же иначе? Чтобы окончательно не развести слои населения, регионы, партии, движения, граждан страны на противоположные берега и благодаря этому предотвратить угрозу распада России, требовалось поступать именно так – достигать согласия. Да и ради того, чтобы избежать серьезных ошибок при реконструкции государства, надо быть осторожным, неторопливым, предусмотрительным. Не стул мастеришь и даже не дом строишь – государство!

Но такие темпы работы над Конституцией решительно не устраивали Ельцина. Он предпочитал действовать как прораб на стройке, как первый секретарь обкома партии, которому присущ командно-распорядительный стиль руководства. В связи с этим будет уместно обратить внимание на две характерные черты этого человека. Первая, что уже ранее отмечалось, – страстная тяга к власти. Вторая, как бы отрицающая первую, а на самом деле подтверждающая ее: он был весьма подвержен влиянию чужих идей и мнений; его легко было убедить в том или другом, причем и в прямо противоположных вещах. Это не означает, что он не имел своего мнения, но оно колебалось в зависимости от того, кто и что сказал сегодня, и кто и что скажет завтра. Убедил его Гайдар, что через полгода магазины будут завалены продуктами, и он искренне поверил этому, пообещал людям лечь

на рельсы, если этого не случится. Правда, Гайдар забыл сказать, на что люди будет их покупать. Стучат шахтеры касками – он опять же искренне удивляется: чего они стучат, в магазинах же все есть, «даже киви». Убедили его, что экономический кризис вытянет Примаков, он назначает премьер-министром Примакова. Потом убедили в том, что Примаков – тайный агент Маркса-Ленина и начнет строить социализм, и он его снимает.

Вот так же убедили его в срочности принятия новой Конституции. Якобы потому требуется срочность, что действующая мешает проводить экономические реформы. Опять посыпались президенту вопросы: какие законы, внесенные им и способствующие проведению реформ, отверг парламент? Каких еще дополнительных властных полномочий недостает президенту и правительству, чтобы осуществлять реформы? На прямые вопросы нет прямых ответов, они подменяются необоснованными обвинениями, да и просто прозвищами: «консервативный парламент», «красно-коричневый Съезд», «сталинский режим» (ну а как же, Хасбулатов ведь курит, как и вождь, трубку. – *Авт.*).

В этих условиях насаждаемой вражды, цинизма, умопомешательства президент издает указ «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации». В соответствии с указом образована рабочая комиссия под председательством президента. Занятен подбор комиссии. В нее вошли 15 представителей от правительства и администрации президента (в основном министры), 15 представителей от регионов (в основном главы администраций), 4 правоведа (ни одного из Конституционного суда), 4 представителя от Верховного совета (ярые сторонники президента). Определена квота для регионов: 2 представителя от каждого. Естественно, и там будет тщательный отбор.

В том же номере газеты (13 мая 1993 года) опубликовано сообщение конституционной комиссии Съезда о завершении работы над проектом новой Конституции (парламентский проект), который предстояло обсудить на парламентских слушаниях, в регионах России, а затем вынести на рассмотрение Верховного совета. 14 мая газета публикует заявление председателей верховных советов республик, краевых, областных, автономной области и автономных округов, городов федерального значения советов народных депутатов: «Конституционная реформа должна осуществляться строго в правовых рамках конституционного пространства и российского законодательства. В условиях переходного периода …крайне важно сохранить последовательность и внутреннюю логику конституционных преобразований. Всенародно обсужденный и

одобренный проект новой конституции должен быть принят Верховным советом и Съездом народных депутатов. Только этот путь, пусть и более длительный, позволит избежать сильных социальных потрясений, обеспечить целостность России как федеративного государства». Увы, президент не слышит предупреждений и предложений, исходящих от другой стороны.

Справедливости ради отметим: президент имел полное право подготовить и вынести на рассмотрение свой проект Конституции. И никто не препятствовал этому. Вопрос был в другом: кто именно имеет законное право рассмотреть вынесенный проект и принять решение. Было два варианта. Первый: Конституцию принимает Съезд народных депутатов России. При этом предусмотрен сложный порядок согласования, в том числе, и с регионами страны. Второй: пройдя путь согласования, вынести новую Конституцию на суд граждан (референдум). И только после результатов референдума принять конституцию на Съезде.

Но был и еще вариант, который и использовал президент: устранить представительную власть и вынести Конституцию на референдум самолично. Силу права осознанно грубо, бесцеремонно были готовы заменить правом силы. Такое случалось и случается только в странах, которые мы заслуженно называем странами с диктаторским режимом. Только в них используют силу против права. Но там хотя бы диктатора называют своим именем, диктатором, а у нас его назвали (и продолжают называть некоторые) демократом. Какая насмешка над правом, какой изворот в суждениях и оценках!

Однако возвратимся к тем, кто пытался предотвратить трагическую развязку. Возвратимся для того, чтобы лучше понять то время и благодаря пониманию обезопасить будущее свое и России. Мы обязаны быть людьми сведущими, образованными и не чураться политики, ибо она всегда и везде непременно «догонит» нас, решительно влияет на нашу частную жизнь и нашу безопасность. Хорошо сказано: «Поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан».

Цитата. Валерий Зорькин: мы все присягали одной конституции»

«Российская газета», 24 апреля 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«…Выдвигается требование немедленно прекратить применение нынешней Конституции. «Объяснений» всего два: во-первых, эта конституция – "брежневская"; во-вторых, она отрицает принцип разделения властей, устанавливая всевластие Съезда народных депутатов. Но конституция в редакции 1993 года принципиально отличается от той, которая была принята в 1978 году. И отличается как раз в сторону того самого конституционализма, о котором вроде бы пекутся ее нынешние ниспровергатели. В нее введен принцип разделения властей, она содержит нормы по его практической реализации (создан институт президентства, все полномочия которого ранее принадлежали Советам). Местные Советы из органов государственной власти превращены в органы местного самоуправления.

Принимаясь за внедрение в практику общественной жизни принципов народовластия, федерализма, разделения властей, все имевшие к этому отношение прекрасно отдавали себе отчет в том, что в одночасье совершить это невозможно, что необходимо готовить новую Конституцию, а до ее вступления в силу реформировать имеющуюся. Это реформирование и было осуществлено с помощью поправок, многочисленность которых теперь почему-то ставится в вину Съезду. Но из трехсот поправок полтораста лишь меняют название РСФСР на РФ, исключают упоминание о Союзе ССР, фиксируют изменения наименований субъектов Федерации. Сотня поправок – это включение в конституцию положений федеративного договора и Декларации прав человека и гражданина. Двадцать продолжают реализацию принципа разделения властей. Поправок, касающихся полномочий высших органов власти, не наберется и десятка. Часть из них расширили полномочия органов исполнительной власти, часть законодательной. Одна уточнила полномочия Конституционного суда. Не было никакого кардинального изменения статуса президента, делающего его якобы безвластным. Это миф, хотя и довольно распространенный.

Поправки, действительно имеющие отношения к изменению

соотношения полномочий Съезда, парламента и президента, исчисляются единицами. Верховный совет, и ранее имевший право отменять указы президента, теперь получил право приостанавливать их действие до решения Конституционного суда. К изначально существовавшему запрету использования полномочий президента для изменения национально-государственного устройства (вспомним подарок Хрущева Украине – Крым. – *Авт.*), роспуска или приостановления деятельности законно избранных органов власти добавлено, что если президент это сделает, то его полномочия прекращаются немедленно.

Критиков не устраивают конституционные ограничения, исключающие своеволие властей, вернее, одной из них. Но, освобождая ее от имеющихся в Конституции рамок, взамен не предлагается ничего, кроме новой Конституции. Это означает, что на какой-то неопределенный период времени в стране устанавливается режим неписанных законов, которые каждый понимает по-своему, а скорее, будет вынужден понимать так, как ему прикажут. …С исчезновением Конституции и, следовательно, судов, единственной возможностью разрешить столкновение властей станет их силовое противоборство (что и случилось. – *Авт.*).

Нынешняя Конституция при всех ее недостатках и противоречиях позволяет иметь и сильного президента, и сильный парламент, и эффективный, независимый суд. Она позволяет вести переговоры, достигать согласия, если, конечно, обе стороны хотят этого. Стремление же отбросить «старое право» и напрямую выразить «волю народа» завершилось в первой трети XX века в Италии и Германии кровавыми диктатурами. Не будем забывать этого».

Истинные причины конституционного кризиса проанализировал председатель парламента Руслан Хасбулатов («Российская газета», 12 мая 1993 года). Он считал, что «кризис вызван противоречием между нарождающимся гражданским обществом и политическим режимом, максимально настроенным на «революционные» изменения в рекордно короткие сроки, прежде всего в области реформирования экономики». Конфликт властей назревал с весны 1992 года, когда проявились первые результаты «шоковой терапии». Тогда со всей очевидностью выявилось расхождение между ожидаемыми людьми результатами экономических реформ и тем, к чему они на самом деле привели страну и общество. Напомним, шестой Съезд потребовал внести коррективы в экономический курс, указал на бесперспективность жесткого курса «шоковой терапии».

Президент и правительство не услышали этот призыв. А к декабрю 1992 года оправдались самые мрачные прогнозы: экономика гибла на глазах.

Вот тогда и заволновались реформаторы. Они почувствовали близкое дыхание недовольных людей, потерявших работу, а также и тех, кто, продолжая работать, месяцами не получал зарплату. Люди вынуждены были пускаться во все тяжкие, в том числе и подбирать, что плохо лежит, чтобы прокормить семью. Распадались браки, женщины перестали рожать.

Что оставалось делать реформаторам? Первое: с позором уйти. Второе: поменять экономическую политику. Третье: свалить все беды на кого-то.

Президент выбрал третье: был найден «козел отпущения». Именно он, «козел», виновен в том, что реформы не удались. Отсюда вывод: необходимо, как это и принято с древнейших времен, пожертвовать агнцем. Референдумы, конституции, борьба указов с законами – это всего лишь средства, с помощью которых президент стремился отыграть и восстановить свое реноме, не свалиться окончательно в бездну людского недовольства, а то и презрения. А для этого надо было непременно победить. А там… Там, чем черт не шутит, вдруг повезет?

Цитата. Два проекта – два взгляда на разделение властей

«Российская газета», 14 мая 1993 года. Авторы – ответственный секретарь конституционной комиссии Съезда О.Румянцев, эксперт комиссии В.Лафитский. Печатаются фрагменты.

«В проекте Конституции Ельцина (авторы – С. Шахрай, С, Алексеев, А. Собчак) записано: президент обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех государственных органов. Таким образом президент не только выводится из системы трех властей – законодательной, исполнительной и судебной, но и ставится над ними, что присуще авторитарным формам правления.

Статьей 74 предусмотрен досрочный роспуск федерального парламента при невозможности сформировать правительство. Правительство формируется не той партией или коалицией партий, победивших на выборах в парламент, а президентом, который представляет в Совет Федерации (верхняя палата) только кандидатуру председателя правительства. Отказ в утверждении может привести к роспуску парламента, что, по сути, однозначно диктует одобрение любой кандидатуры, предложенной президентом.

Основания для роспуска парламента определяются президентом бесконтрольно. Таким образом парламент превращается в безвольный и безвластный орган, поскольку над ним постоянно нависает «дамоклов меч» досрочного роспуска.

За счет разделения полномочий двух палат (Дума, Совет Федерации) парламент утрачивает целостность единого – хотя и двухпалатного – органа представительной власти. Обращает на себя внимание принижение роли Государственной Думы, хотя именно она является наиболее представительной палатой парламента (Совет Федерации формируется из двух представителей от каждого региона без проведения выборов. Одно время представителями были сами главы администраций, президенты республик и председатели законодательных собраний регионов, а затем их заменили назначенцами. Это их теперь называют сенаторами. – *Авт.*).

Президент не назван главой исполнительной власти, но объем его полномочий свидетельствует о фактическом его верховенстве в этой сфере. Он утверждает структуру федеральных

органов исполнительной власти и состав правительства, назначает по представлению председателя правительства единолично (без консультаций и обсуждения в парламенте. – *Авт.*) министров и других должностных лиц, отправляет в отставку правительство, издает указы и распоряжения, обязательные к исполнению правительством, вносит в парламент законопроекты, вводит в стране чрезвычайное положение, назначает общенародный референдум. При этом не предусмотрены никакие механизмы ответственности президента за курс правительства.

Совершенно нереальной представляется возможность отрешения президента от должности.

В проект Конституции заложены параллельные структуры – президентская и правительственная. Первой из них по образцу политбюро ЦК КПСС отведена роль теневого, но реального центра власти. Второй – роль безвластного проводника той политики, которая формируется в недрах теневой президентской власти.

Помимо права отклонения законопроектов, издания указов, равных по силе федеральным законам, президент наделен исключительным полномочием приостанавливать действие законов. Подобных аналогов в конституциях демократических стран нет.

Парламент фактически лишен какой-либо роли в решении вопросов бюджета и финансов, традиционно входящих в компетенцию представительных органов власти.

Такой проект Конституции поступил для обсуждения на образованном президентом Конституционном совещании».

Персона. Геннадий Бурбулис – несостоявшийся Сперанский

После отставки Силаева Бурбулису было поручено вести заседания правительства, заниматься текущей работой по управлению страной. Я бывал, пожалуй, на всех заседаниях правительства, которые он вел, а до того общался с Бурбулисом в Верховном совете СССР, поскольку состоял вместе с ним в одном комитете – по вопросам работы Советов и самоуправлению. Кстати, в комитете странным образом смешались люди совершенно различных взглядов. Там были Михаил Прусак, избранный в народные депутаты по разверстке от комсомола, побывавший позже губернатором Новгородской области, а тогда, в начале 90-х годов, совсем еще зеленый парень. Был колючий на язык, бунтарь и к тому же еще и умница Николай Травкин; несгибаемая воительница за СССР чеченка Сажи Умалатова; политический узник новой латвийской власти Альфред Рубикс (отсидел в средине 90-х годов в тюрьме шесть лет).

Кроме того, с Бурбулисом мы довольно часто контактировали в рамках Межрегиональной депутатской группы, где он, впрочем, не выделялся на фоне ярких идеологов и трибунов – Юрия Афанасьева, Гавриила Попова.

В Верховном совете СССР Бурбулис запомнился мне несколькими эпизодами, в общем-то пустячными, но все же проливающими свет на его характер.

Сразу после добровольной записи народных депутатов СССР в различные комитеты Верховного совета состоялось заседание нашего. Председателей комитетов избирали на сессии Верховного совета, нам достался Николай Пивоваров, работавший ранее председателем Ростовского облисполкома: опытный, спокойный, разумный человек. Конечно, он не разделял убеждения многих из нас, но ему как-то удавалось в законодательной работе обходиться без политических споров и склок. На организационном заседании комитета я удивился тому, как Бурбулис и еще несколько членов комитета быстро сориентировались и предложили такую структуру комитета, которая обеспечивала ему и другим разработчикам должности. Малюсенькие, ничего не дававшие, но все же… В результате была создана куча подкомитетов, которые они и возглавили.

Бурбулис на заседаниях комитета и в кулуарах говорил всегда туманно, его речь изобиловала сложносочиненными и

сложноподчиненными предложениями, у которых, казалось, не было конца. Филолог весьма затруднился бы, записав его речь, расставить знаки препинания в предложениях: не хватило бы запятых, двоеточий, точек с запятой, тире, многоточий. От этого смысл его изречений терялся подобно тому, как степняк теряется в джунглях.

Однажды во время перекура, угостив его сигаретой (он бросал курить и не имел своих), я подкусил его. «Гена, – обратился к нему серьезно, – хочу посоветоваться с тобой. Бурбулис обратился весь во внимание – он любил советовать. – Скажи на милость, почему, когда ты говоришь, я понимаю каждое отдельное твое слово, но ничего не понимаю, если соединяю их вместе?» Бурбулис, мне показалось, не обиделся, пожалел только: «А… Я-то думал, что ты серьезно».

Бурбулис плавно подъезжал к Ельцину. Хотя он, как и Ельцин, свердловчанин, но в Свердловске они не были знакомы. И впрямь, какое могло быть общее дело у первого секретаря обкома партии и преподавателя научного коммунизма? На мой взгляд, в первое время не тянулся Бурбулис к слишком одиозной фигуре. Осторожничал.

Мне запомнилось обращение Бурбулиса ко мне, наверное, в конце 1989 года. Он спросил, что, по моему мнению, представляет собой Ельцин. И пояснил причину интереса: приглашают в команду Ельцина. А куда именно? – поинтересовался я. Бурбулис замялся: мол, неопределенно, но дело и не в этом, а в принципе: стоит ли связывать себя с ним. Я не посоветовал ему, но этот мой совет не касался личности Ельцина; я просто не мог себе представить, чем народный депутат СССР может заниматься в таком же Верховном совете, только не СССР, а РСФСР.

Вскоре, однако, Геннадий Эдуардович изобрел для себя такую должность, которая позволяла и не рвать с союзным парламентом, и поступить на службу к Ельцину. Бурбулис стал «полномочным представителем Председателя Верховного совета РСФСР Ельцина в Верховном совете СССР». Смеха по этому поводу было много. Особенно потешался председатель Верховного совета СССР Анатолий Лукьянов.

С тех пор Бурбулис заметно сбавил свою деятельность в комитете союзного парламента, а когда началась подготовка к выборам президента России, окончательно переселился в «Белый дом». Тогда-то и началось стремительное возвышение этого человека.

Несомненным завидным качеством Геннадия Эдуардовича было умение собирать идеи и представлять их Ельцину. В те

времена десятки и сотни разных граждан несли свои невостребованные союзной властью фолианты предложений и идей российской власти – молодой, энергичной, жадной до всего нового, что могло бы и уесть «консервативное» союзное руководство. Конечно, в них много было и глупости, но много и умного.

Несколько ранее, помню, Бурбулис пожаловался на секретариат Ельцина, в частности, на Виктора Илюшина, что тот закрывает перед ним дверь к Ельцину, и он не может попасть к нему днями. Но в конце концов в этой чиновничьей войне Бурбулис одержал победу, став лицом, без которого шеф не мог обойтись ни в кабинете, ни в сауне. Тогда же пошли разговоры о необыкновенном уме Геннадия Эдуардовича, стратегическом мышлении. Многим казалось, вот-вот взойдет новая звезда, сопоставимая со Сперанским. Бурбулис матерел на глазах. В нем появилась загадочность сфинкса и благородная внешность усталого человека. Как-то, после его назначения фактически премьером страны, я спросил его: «Гена, как ты не побоялся принять этот пост? Такая огромная страна, такой колоссальный объем знаний и опыта нужен. Как осмелиться на это?». Он пристально посмотрел на меня, и не сказал, что не боги горшки обжигают, – промолчал. С тех пор он не то, чтоб избегал меня, но и не было у нас контактов. Да ведь и не до того стало «премьеру»; такая ноша свалилась на неискушенного политика.

Правда, груз этот он нес недолго. Экономикой заниматься Ельцин поручил Гайдару. А что без экономики делать в правительстве премьеру? И Бурбулис выдумал себе новую неконституционную должность: государственный секретарь. Но тут вмешался парламент, и Ельцин вынужден был сократить придуманную должность, и Геннадий Эдуардович стал руководителем группы советников президента, откуда и был удален Ельциным с глаз долой. В своих «Записках президента» Ельцин, жалея самолюбие Бурбулиса и оправдывая свой выбор этого человека, незаметно для самого себя выставил и Бурбулиса, и себя в крайне противоречивом и даже карикатурном виде. Вначале он пишет: «Мне нравился не только его оригинальный ум, но и умение разбираться в чужих идеях, в чужих концепциях. Он прекрасно знал молодых политиков и практиков своего поколения. Дав ему свободу в выборе новой команды, я, слава Богу, не ошибся. Назову хотя бы две креатуры Бурбулиса, двух людей, которых он активно отстаивал и "тянул" в тот период: Гайдар и Козырев». А через две-три страницы объясняет, почему его выгнал: «Не скрою, в какой-то момент я начал чувствовать подспудно накопившуюся усталость – одно и то же лицо я

ежедневно видел в своем кабинете, на заседаниях и приемах, у себя дома, на даче, на корте, в сауне… В личных отношениях наступил какой-то предел. Что ж, бывает».

Действительно, бывает… Рассказывали, что в те времена только Бурбулис мог остановить руку Ельцина, тянувшуюся к лишней рюмке. За что Геннадия Эдуардовича очень ценила Наина Иосифовна. И в какой-то момент это очень не понравилось своенравному Ельцину. И – прости-прощай «великий администратор Сперанский»! Несмотря на то, что и умен, и таких гигантов привел к руководству страной как Гайдар и Козырев.

Только по его лекалам

Возвратимся к конституции… Но прежде небольшой экскурс в прошлое. России необходим был новый основной закон. Нужен он был и Ельцину, который еще будучи председателем российского парламента рассматривал новую российскую конституцию, прежде всего как инструмент борьбы с Горбачевым. Он настаивал на ударной работе комиссии с тем, чтобы принять конституцию на втором съезде. Но подготовленный проект не приняли. Многих смутили заложенные в нем принципы, в частности, упразднение советов как органов власти, чрезмерные полномочия российского президента. Уже в то время Ельцин понял, что от этой конституционной комиссии ждать ему желаемых полномочий не приходится. И дает команду готовить новую Конституцию по своим лекалам. Одновременно и оппозиция готовит свои варианты. Съезд обсуждал два проекта: рабочей группы Конституционной комиссии и фракции «Коммунисты России». Поступило предложение вынести на референдум не сами проекты, а основные принципы, заложенные в них (в том числе и основные принципы президентского проекта).

Цитата. Сергей Филатов о предложении президента России

Российская газета, 6 мая 1992 года.

«На вопрос корреспондента ИТАР-ТАСС, нужен ли референдум по новой Конституции, первый заместитель Председателя Верховного совета России Сергей Филатов ответил, что полностью отвергать идею плебисцита не следует. По его мнению, референдум необходим, но лишь по основным, принципиальным положениям проекта новой Конституции. К таким положениям он относит, в частности, вопрос о земле – следует ли отдать ее в частные руки с правом купли-продажи, а также вопрос о том, какой должна быть Россия – президентской или парламентской республикой. Если споры о земельной реформе или о форме государственного правления вызывают в обществе острое противоборство, то почему бы не спросить у народа его точку зрения?

Филатов подчеркнул, что не разделяет идею собрать необходимый миллион подписей избирателей за проведение референдума по новой Конституции, в которой не будет места Съезду народных депутатов – «большой говорильне, где мало что решается», как высказался президент. Когда я до этого высказывания встречался с Борисом Николаевичем, то, как я понял, у него была совершенно твердая позиция: никакую ветвь власти сегодня трогать нельзя».

Однако 20 мая президент издает указ о созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта конституции. При этом предполагается, что совещание рассмотрит лишь один проект – его. Общая численность участников (имеющих право голоса) установлена до 250 человек.

На Конституционном совещании присутствовало около 700 приглашенных лиц. Среди приглашенных (но не участников. – *Авт.*) – представители Конституционного суда, Верховного и Высшего арбитражного судов, Генеральной прокуратуры. Верховный совет России в список приглашенных не попал.

В ответ на это главы республик в составе Российской Федерации принимают политическое заявление, в котором настаивают:

– на безотлагательном завершении разработки законопроектов и постановлений правительства, обеспечивающих реализацию федеративного договора, что является обязательным

условием продолжения работы над новой Конституцией;

– на том, что конституционный способ разработки и принятия новой Конституции возможен только на основе специального закона о процедуре ее подготовки, обсуждения и принятия.

Заявление подписали: от Республики Адыгея – А.Джаримов, от Республики Алтай – В.Чаптынов, от Республики Башкортостан – М.Рахимов, от Республики Бурятия – Л.Потапов, от Республики Дагестан – М.Магомедов, от Ингушской Республики – Р. Аушев, от Кабардино-Балкарской Республики – В. Коков, от Республики Калмыкия- Хальмг Тангч К. Илюмжинов, от Республики Карелия – В. Степанов, от Республики Коми – Ю. Спиридонов, от Республики Саха (Якутия) – М. Николаев, от Северо-Осетинской ССР – А.Галазов, от Республики Тува – Ш.Ооржак, от Удмуртской Республики – В.Тубылов, от Республики Хакасия – В.Штыгашев, от Чувашской Республики – Э. Кубарев. Не подписали – глава Республики Мари Эл В. Зотин, глава Мордовской ССР В.Гуслянников, а также М.Шаймиев (Татарстан). Руководство Татарстана в очередной раз продемонстрировало, что Татарстан – самостоятельное независимое государство, поэтому то, что происходит в «соседнем государстве» – России, его мало касается.

5 июня 1993 года – первый рабочий день Конституционного совещания. И уже утром, на пленарном заседании, разразился грандиозный скандал. Сначала выступил президент, затем слово предоставили одному из авторов проекта – Сергею Алексееву. И вдруг к трибуне направляется Хасбулатов. Охранник останавливает его, Хасбулатов …предъявляет охраннику удостоверение председателя Верховного совета и поднимается к трибуне. В зале, хотя и заполненном в основном верными соратниками президента – замешательство: председателя парламента лишают слова! И лишают спустя два месяца после шестого Съезда, на котором Ельцин призывал депутатов к дружной совместной работе, доброжелательным отношениям.

Хасбулатов сообщает, что парламент поручил ему выступить с обстоятельным докладом, соответствующим важности обсуждаемого вопроса. Президент смилостивился: отвел на выступление семь минут. Но в зале не поддержали и эту милость: крики, оскорбления, топанье ногами. Премьер Черномырдин отключает микрофон на трибуне. Хасбулатов покидает зал. За ним устремляются депутаты и некоторые представители регионов. Один из них, Слободкин, произносит резкие слова в адрес Ельцина, после чего два охранника выносят его на руках. Прокурор России протестует против действий в отношении депутата, но его никто не слушает. Зал покидают в полном

составе конституционные судьи, в том числе и председатель суда Валерий Зорькин. Около 60 председателей областных, краевых советов, ряд председателей верховных советов республик прервали участие в работе совещания, заявив решительный протест произволу и самодурству. А ряд регионов на другой день отозвали своих делегатов и поставили условия для их возвращения. Вот эти условия: отказ президента от ложного тезиса «Советы и демократия несовместимы»; полноценное участие Верховного совета и Конституционной комиссии Съезда в совещании; рассмотрение на совещании всех проектов Конституции (а не одного, президентского. – *Авт.*); исключительно рекомендательный характер совещания; строгое соблюдение конституционных процедур принятия Конституции, определённых в действующей Конституции и решениях Съезда и Верховного совета РФ.

Цитата. Что происходит вокруг проекта Конституции

«Российская газета», 3 апреля 1992 года.
Печатаются фрагменты.

«Английская газета «Дейли телеграф», оценивая ранее политическую ситуацию в России, писала, что отнюдь не возмущенное ростом цен и угрозой безработицы население может снести российской правительство. Непосредственная опасность грозит ему со стороны парламента. …Съезд попытается сбросить администрацию Гайдара и помешать принятию новой Конституции, наделяющей президента более широкими полномочиями».

«Конституционная комиссия действительно выносит на суд Съезда проект основного закона страны. Как только это намерение стало фактом, группа юристов под началом профессора хозяйственного права в советской системе Анатолия Собчака спешно сконструировала альтернативный проект Конституции и презентовала его общественности 30 марта при содействии Гавриила Попова в здании московской мэрии. 31 марта «Независимая газета» сообщила, что ближайшее окружение Ельцина во главе с Сергеем Шахраем в ещё более спешном порядке готовит альтернативный проект. Суть данного проекта … состоит в беспрецедентной президентской республике с практически неограниченной властью президента».

«Накануне шестого Съезда более-менее ясно обозначились три политические силы, каждая из которых клянется в своей лояльности «всенародно избранному» президенту. Первая – парламент с его программой парламентской республики, предоставляющей президенту широкие полномочия, но с противовесом в виде законодательной власти и с четким разделением всех трех властей – законодательной, исполнительной и судебной. В правительстве сконцентрировалась другая группа политиков, которую часто называют окружением Ельцина, а в последнее время обозначают и как «команда Бурбулиса» – он сам, Сергей Шахрай, Егор Гайдар и другие. Эта группа, видимо, решив, что после 12 июня 1991 года вся власть в России уже перешла к президенту, сконцентрировала все свое влияние на принятии решений, устраивающих президента … "Команда Бурбулиса" перешла в открытую атаку на парламент, заявив (устами Бурбулиса), что законодательная власть должна

быть встроена в президентскую структуру. Это о ней Аркадий Вольский сказал: "Чернухи" всякой много, вдохновляющей идеи – нет, нравственного начала – нет»».

«К третьей политической силе, сформировавшейся в последнее время, относятся люди, которые по разным причинам и в разное время выпали из политической колесницы на крутом историческом вираже, но не могут смириться с этим. Это прежде всего «отцы-основатели» Движения за демократические реформы (ДДР) – Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Аркадий Вольский, Александр Яковлев и инициатор этого движения Эдуард Шеварднадзе (правда, теперь он покинул этот корабль без парусов). Они …не были бы самими собой, если бы не придумали чего-нибудь этакое. Так возникла мысль об учредительном собрании, которое по их замыслу должно заменить Верховный совет России. Полем борьбы они …избрали парламентский проект основного закона, заявив, что то, что предлагает Конституционная комиссия, «неприемлемо и не может стать основой новой российской Конституции». В проекте, выносимом на съезд, считает эта группа, «не учтены все испытанные временем механизмы, способные упорядочить власть». Возражение сильное. Однако, когда авторы проекта переходят к тому, что следует понимать под «упорядочением власти», выясняется, что речь идет о том же: президент страны должен «возвыситься» над тремя властями, стать над ними. Фактически, как и у «команды» Бурбулиса», речь идет о диктатуре президента, который подминает под себя и законодательную, и судебную власть».

Не будем и упрощать причины споров разных групп по поводу соотношения прав и полномочий ветвей власти. Дело, разумеется, не только в маниакальной страсти Ельцина к власти. Тогда эти споры и разногласия вокруг смысла и духа Конституции объяснялись обоюдными претензиями на первенство. Согласно действующей Конституции только Съезд обладал абсолютной властью, ибо только он был вправе принять к рассмотрению любой (любой!) вопрос и принять по нему обязательное для всех решение.

Спор шел именно из-за этого: какой республикой быть России – парламентской (Англия, Германия), полупрезидентской (Франция), президентской (США)? Противники парламентской республики приводили веские аргументы в защиту президентской формы правления: огромная территория, говорили они, не может управляться коллегиально, власть должна быть выстроена вертикально, она должна состоять из назначенцев, а вся ответственность ложится на всенародно избранного президента.

Ельцину такая «раздача» полномочий была по душе, главным образом потому, что он никогда не боялся ответственности, хотя бы и потому, что глубоко и нравственно никогда не осознавал меру своей ответственности.

Вспоминается эпизод: после принятия «Ельцинской конституции» я при встрече с Бурбулисом спросил его: «А что вы будете делать, если на следующих президентских выборах победит Зюганов? Или Жириновский? И окажутся с вашей конституцией в руках?». «Этого не случится», – ответил Геннадий Эдуардович. «Ну, а если?», – настаивал я. «Уйдем в оппозицию», – отшутился Бурбулис. Шутка шуткой, а ведь и впрямь многие, кто драл горло в поддержку суперпрезидентской республики, сегодня кусают локти, из каждой подворотни криком кричат об угрозах абсолютизации власти президента. Тут не грешно и позлорадствовать: что ж, господа либералы, вы хотели суперпрезидентскую республику – вы ее получили.

А ведь можно было договориться и в рамках президентского Конституционного совещания. Было бы только желание. Вот мнение заместителя ответственного секретаря Конституционной комиссии, ученого, человека разумного и адекватного Виктора Шейниса.

Цитата. Идеальное решение – совместить оба проекта

«Российская газета», 3 июня 1993 года.
Печатаются фрагменты.

«…Шаг президента, конечно, нетривиален. Нетривиален, если иметь в виду, что президент является председателем Конституционной комиссии, от имени которой и был опубликован проект, что он неоднократно выражал согласие с его основными идеями. И даже более того, после шестого Съезда направил в рабочую группу больше 20 поправок. Почти все они были приняты. Думаю, в его окружении, да и у самого Ельцина сложилось мнение, что с таким Верховным советом иметь дело невозможно. За появлением президентского проекта стоит желание «получить» другой парламент и заодно усилить президентскую власть.

Особенно смущает подчеркнутая ориентация на властные структуры регионов. В недавнем выступлении Сергей Шахрай сопоставил легитимность трех субъектов политического процесса: президент, легитимность которого якобы повысил референдум; Съезд, который после референдума якобы не имеет легитимного права принимать новую Конституцию; власти субъектов, легитимность которых, по мнению Шахрая, выше, чем у депутатов Съезда. Но почему? Разве представительные органы регионов избирались иначе, не в то же время и не в соответствии с тем же законом? И это очень опасный для целостности России путь. Недавно на заседании Верховного совета выступал представитель Татарстана и прямо сказал, что федеративный договор открыл путь к превращению России в договорную федерацию. Но что такое «договорная федерация»? Такого феномена нигде в мире нет. Есть договорная конфедерация, есть договорной союз государств. И есть конституционная федерация, в которой источником легитимности является волеизъявление всего народа России, а не договоры, заключенные между регионами. Выходит, российское государство как бы учреждается заново?!

Невозможно понять, почему в президентском проекте бывшие автономии и национальные образования оказались «более равными» по сравнению с другими субъектами Федерации. Так, предлагается сформировать одну из палат на паритетной основе: половина мест – национальным образованиям, другая – краям и областям, где проживают 86 процентов граждан.

Однако меня привлекает, как ни покажется странным, зафиксированная в президентском проекте возможность роспуска парламента. Но сформулирована эта норма так, что я ее не поддержал бы. Президент может по своему усмотрению в ситуации острого политического кризиса распускать парламент. А если причина кризиса – его действия?

Конечно же, Конституция не должна «строиться» под конкретного политика. Чрезвычайно опасно, если особыми полномочиями воспользуется человек, не разделяющий демократических ценностей. Налет политической конъюнктуры в президентском проекте, безусловно, есть. Надеюсь, что «синтетический» проект, который будет выработан после соединения двух вариантов, освободится от этих недостатков».

Зря надеялся! 12 июля состоялось заключительное пленарное заседание Конституционного совещания. Ожидали 73 процента голосов «за», но, когда дело дошло до подписания, не собрали и половины. Многие просто сбежали из зала. Проект президента завис между небом и землей, и никто не знал, что с ним делать дальше. Кроме президента. Он знал.

Отступление. Вопросы психолога-любителя

В ходе повествования о первых трех годах 90-х меня всякий раз невольно выносит на «ельцинскую» тему. Не только потому, что он действительно играл в эти годы главную роль, и не потому, что, по моему мнению, его решения и поступки привели к чудовищным результатам. Мне как психологу-любителю очень хочется понять эту личность: что в нем было природное, а что наносное, приобретенное в процессе самой жизни. Например, был ли он способен на великодушие или был мстителен…

Великодушие означает способность прощать. Умел ли Ельцин прощать? Когда в августе 1991 года произошло то, что произошло, он повел себя с Горбачевым так, что это шокировало даже его апологетов. Он в открытую, не сдерживая торжества, буквально вынудил Горбачева при полном зале подписать указ о запрещении КПСС. Разумеется, ничья подпись в данном случае незаконна, потому что запретить партию мог только суд. Но Ельцину так хотелось произвести аффект, так хотелось унизить противника!

Однако даже не это удивляет. В одном из своих воспоминаний Бурбулис рассказывает, что последовало вслед за унизительной сценой. Они втроем (Горбачев, Ельцин, Бурбулис) удалились в комнату за сценой, где Ельцин, как будто ничего не произошло минуту назад, предложил Михаилу Сергеевичу … собраться вечерком семьями. Чайку попьем, поговорим, Раиса Максимовна развеется… Горбачев опешил. Когда пришел в себя, заметил: «Думаю, не стоит этого делать».

Вот как это объяснить, как понять?! Как желание продолжить только что устроенную при всем честном народе экзекуцию? «Да нет, – рассказывает Бурбулис, кажется, и сам шокированный предложением Ельцина. – Предложение было искренним, шло от души». Загадка. И думаю, не только для психолога-любителя, но и специалиста. Что-то похожее на сценку в сафари, когда наевшийся лев, отрыгивая, уступает недоеденное гиенам.

Случай с Горбачевым не единственный. Так же, мягко скажем, неблагородно повел себя Ельцин с Хасбулатовым, человеком, который целый год выполнял работу председателя Верховного совета вместо Ельцина, тогда председателя парламента. Всем же было ясно, что Ельцин не готов к этой работе, на которой требуются, помимо высокого умственного напряжения, специфические знания, да и просто большой словарный запас. Поначалу Ельцин удивлялся: «Как вам, Руслан, удается удерживать в повиновении эту неуправляемую массу!?». А затем

возненавидел и начал строить различные козни.

Пусть меня простят женщины за то, что я провожу параллель между ними и Ельциным, но, на мой взгляд, что-то женское было в нем. Настоящий мужчина, как и «настоящий полковник», никогда не опустится до мелких уколов, сделанных исподтишка; это стыдно и не по-мужски. Борис Николаевич часто не гнушался донимать своих политических противников мелкими пакостями. Характерный пример – преследование президентом председателя Конституционного суда Валерия Зорькина.

Конституционный суд не по своей воле оказался чуть ли не в эпицентре политической борьбы. Две ветви власти спорили о своих полномочиях, а полномочия были зафиксированы в Конституции, и суд вынужден был принимать решения, опираясь на Конституцию и руководствуясь ею. И ничем иным. А президент хотел, чтобы Конституционный суд стоял на его стороне. И не просто желал. Он домогался этого, используя всяческие «подлянки». 6 июня 1993 года, за пять месяцев до разгона парламента и Конституционного суда, его председатель Зорькин был лишен охраны, служебной машины со спецсвязью, а на следующий день ему было предложено освободить государственную дачу в Подмосковье. Тогда служба охраны Верховного совета взяла эти функции на себя. Нашлась и машина. В сентябре произвол повторился: Главное управление охраны (президента) распорядилось не допускать Зорькина, членов его семьи, конституционных судей в резиденцию председателя суда – в Огарево-3. Глава Администрации Президента Сергей Филатов заявил, что ни его администрация, ни президент к действиям Главного управления охраны (ГУО) не имеют никакого отношения. Выходит, это сторож взял, да и не пустил председателя Конституционного суда? На другой день в ГУО пояснили: все эти действия вызваны тревогой за здоровье конституционных судей, поскольку еще 25 мая медицинская служба ГУО обнаружила на объектах Огарево-3 в воде «выделения синегнойной палочки». Вопрос, как же вы, доктора, в течение почти четырех месяцев подвергали здоровье судей угрозе, остался без ответа.

Подобных примеров мелочности, подножек, «сдачи» верных, но «отработанных» сторонников можно привести много. Когда умер его помощник Лев Суханов, который был рядом с ним в самые его тяжелые годы, он не пришел с ним проститься (а жили в одном доме на улице Осенней). Эти его поступки вроде никак не увязываются с образом мужика-громады, волевого и сильного человека. Однако что только не намешает в нас природа-матушка!

Переворот

Приступая к написанию этой предпоследней главы, я пребываю в некотором смущении. Со дня опубликования указа «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» до сожжения нескольких этажей «Белого дома» прошло тринадцать дней и ночей, и все они тщательно зафиксированы историками, журналистами. До часов и минут. Написаны тысячи аналитических статей, личных воспоминаний, дано множество различных оценок, нередко пристрастных, но также и претендующих на объективность, сделаны разные выводы. И кажется, уже нечего прибавить к сказанному и написанному.

Автор этой книжки и не претендует на новое слово во второй после развала большой страны исторической драме. Его задача в другом: попытаться изложить события так, чтобы читатель, если таковой окажется, представил их в полном объеме и панорамно. И тут не обойтись без того, чтобы не воспроизвести весь текст названного указа, теперь замалчиваемого. Попытайтесь узнать, кто авторы антиконституционного указа… Сегодня вряд ли кто из них признается.

Указ президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»

«Российская газета», 23 сентября 1993 года.
Печатается без изъятий.

«В Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны.

Прямое противодействие осуществлению социально-экономических реформ, открытая и повседневно осуществляемая в Верховном совете обструкция политике всенародно избранного Президента Российской Федерации, попытки непосредственного осуществления функций исполнительной власти вместо Совета министров со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года. Тем самым грубо нарушен закон о референдуме, согласно которому решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации.

Съезд и Верховный совет предпринимают систематические и все более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но даже и судебную функцию.

В то же время ими до сих пор не только не создана законодательная основа реализации Федеративного договора, но принимаемые решения зачастую прямо противоречат федеративной природе Российского государства.

Конституционная реформа в Российской Федерации практически свернута. Верховный Совет блокирует решения Съездов народных депутатов Российской Федерации о принятии новой Конституции.

В текущей работе Верховного совета систематически нарушается его регламент, порядок подготовки и принятия решений. Обычной практикой на сессиях стало голосование за отсутствующих депутатов, что фактически ликвидирует народное представительство.

Таким образом разрушаются сами основы конституционного строя Российской Федерации: народовластие, разделение

властей, федерализм. Еще не успев возникнуть и окрепнуть, дискредитируется сам принцип парламентаризма в Российской Федерации.

В сложившихся условиях единственным соответствующим принципам народовластия средством прекращения противостояния Съезда, Верховного совета, с одной стороны, Президента и Правительства, с другой, а также преодоления паралича государственной власти, являются выборы нового парламента Российской Федерации. Такие выборы не являются досрочными выборами Съезда народных депутатов Российской Федерации, Верховного совета Российской Федерации и не нарушают волю народа, выраженную на референдуме 25 апреля 1993 года.

Необходимость выборов диктуется также тем, что Российская Федерация – это новое государство, пришедшее на смену РСФСР в составе СССР и ставшее международно признанным продолжателем Союза ССР.

Учитывая, что в действующей Конституции Российской Федерации не предусмотрена процедура принятия новой Конституции, политические партии и движения, группы депутатов, участники Конституционного совещания, представители общественности неоднократно обращались к Президенту Российской Федерации с предложением незамедлительно назначить выборы в новый федеральный парламент.

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу;

учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации;

принимая во внимание, что безопасность России и ее народов – более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти;

в целях:

сохранения единства и целостности Российской Федерации;

вывода страны из экономического и политического кризиса;

обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации;

восстановления авторитета государственной власти;

основываясь на статьях 1, 2, 5, 121-5 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года,

постановляю:

1. Прервать осуществление законодательной,

распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации – Федерального собрания Российской Федерации – и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу.

Гарантируются установленные Конституцией и законами права и свободы граждан Российской Федерации.

2. Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии.

3. Временно до принятия Конституции и Закона Российской Федерации о выборах в Федеральное собрание Российской Федерации и проведения на основе этого Закона новых выборов:

– ввести в действие Положение «О Федеральных органах власти на переходный период, подготовленное на основе проекта Конституции Российской Федерации, одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 года»;

– наделить Совет Федерации функциями палаты Федерального собрания Российской Федерации со всеми полномочиями, предусмотренными Положением «О Федеральных органах власти на переходный период…».

Установить, что осуществление указанных полномочий Совет Федерации начинает после проведения выборов в Государственную Думу.

4. Ввести в действие Положение «О выборах депутатов Государственной Думы», разработанное народными депутатами Российской Федерации и Конституционным совещанием.

Провести в соответствии с указанным Положением выборы в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации.

Федеральному собранию рассмотреть вопрос о выборах Президента Российской Федерации.

5. Назначить выборы в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации на 11–12 декабря 1993 года.

6. Образовать Центральную избирательную комиссию по выборам в Государственную Думу Федерального собрания

Российской Федерации и поручить ей совместно с нижестоящими избирательными комиссиями в пределах их компетенции организацию выборов и обеспечение избирательных прав граждан Российской Федерации при проведении выборов в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации.

Всем государственным органам и должностным лицам оказывать необходимое содействие избирательным комиссиям по выборам в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации и пресекать любые акты и действия, направленные на срыв выборов в Государственную Думу, от кого бы они ни исходили.

Лиц, препятствующих осуществлению избирательного права гражданами Российской Федерации, привлекать к уголовной ответственности в соответствии со статьей 132 УК РСФСР.

7. Расходы, связанные с проведением выборов в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, отнести на счет средств республиканского бюджета Российской Федерации.

8. Полномочия представительных органов власти в субъектах Российской Федерации сохраняются.

9. Заседания Съезда народных депутатов Российской Федерации не созываются.

Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются. Права граждан, бывших народными депутатами Российской Федерации, в том числе трудовые, гарантируются.

Полномочия народных депутатов – делегатов Российской Федерации на пленарных заседаниях и представителей в Комиссиях Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств подтверждаются Президентом Российской Федерации.

Народные депутаты Российской Федерации, являющиеся членами Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации, могут продолжать работу в составе Комиссии в качестве экспертов.

Сотрудники аппарата Верховного совета Российской Федерации и обслуживающий персонал направляются в отпуск до 13 декабря 1993 года с сохранением содержания.

10. Предложить Конституционному суду Российской Федерации не созывать заседания до начала работы Федерального собрания Российской Федерации.

11. Совет министров – Правительство Российской Федерации осуществляет все предусмотренные Конституцией Российской Федерации полномочия, с учетом изменений и дополнений,

введенных настоящим Указом, а также законодательством.

Совет министров – Правительство Российской Федерации обеспечивает бесперебойную и согласованную деятельность органов государственного управления.

Совету министров – Правительству Российской Федерации принять в свое ведение все организации и учреждения, подчиненные Верховному совету Российской Федерации, и провести необходимую их реорганизацию, имея в виду исключение дублирования соответствующих правительственных структур. Принять необходимые меры по трудоустройству высвобождающихся сотрудников. Осуществить правопреемство в отношении полномочий Верховного совета Российской Федерации как учредителя во всех сферах, где учредительство предусмотрено действующим законодательством.

12. Центральный банк Российской Федерации до начала работы Федерального собрания Российской Федерации руководствуется указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и подотчетен Правительству Российской Федерации.

13. Генеральный прокурор Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации и ему подотчетен впредь до начала работы вновь избранного Федерального собрания Российской Федерации.

Органы прокуратуры Российской Федерации руководствуются в своей деятельности Конституцией Российской Федерации, а также действующим законодательством с учетом изменений и дополнений, введенных настоящим Указом.

14. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству обороны Российской Федерации принимать все необходимые меры по обеспечению государственной и общественной безопасности в Российской Федерации с ежедневным докладом о них Президенту Российской Федерации.

15. Министерству иностранных дел Российской Федерации информировать другие государства, Генерального Секретаря ООН о том, что проведение выборов в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации диктуется стремлением сохранить демократические преобразования и экономические реформы. Такое решение полностью соответствует основам конституционного строя Российской Федерации, прежде всего принципам народовластия, разделения властей, федерализма, и опирается на волеизъявление народа Российской Федерации, выраженное на референдуме 25 апреля 1993 года.

16. Указ «О поэтапной конституционной реформе в

Российской Федерации» внести на рассмотрение Федерального Собрания Российской Федерации.

17. Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания.

* * *

Выражаю надежду, что все, кому дороги судьба России, интересы процветания и благополучия ее граждан, поймут необходимость проведения выборов в Государственную Думу Федерального собрания для мирного и легитимного выхода из затянувшегося политического кризиса.

Прошу граждан России поддержать своего Президента в это переломное для судьбы страны время.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль 21 сентября 1993 года,
20.00 час. № 1400»

Каким бы странным ни показалось такое соображение, но новый указ, на мой взгляд, коренным образом не менял ситуацию. По сути дела, он был не более чем переизданием, дополненным и отредактированным, мартовского указа об особом порядке управления страной (ОПУС). Как ОПУС, так и новый указ упирались в неразрешимую задачу: на бумаге можно написать что угодно, но как реализовать заявленные меры? Как заставить депутатов, конституционных судей, всех, кто не согласен с политикой президента, прекратить свою деятельность? Ответ один: применить силу. Противники президента не раз и не два предупреждали об исходящей от него угрозе, однако далеко не все верили в то, что Ельцин решится применить силу. Еще свеж был пример ГКЧП, думали: ну, если те не решились, то от демократа Ельцина тем более не следует ожидать такого. И вся эта заварушка, скорее всего, окончилась бы досрочными выборами депутатов и президента, что привело бы не только к умиротворению, а главное, к качественно новому курсу развития России. Если бы не сдали нервы у депутатов.

Большой ошибкой парламента стало назначение альтернативных силовых министров. Это подтолкнуло действующих в сторону Ельцина. Да и что им оставалось делать? Два варианта у них было: или прислушаться к парламенту и сложить с себя полномочия, или уйти к президенту. Таким образом, парламент укрепил позиции президента.

Вторая ошибка, особенно трагическая, заключается в том, что

парламент принял помощь отставных генералов. Не хочется касаться их личных качеств, но факт остается фактом: они не пользовались авторитетом у большинства офицеров и не имели возможности, как обещали, привлечь армию на свою сторону. И, кстати, хорошо, что не могли, иначе нас ожидала бы полноценная гражданская война. Их действия (атака здания мэрии, «Останкино») дали желанный и, думаю, ожидаемый повод для применения силы к парламенту. Действия генералов как бы оправдали действия президента. Это был своеобразный подарок Ельцину.

Вообще профессиональным военным следовало бы запретить входить в кабинеты, где занимаются политикой (хотя, как и во всем, есть исключения). Специфика деятельности военных приводит в конце концов к естественному отмиранию многих качеств, необходимых политику. Там, где требуются переговоры, компромиссы, военный человек предпочтет приказ и применит силу. Так и должно быть, но должно так быть в условиях войны. Он не скажет «прошу пойти в атаку», он прикажет, да еще и с пистолетом в руке.

Так и поступили генералы в октябре 1993 года. Слово как средство борьбы парламента с президентом было заменено автоматом. У президента и автоматов оказалось больше, и танков.

Персона. Александр Руцкой – случайный человек в политике

Мне довелось участвовать в заседаниях правительства Гайдара, разумеется, на правах наблюдателя. И хорошо помню, как однажды бывший летчик Руцкой, возбужденный, с указкой в руках, разъяснял членам правительства суть аграрной реформы. Он постоянно обращался к десяткам диаграмм, графиков; создавалось впечатление, что свежий куратор села глубоко и искренне верит в маниловскую программу, убежден в том, что все его предшественники ломали зубы на этом направлении по причине невежества и безынициативности. Но молодые члены правительства, не скрывая, посмеивались над докладчиком, кидали язвительные реплики, и это продолжалось до тех пор, пока темпераментный Александр Владимирович не понял, что над ним потешаются. Тогда Руцкой (возможно, и под воздействием противников Ельцина) отдалился от президента и стал своего рода «приобретением» парламента. Ему, видимо, сказали: «Александр Владимирович, ну, какой из тебя аграрий, ты же поле видел только с высоты полета штурмовика. Президент просто подставил тебя». Этого вспыльчивый человек стерпеть не мог.

Мы с ним познакомились сначала заочно: он был моим соперником на выборах народных депутатов СССР в Кунцевском избирательном округе Москвы. Ему помогали друзья-однополчане, академия Генштаба, скрытно райком партии и даже моя родная газета «Московская правда». Дня за два до второго тура выборов (остались после первого тура два кандидата – Руцкой с 60 тысячами голосов и я с 37 тысячами) у метро «Молодежная» дети в пионерских галстуках под руководством энергичной учительницы раздавали прохожим «Московскую правду». Редакция не поскупилась: в кипах тысяча экземпляров. Стоял солнечный день, ребятишки все как на подбор – светлые, улыбчивые, чистенькие. Они подбегали к прохожим, говорили одну и ту же заученную фразу: «Газета напечатала рассказ о нашем единственном достойном кандидате в народные депутаты СССР, Герое Советского Союза, летчике-асе Александре Владимировиче Руцком. Читайте! Не ошибитесь в выборе!». Наблюдая, я заметил, как многие не брали газету, проходили мимо молча, а иные и отмахивались. Откровенно говоря, я не очень-то верил в свою победу, но тогда пришла мысль: а ведь то,

что не берут газету, неспроста, это признак того, что избиратель определился и уже не нуждается в новых аргументах. Позднее, анализируя выборную кампанию, пришел к выводу, что «Московская правда» скорее навредила Руцкому. Газета особенно рьяно и грубо «мочила» своего бывшего хозяина – первого секретаря Московского горкома партии Ельцина, что воспринималось москвичами как месть «партократов» народному защитнику, и все, кто так или иначе был связан с Ельциным, автоматически получали широкую поддержку. А кого газета хвалила, получал «неуд». К тому же команда Руцкого на встречах клеймила меня как «ближайшего соратника» Бориса Николаевича, называла меня и моих помощников «бандой Ельцина». И объективности ради следует признать, что на тех выборах колоссальный авторитет Ельцина являлся для избирателей вешкой, указателем, за кого голосовать. В этой своеобразной воронке оказались если и не сотни, то многие десятки избранных депутатов. Спустя четверть века не каждый признается в этом. Я признаюсь.

Однако я несколько отвлекся. Лицом к лицу встретились с Руцким на одной из моих встреч с избирателями. Все встречи были спонтанные. Начинаешь разговор у магазина с одним-двумя, а через час, смотришь, сотен пять собралось. Кто-то принесет ящик из-под тары, чтобы виднее было кандидата. Сыпались вопросы, проверяли на «вшивость». Помощники Руцкого изобрели маневр: на машине ездили по району, отслеживая мои встречи, звонили Руцкому, и тот тут же являлся на готовенькое. На этот раз он не стал ожидать окончания моей встречи. Встал рядом и начал перекрикивать. Но случился конфуз: пожилой мужчина с тростью, вся грудь в орденских колодках, возмутился: «А тебя кто сюда звал? Мы пришли на встречу с Логуновым. Валяй отсюда. Ишь, нацепил звезду. Ты за какие подвиги ее получил? За то, что бомбил детей?».

Руцкой растерялся: «Отец, ты военный человек и должен знать, офицер обязан выполнять приказ». Ветеран еще пуще разошелся: «А после плена опять принялся за старое, тогда кто тебя неволил? Убирайся!». И – тростью по ногам Руцкого. Я успокаивал ветерана, но в нем горел огонь – то ли ненависть к кому-то или к чему-то, то ли выплеснулась своя правда. Впрочем, в те годы негативное отношение к афганской войне преобладало. Хотя и впрямь, причем тут офицеры и солдаты? Они действительно выполняли приказ.

Урок не пошел впрок Александру Владимировичу. На последней перед днем голосования встрече с избирателями вблизи того же метро в субботу произошло событие, которое

подтвердило уверенность в победе. Мои помощники настаивали на том, что встречу следует начать в тот же час, что и Руцкого. Но я отодвинул ее. Обе встречи должны были состояться вблизи друг от друга: Руцкого – у кинотеатра «Брест», моя – на ступенях института напротив выхода из метро «Молодежная». Вся моя команда нервно наблюдала за встречей Руцкого: у него собралось тысячи три. К нам пришли сотни две-три. Однако с каждой минутой подходили все новые и новые, и примерно через полчаса стало не меньше тысячи. И вдруг я заметил, как люди из последних рядов покидают Руцкого и подходят к нам. Руцкой допустил тактическую ошибку. Во-первых, его встреча затянулась, он начал повторяться, во-вторых, он не учел психологию человека. Как рассуждали люди: послушали одного краснобая, послушаем теперь и другого. Через какое-то время все участники встречи с Руцким перешли к нам. И тут Руцкой совершает еще одну ошибку. Он поднимается на нашу импровизированную «трибуну» и в гневе чуть ли не вырывает из моих рук рупор. Поднимается шум, толпа возмущена. Я с подвохом призываю: «Товарищи, давайте послушаем генерала. Видимо, ему есть что важное сказать». Крики: «Мы его уже наслушались. Пусть убирается! И вообще, давайте прекратим встречу, завтра мы проголосуем за вас».

Позже, когда он победил на выборах народных депутатов России (Курская область), а затем и в тендеме с Ельциным на президентских выборах стал вице-президентом, у нас сложились ровные отношения. Изредка бывал у него, он охотно рассказывал о том, как его пытаются отодвинуть от президента, наговаривают о нем всякие пакости, но что он остается и останется надежным сторонником президента. Увы, судьба распорядилась по-своему.

Его действия в дни жесткого противостояния президента и парламента оценивают в основном как действия, которые способствовали трагической развязке. Согласен с такими оценками. Есть профессии, представители которых лишены способности анализировать, сопоставлять факты и только после этого принимать решения. К этим профессиям относятся и летчики. Они учатся принимать решения в доли секунды.

Придя в политику, Александр Владимирович, прихватил с собой и вирус фанфаронства, поспешности в серьезном деле. Эти недостатки он мог бы компенсировать за счет помощников и соратников, однако и тут не преуспел, поскольку плохо разбирался в людях. Будучи человеком честным, не способным на подножки, добродушным, он каким-то образом умудрялся приближать к себе людей беспринципных, а бывало, и способных на предательство. Он жаловался мне на некоторых, когда мы

встретились в его роскошной квартире после отсидки в «Матросской тишине». Перед тем, как зайти в подъезд, я обратил внимание на две черные «Волги», стоявшие в сквере на асфальтированной площадке. «Следят», – пояснил Руцкой. Впрочем, объяснить их присутствие можно было и тем, что в этом же доме жил бывший председатель правительства страны Николай Рыжков. А ему положена охрана.

На этой встрече Руцкой поведал о том, что создает движение патриотов «Держава» и пригласил к сотрудничеству. Я был не у дел и охотно согласился. Сразу предложил ему организовать поездку и встречу с избирателями в Читинской области. Поездка в Читу, а особенно в Краснокаменск (город, где добывают уран), многотысячные митинги на центральной площади в Чите, в Краснокаменске вдохновили его. Позднее, когда станет губернатором в Курской области, он перетянет из Забайкалья двух или трех человек и назначит их своими заместителями.

На тех выборах я был первым в списке «Державы» по Читинской области, но за день до выборов в областной избирком пришла телеграмма из московского штаба «Державы»: фамилия моя исключалась из списка. Ночью позвонил Руцкому, спрашиваю: что случилось, почему? Он сослался на то, что был в командировке, и решение принято без его участия и ведома. Может быть, и так. Во всяком случае, начальник штаба, которого Александр Владимирович позаимствовал у Жириновского, был после выборов обвинен в неудаче и изгнан. Злые языки утверждали, что он кое-что позаимствовал из избирательной казны.

Время на переломе эпох и коренных изменений в государстве и обществе выдвигает разных людей, в том числе и тех, кто по своим качествам никак не готов к ответственной миссии. Александр Руцкой – один из них. Он и в решающие дни и часы противостояния парламента и президента вел себя не как политик, а как профессиональный военный, для которого не существовал вопрос, как надо поступать. Штурмовики на крыло! Бреющий полет над резиденцией президента! Хасбулатов позднее признал, что зря доверился генералам, в том числе и Руцкому.

Репрессии узаконены указом

Пункт 11 указа «О поэтапной конституционной реформе» повелевал правительству «принять в свое ведение все организации и учреждения, подведомственные Верховному совету (гаражи, здания, базы отдыха, государственные дачи и пр. – *Авт.*), осуществить правопреемство в отношении полномочий Верховного совета как учредителя во всех сферах (сюда попали «Российская газета», «Юридическая газета России», журнал «Народный депутат», телевизионная программа «РТВ-Парламент», издательство «Известия Советов народных депутатов Российской Федерации» – *Авт.*).

Через неделю после сожжения Белого дома атака на свободу слова приняла массовый характер как в Москве, так и в регионах страны. Только в столице было прекращено издание пятнадцати газет: «День», «Газета духовной оппозиции», «Народная правда, «Русское дело», «Русское воскресенье», «Русские ведомости», «Русский пульс», «Русский порядок», «За Русь», «Наш марш», «Националист», «Русское слово», «Московский трактор», «Русский союз», «К топору». Против них возбуждены уголовные дела. Всем им предъявлено обвинение в том, что «содержание их материалов в значительной мере способствовало дестабилизации обстановки во время массовых беспорядков в Москве в конце сентября – начале октября 1993 года». Освобождены от должностей главные редакторы «Правды» и «Советской России». Этим газетам предписано пройти перерегистрацию, после чего, возможно, разрешат выход изданий, но под другими названиями. Как видим – полный «разгул демократии».

В этих условиях «Российской газете» (если следовать закону о средствах массовой информации. – *Авт.*) в связи с «исчезновением» учредителя – Верховного совета – представилась возможность выбора, с кем пойти, или вообще ни к кому не примыкать. Редакция этой возможностью попыталась воспользоваться: подали заявку на учредительство газеты коллективом редакции (в полном соответствии с действующим законом. – *Авт.*). Министерство печати незаконно отказало в этом. Отказ был обжалован в различных судах, однако и суды (надо понимать их положение) не поддержали газету.

Указ, напомним, был подписан во вторник 21 сентября в 20 часов вечера. Так что в редакции он оказался утром в среду 22 сентября. Естественно, центральной темой номера за четверг 23 сентября стал указ номер 1400 и комментарии к нему, оценки. Ярче всего оценка выражена в «шапке» (газетный сленг. – *Авт.*)

первой полосы: «Президент растоптал Конституцию». Восьмисотый и последний номер газеты в старом качестве вышел и миллионным тиражом поступил читателям во все регионы России.

Запретили издание в тот же четверг 23 сентября, когда верстался номер на пятницу 24 сентября. Около четырех часов дня позвонил директор издательства «Пресса» Леонтьев и сообщил, что получил распоряжение из Минпечати газету не печатать. Я попросил уточнить, кто именно дал распоряжение. Ответ: Цабрия, в то время исполняющий обязанности министра. Но, как говорится, ежу было понятно, кто на самом деле принял это решение. Позвонил тогдашнему главному редактору «Правды» Селезневу («Правду» запретят 13 октября. – *Авт.*) и попросил разместить сообщение об этом и ряд материалов в текущем номере «Правды». Он задержал подписание номера в печать, журналисты за полчаса подготовили страницу. Так страна узнала о незаконных действиях в отношении «Российской газеты».

Запрет на издание «Российской газеты» действовал в течение всего времени от принятия указа до расстрела парламента. Но коллектив редакции работал, правда, уже в режиме информационного агентства. Тогда все отделы редакции были оснащены факсами, по тем временам редкой оргтехникой, и подготовленные журналистами полосы рассылали по областным газетам. Технической работой и днями и ночами занималась Лена Алешкина. Большинство областных газет охотно печатали наши материалы; позже много приходило писем от редакторов областных газет с приложением спецвыпусков, подготовленных нашими журналистами.

А вот московские центральные газеты замалчивали факт закрытия «Российской». Из кабинета главного редактора фактически не выходили зарубежные журналисты и телевизионщики – и ни одного отечественного. Как-то позвонил корреспондент «Российского радио» (к сожалению, забыл фамилию) и пригласил в открытый эфир. При этом предупредил, что надо пройти в студию с «черного» хода. Я пришел, он задал два-три вопроса, я ответил и помчался к себе, чтобы послушать (наши здания рядом). Включаю радиоприемник – ничего нет. Позднее молодой человек позвонил и сказал, что его выдали, донесли тогдашнему руководителю российского ТВ и радио Олегу Попцову. У меня почему-то еще не отключили спецсвязь, по «вертушке» позвонил ему. Олег, говорю, почему бы тебе не пригласить меня в студию, я поразмышлял бы о демократии, о свободе печати. На мне тщательно отглаженная рубашка, модный галстук, я прекрасно выгляжу, и мне есть что сказать. Пригласи. Я

рад, что у тебя такое настроение, ответил Попцов, но все давно сверстано. Ну, ты хоть пощади парня, попросил я. Такие вещи не прощаются, ответил Попцов и положил трубку.

До этого раза два-три привозили фельдъегеря распоряжения об освобождении главного редактора: из министерства печати, правительства. Это было и смешно, и грустно. Ну, какое право имеет министерство распоряжаться кадрами газеты, учредителем которой является Верховный совет? Равно такого права не имело и правительство. Неконституционность указа подтвердил Конституционный суд России. Поэтому оставалось одно: игнорировать приказы и распоряжения. К тому же состоялось общее собрание коллектива, которое единогласно (при одном воздержавшемся) подтвердило полномочия главного редактора.

5 октября очередное распоряжение поступило за подписью председателя правительства Виктора Черномырдина: «Освободить от занимаемой должности в связи с противодействием выполнению указа Президента России № 1400». Такая запись сохранилась в моей трудовой книжке. В тот же день из газеты ушло десятка три-четыре журналистов. Технических работников я попросил оставаться на рабочих местах. Исход журналистов из редакции продолжался месяцев пять-шесть; находили места в других изданиях и уходили. Через год от прежнего состава остались единицы. Газета полностью поменяла редакционную политику.

Да бог с ней, с газетой. Невелика потеря. Страна погрузилась в темный омут!

Отступление. Социализм и либерализм: кто кого?

Сегодня, спустя четверть века, вдосталь отведавши капитализма, в России все чаще и все большее число думающих людей задает себе вопросы: а заслужил ли социализм такой участи? Была ли крайняя необходимость круто разворачивать огромное государство и достаточно адаптированное к социалистическому порядку общество в прямо противоположную сторону? Почему русские люди с такой легкостью расстались с «вековой мечтой человечества»?

Но, может быть, мы запоздали с вопросами, и прав либерал-большевик Чубайс, когда заверял нас в том, что он вбил последний гвоздь в крышку гроба социализма? Думается, не запоздали. Все же у социалистической идеи и возраст, и отцы-родители весьма почтенные, чтобы вот так взять и сгинуть бесследно и безвозвратно с лица земли. Либералы-большевики явно преувеличивают свою способность похоронить то, что проповедовали Христос, а затем и величайшие умы в течение двух тысячелетий.

Истина, видимо, заключается в том, что либеральная и социалистическая идеи, подобно добру и злу, идут рядом, взаимно отрицая и одновременно обогащая друг друга. И как не могут одолеть друг друга в вечной борьбе добро и зло, так не могут мирно разойтись и эти две противоборствующие идеи. Они существуют в одном и том же мире, занимаются одним и тем же делом – отношениями людей, устройством обществ и государств. И на обеих территориях постоянно зреют и поспевают противоположные, отталкивающие друг друга начала.

Какое из них одержит верх? Все зависит от выбора людей. И, вероятно, от времени. Кажется, невероятной сама возможность появления без малого два тысячелетия назад, в жестоком и эгоистичном языческом мире нравственных, этических предпосылок христианства. Мир был четко разделен на сильных и слабых, богатых и бедных. Войны и только войны регулировали отношения племен и народов. Раб стоит дешевле, чем лошадь или бык. И вот в такой среде на месте страха возникает понятие … греха! Непостижимо, если еще иметь в виду, что и спустя двадцать веков идеология Христа остается, в общем-то, мало востребованной. Сверхбогатство одних и нищета других и поныне разделяют государства, народы, людей. «Золотой миллиард» Запада и маленькие мумии умирающих младенцев в Африке –

разве не подтверждение того, что мы не далеко ушли от дохристианского древнего мира?

Что и какие именно устремления и действия называет самым страшным грехом Спаситель?

Стяжательство. Вслушайтесь… «Не можете вы служить и Богу, и мамоне одновременно». «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Божие». Закхей, богатый человек из Иерихона, старший над мытарями (ненавидимыми иудеями сборщиками налогов), с радостью сообщает Иисусу Христу о том, что половину своего состояния готов отдать бедным, а «… если я обманул кого в деньгах, то заплачу вчетверо больше!». Реакция Спасителя: «Сегодня спасение пришло, ибо и этот человек истинный сын Авраама». ««Продайте все, что у вас есть, – говорит Христос ученикам, – и отдайте эти деньги бедным. Стремитесь к богатствам непреходящим, сокровищу неисчерпаемому на небесах, где ни вор не может подобраться к нему, ни тлен не может его погубить. Ибо сердца ваши будут там, где сокровище ваше».

Христос, конечно, не был общественным реформатором – нет фактов и свидетельств, в том числе и учеников, что его интересовала организация общественной жизни. И с этой стороны он был безопасен для Римской империи. Поэтому прокуратор Пилат в какой-то степени был обескуражен ненавистью иудейских священников к одному, как полагал прокуратор, из пророков, которых в Иудее было всегда пруд пруди. Он даже ходатайствует за него перед синедрионом.

Почему же толпа ревет и призывает Пилата: «Распни его!»? Отвечая современным языком – за убеждения. В том числе и за призыв к богатым во имя их собственного спасения делиться с бедными. Он видел зло в богатстве, поскольку любое богатство (не путать с достатком) есть результат присвоенной силой или обманом части чужой собственности. А это несправедливо, не от Бога. Именно этой «пропаганды» не могли ему простить дальние предки либералов, нынешние бескомпромиссные адвокаты «святой» частной собственности. Но не может быть святой собственность, нажитая за счет присвоения результатов труда наемного работника. Один из классиков либерализма Людвиг фон Мизес в пространной работе «Социализм» (впервые издана в 1922 году) не скрывает раздражения по поводу этой части учения Христа. Но задолго до классика то же самое в Христе раздражало и его наместников на грешной Земле. Как ни странно, особенно активно и целеустремленно занималась искажением христианской идеологии …христианская католическая церковь.

Уже со второй половины второго века, когда не стало

апостолов, когда на смену пророкам и проповедникам приходят пресвитеры (своеобразные «завхозы», «кладовщики», «кассиры» христианских общин – будущие епископы), начинается борьба с пророчествами, содержавшими критику богачей, грозящими им адом и гибелью греховного мира. Западная церковь решительно и принципиально делает выбор в пользу мамоны. Да и как могла церковь допускать нападки на богатых, если в распоряжении самого папства в конце концов оказалась огромная материальная база в виде земельных владений в Италии, Сицилии, Галлии, Далмации, Африке, Азии, а позднее и во всей Западной Европе? В четвертом-пятом столетиях потомки братьев христианской общины, некогда дружно и сердечно справлявшие совместные трапезы, вынуждены передавать земельные участки епископам и трудиться на них как на земле, арендованной ими.

Вся история папства, в недрах которого (а затем и в протестантском мире) и оформлялась либеральная идея, наполнена сюжетами его жестокой борьбы с той частью Нового Завета, где говорится о грехе стяжательства. В XIV веке очередной папа издает буллу (по-нынешнему – указ, постановление), которой запрещает споры о том, как Христос относился к вопросу о нищете и частной собственности. Ссылки на Библию на этот счет в булле названы ересью. Хранителей учения Христа повсеместно преследует инквизиция, их даже отлучают от церкви. За что папский двор, кстати, получал от тогдашних «олигархов» и, в частности, венецианских купцов приличные «гранты», в том числе и на оргии. Что ж, у бизнеса во все времена был один бог – богатство.

Но несмотря на гонения, христианская социалистическая идея со времен Нагорной проповеди уже не покидала людей. Конечно, проявлялась она часто в наивных и даже в диких формах. Так, первая «социалистическая революция» произошла в Персии в…V веке. При шахе Каваде был визирь Маздак (потомок иудеев из Иерусалима, разрушенного римлянами в иудейских войнах в I веке н. э.). Тогда в Персии случился очередной голод, и «социалист» Маздак выдвинул простую программу борьбы с кризисом. Рассуждал он так: в мире существует добро и зло. Добро – это разум, а зло – неразумие, инстинкты. Разве разумно, задал он вопрос шаху, когда у одних гаремы, хорошие лошади, дорогое оружие, время свое они проводят в пирах и на охоте, а другие голодают? «Поэтому будет справедливо казнить тех, у кого много имущества, а их добро и гаремы раздать бедным». Шах подивился разумению потомка иерусалимских изгнанников и разрешил ему осуществить свой замысел. Но конфискованное имущество визирь раздал не бедным, а своим сторонникам. После

чего бежал на Каспий, где и была основана диаспора, правившая Хазарией в течение трех веков (Л.Н.Гумилев, «От Руси до России»).

Примеры можно продолжить… В империи инков (сейчас Перу, Боливия, часть Эквадора и Чили) тоже был «социализм»': в XV веке земля там являлась собственностью Верховного Инки, но находилась она в общинном пользовании. Урожай полностью шел духовенству и государству, а они уже перераспределяли его между общинниками.

Коммунистические мотивы явно прослеживаются в сектах катаров и вальденсов (Италия, Франция, Германия, Испания – XI-XII века), где полностью отрицалась частная собственность. Члены секты вели коллективное хозяйство, жили вместе. Во времена Реформации – антикатолического движения – действовали секты, которые требовали ликвидации торговли и денег, уравнения в имуществе и коллективного землевладения. Пожалуй, трудно назвать европейскую страну, где социалистическая идея не поразила бы умы и души людей в XIX веке. Государственный, военный, христианский, гильдейский, аграрный, научный, реальный, частичный – все эти определения относятся к теории (а иногда и практике) социализма, указывающие лишь на его разные формы. А еще – солидарный, синдикализм, разные планы экспроприации, разное участие в прибылях, то есть, то, что тот же Мизер называет псевдосоциалистическими системами. А еще…фашизм, нацизм, что либералы также относят к формам социализма. Либерал Мизер в дополненном издании своего труда и «Новый курс» Рузвельта определил как прямой путь к социализму.

О нашем же, русском, реальном (без кавычек) социализме говорить нет необходимости. О нем мы знаем не понаслышке. Пороков у всех видов социализма, в том числе и нашего, много. Но и достоинств хватает. Особенно они очевидны в сравнении с либерализмом.

Сердцевиной либеральной идеи являются те же отношения собственности. Это главный вопрос, и на него, как на шампур, насаживается все остальное: разделение труда, производительность труда, рыночная экономика, распределение дохода, пределы демократии, экономический расчет, личная свобода, права человека, принципы торговли, эволюция общества, инфляция, инвестиции, мировое правительство. И даже вопросы семьи и секса.

Либералы исходят из того, что разделение труда (включая и международное) вызвало рост производительности труда и необходимость перемещения излишнего товара. Перемещение

товара – это торговля, рынок. Потребовался эквивалент товара. Им стали деньги. Социализму с его «единой» (по Ленину) фабрикой деньги, по большому счету, не нужны. Потому что товаропроизводители не торгуют, а, в соответствии с решениями директивных органов, «поставляют» произведенный товар. Но если у либералов цену определяет спрос, что прикажете делать социалисту? Ему приходится делать калькуляцию на тысячи и тысячи товаров и услуг, учитывая как прямые, так и косвенные затраты (содержание военных, полиции, госаппарата и т. д.). Но это физически невозможно.

Либералы эту проблему, как уже было сказано, решают просто: цену определяет спрос. Производитель-частник каждый раз делает экономический расчет. Не проворонить дающую хорошую прибыль нишу и не ошибиться в расчетах – альфа и омега его бизнеса. Он может и разориться, но может и обогатиться. Он рискует. Он не спит ночами в тяжелых думах о своем будущем.

Так ли ведет себя назначенный государством руководитель социалистического предприятия? Он и при желании не может вести себя как частный собственник. Он ограничен в своих действиях, его задача – выполнить план и отгрузить продукцию туда, куда предписано.

Поэтому либералы говорят государству: не лезь туда, где ты бездарно и неуклюже. Земля, заводы, недра должны быть в частной собственности. Собственник эффективнее распорядится всем этим, чем бюрократия. Потому что он действует в своих, личных интересах. А бюрократия (лучшая в своем роде бюрократия) – в общественных. А общественного интереса, считают либералы, просто не существует. Это химера.

Либералы на сто процентов правы, если рассматривать человека в чисто дарвинистском измерении. Они правы, когда говорят, что либеральная рыночная экономика, основанная на экономической свободе, дает более высокую производительность труда, быстрее и качественнее удовлетворяет потребителя. Конечно, они не могут скрыть, что частником движет личный (эгоистичный) интерес, но именно эгоистичный интерес, по их мнению, быстрее, эффективнее движет общество к прогрессу, а отнюдь не выдуманные романтичными христианами представления о добре, альтруизме и прочее. Афористично, точно и, разумеется, цинично, по этому поводу высказался ныне покойный «лондонский сиделец», когда его спросили о соотношении бизнеса и совести. Совесть, сказал он, категория не экономическая.

Либералы считают, что они, а не коммунисты являются

настоящими материалистами, потому что воспринимают жизнь такой, какая она есть на самом деле: суровая, яростная, развивающаяся по законам Дарвина. В ней должно быть ограничено место для христианских добродетелей. Поскольку поощрение их ведет к росту потребительских настроений. Только сам человек ответствен за самого себя и своих близких. Остальные – не из его стаи. И поскольку все они чужаки, постольку и он для них – чужак.

В этом и заключается суть либерализма. Он допускает достойную жизнь только для успешных людей. Конечно, социальные потрясения в XX веке вынудили либералов решать проблемы бедности и нищеты. Делиться с «братьями во Христе». И в экономическом плане многие страны продвинулись далеко вперед. Но от этого не изменилась сущность либерализма. Он всего лишь, использовав косметику, более тщательно стал следить за своим лицом.

…Однако бог с ними, с другими странами и народами: пусть живут, как хотят. Вопрос в том, готов ли русский человек и все, кто за века совместной жизни воспринял его мироощущение, жить в либеральном процветающем обществе? Вот и наши доморощенные либералы (их почему-то называют демократами) совсем сбиты с толку; никак не могут понять, почему народ, которого они зовут в либеральный рай и которому желают добра, отворачивается от них, «прокатывает» на выборах и искренне ненавидит. Как часто бывает в подобных случаях, ответы ищут не в себе, а на стороне. Отсюда – горькие констатации и вздохи: «эта» страна, «этот» народ, «русская рабская психология» …

Между тем, не следовало бы до такой степени упрощать реакцию народа на реформирование России. Добросовестные люди обязаны хотя бы попытаться понять, почему Россия хотя и пассивно, но упрямо не принимает навязываемый образ. Не в одних неудачных реформах причина. А если точнее – не в них главная причина. Все дело в той самой «загадочной душе» русского человека. Обратимся к русской классической литературе XIX века. Это были времена, когда на сцене общественной жизни появились «новые» русские: заводчики, предприимчивые купцы, разночинный люд типа гончаровского Штольца, покупатели вишневых садов под выруб и прочие. Они входили в устоявшийся уклад в смазанных дегтем сапогах, и подле них образовывалась новая аура, в которой неуютно чувствовали себя и помещики-консерваторы, и тургеневские женщины, и чеховские сестры, и люди «дна» Горького. Что отталкивало «старых» русских от «новых»? Уж, конечно, не только и не столько зависть к успеху. Отталкивались разные нравственные заряды. Разные идеалы и

представления о том, как надобно жить по-божески. И вот одна, казалось бы, странная особенность «нового» русского XIX века: он хапал, убивал, ради лишнего рубля не щадил собственного отца, а обретя состояние, став миллионщиком, вдруг начинал метаться в поисках ответа на вопрос, правильно ли он живет. Что значит: правильно? А то и значит: по-божески ли, по справедливости ли? Купцы, разбогатев, спивались и спускали состояния, сходили с ума, уходили в монастыри. И все это происходило по одной причине: Бог «доставал», совесть мучила. У кого встретишь еще, кроме русского, такое дуалистическое мироощущение? И не прочь стать богатым, но глубоко вонзилась когда-то в душу заноза, имени которой он и сам не знает, – и не дает спать в чертогах. Уютнее в келье. Это не самоистязание. Это может означать лишь одно: в русской душе еще много Христа. И ведь не случайно именно в православии так много осталось от раннего христианства. И католики, и протестанты приспосабливали (и приспосабливают) учение Спасителя к своим потребностям. Православный человек пытается себя приспособить к нему. Огромный по ширине водораздел! Пожалуй, даже непреодолимый.

Так что вопрос о перспективах либерализма и социализма на русской почве – вопрос о том, сумеет ли русский человек научиться жить без Христа в душе. Иной раз подумаешь: а не обрек ли Спаситель его на жертвенную, подобно самому себе, роль? И с какой целью, если и впрямь уготовил ему эту стезю?

Эпилог

Итак, поставлена последняя точка. Точка поставлена, а сомнения в том, нужно ли было писать эту книжку, остаются. Большинство из нас живет сегодняшним днем, и это разумно. Полезно еще заглянуть в завтрашний день, ибо это может помочь чего-то, что не желаешь, избежать. А какой толк глядеть назад? Что было, то сплыло…

Но вот у Пушкина: «Учись, мой сын, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни». И это тоже верно и разумно. Опыт действительно позволяет нам не повторять ошибок, предостерегает от того, чтобы в очередной раз не наступить на те же грабли.

Человек учится этому со дня рождения.

А страна? А народ?

Опыт жизни первых трех лет «обновленной России» (1990–1993 гг.) нуждается в непредвзятом осмыслении в самом широком плане, ибо пришло новое поколение, которое естественным путем занимает место продолжателей тех, кто явился творцами и участниками исторических событий, круто развернувших корабль под названием Россия. Молодое поколение пришло на засеянное поле, вспахали которое их отцы. Но что именно посеяли, на какую глубину, попали ли в землю вместе со злаками сорняки, какой урожай можно ожидать? Им это крайне важно знать, а узнать они могут, только получив ответы на заданные вопросы.

Увы, вопросов много, ответов мало. И мне кажется, недоговорки, замалчивания при оценках тех лет и тех деятелей, которые осуществили разворот страны, не случайны. Рискованно оглядываться назад, ибо там, в недалеком прошлом, хоронятся артефакты, которые могут свидетельствовать о том, что путь выбран неверный. Этого опасаются все, начиная от нынешней власти и кончая пенсионерами за игральным столом в домино. В конце 80-х – начале 90-х годов все хотели перемен, сегодня их желают лишь врагам. Наелись…

И все же если хотим не только сами дожить в спокойной обстановке, но и детям, внукам желаем счастливой жизни, мы должны постараться рассказать им правду о том времени. А они уж разберутся, куда им плыть дальше.

Эта книжка – еще и послание моему поколению, всем, кто в б*о*льшей, кто в м*е*ньшей мере способствовал крушению большой страны, и, конечно, «падшему ангелу», увы, уже на тот свет, с напоминанием о том, что он в огромной степени в ответе за

драму, которую пережил и продолжает переживать народ. И пусть не покажется надуманной аналогия «всенародно избранного» президента с известным библейским персонажем. У них много общего. И тот, и другой предали своих «отцов»: второй – Творца, первый – партию, которая взрастила его. И у того, и у другого причинами предательства стали зависть, обиды, амбиции. У того и у другого жертвой стал человек, которого они завлекли в свои сети прелестью мамоны и ложной свободы, тайно преследуя свои цели.

Меня поразил обряд отпевания покойного Бориса Николаевича в Храме Спасителя. Я совершенно не разбираюсь в церковных правилах, но, глядя тогда в телевизионный экран, дивился длительной и сложной процессии. Отпевали его по просьбе семьи как мирянина, но при этом постоянно упоминали, что прощаются с «первым президентом России». Для Господа Бога, а следовательно, и для церкви должность земная не имеет значения, там другие оценки, но в тот раз всю ночь читали Псалтырь, а отпевание началось в час дня и продолжалось до четырех. Два последних часа обряд по поручению патриарха совершал митрополит Крутицкий и Коломенский. Так не отпевают «простого» мирянина. Так, по-моему, отпевают святого или… И мелькнула тогда догадка, наверное, греховная: а не потому ли так длителен был обряд прощания, что церкви пришлось отмаливать множество грехов покойного?